

Jewish Pirates — || OF THE || — *Caribbean*

*How a Generation of Swashbuckling
Jews Carved Out an Empire in the New
World in Their Quest for Treasure,
Religious Freedom—and *Revenge**

Edward Kritzler

DOUBLEDAY

New York • London • Toronto • Sydney • Auckland

СОДЕРЖАНИЕ

[Титульный лист](#)

[Преданность](#)

[Пролог](#)

[Введение](#)

[Глава первая](#)

[КОЛУМБ И ИЗБРАННЫЙ НАРОД ЯМАЙКИ](#)

[Глава вторая](#)

[ПРИКЛЮЧЕНИЯ В НОВОМ МИРЕ Глава](#)

[третья](#)

[ГЛАВНЫЕ ЕРЕТИКИ КОРОЛЯ](#)

[Глава четвертая САМУЭЛЬ](#)

[ПАЛАШ, ПИРАТСКИЙ РАВВИН Глава](#)

[пятая](#)

[АМСТЕРДАМ, НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ](#)

[Глава шестая](#)

[ВОИНЫ СИОНА В НОВОМ МИРЕ](#)

[Глава седьмая](#)

[ИСХОД НА ОСТРОВ ЕРЕТИКОВ](#)

[Глава восьмая](#)

[СЕКРЕТНЫЕ АГЕНТЫ КРОМВЕЛЛЯ](#)

[Глава девятая](#)

[ЗОЛОТАЯ МЕЧТА КАРЛА II](#)

[Глава десятая](#)

[ОСТРОВ БУКАНИР](#)

[Эпилог](#)

[ПОИСК ПОТЕРЯННОЙ ШАХТЫ КОЛУМБУСА](#)

[Благодарности](#)

[Хронология](#)

[Примечания и источники](#)

Моей дочери Элизе

ПРОЛОГ

АМне бросилась в глаза загадочная запись в журнале пирата. Вторжение на Ямайку в 1643 году Уильям Джексон обнаружил, что столица острова опустела, за исключением «различных португальцев еврейской нации, которые пришли к нам в поисках убежища и обещали показать нам, где испанцы спрятали свое золото». Я всегда знал, что ранние приключения в Новом Свете были уделом испанских и португальских конкистадоров, и что все они были набожными католиками, несущими крест. Так что же делали португальские евреи на испанском острове, ища убежища у английского пирата?

Это был 1967 год. Я переехал на Ямайку из Нью-Йорка и наткнулся на дневник Джексона в читальном зале Национальной библиотеки Ямайки, просматривая современные отчеты о начале пиратства на острове. Я был более чем заинтригован. Я хотел получить ответ.

То, что я узнал дальше, было поразительным: до того, как Англия завоевала Ямайку в 1655 году, остров принадлежал семье Христофора Колумба, который предоставил убежище евреям, которые в противном случае были бы вне закона в Новом Свете. Лидер еврейской общины, покойный сэр Невилл Эшенхайм, пошел еще дальше, сказав мне, что Колумб был евреем, и что евреи Ямайки ведут свою родословную от первых поселенцев.

Я был настолько очарован этими открытиями, что провел следующие четыре десятилетия, следуя их примеру и раскрывая неизвестную главу еврейской истории. Забудьте о Венецианском купце — его кузены из Нового Света были авантюристами по моему сердцу: еврейские исследователи, конкистадоры, ковбои и, да, пираты.

Запрещенные селиться в Новом Свете, они пришли под видом христиан. Они и другие поселенцы были похожи по духу, но в то время как другие приходили завоевывать, обращать язычников, искать золото или собирать стаю индейских женщин, евреи

приехал, чтобы избежать преследований и поселиться в стране, находящейся вне щупалец инквизиции.

История начинается с Колумба и эпохи Великих географических открытий, когда тайные евреи плавали с исследователями, маршировали с конкистадорами и были одними из первых

поселенцев в каждой колонии Нового Света. Эта ранняя история в значительной степени неизвестна, потому что мало кто тогда или с тех пор осознавал, что эти пионеры были евреями. Запрещенный въезд в Новый Свет из-за своей религии, иберийские евреи выдавали себя за новых христиан из Португалии, единственной группы поселенцев, которой не требовалось доказывать свое католическое происхождение. Большинство португальцев, действовавших в Испанской империи, были новыми христианами, обычно называемыми *conversos*, и многие сохраняли верность своей исконной вере.

Они были Эсперандос, Надеждами, которые ожидали, что Мессия скоро придет, и что Он, как и они, явится под видом христианина и простит их отступничество. До тех пор, чтобы выжить во вражеском мире, требовалось не обман, а сила. Как Эсперандос, евреи в Новом Свете жили и процветали. Если их не разоблачала инквизиция, они отправлялись в могилу с нетронутым маскарадом, хотя даже смерть не давала никаких гарантий, поскольку мертвых еретиков судили заочно. Если их признавали виновными, их тела эксгумировали и сжигали, а их имущество конфисковывали.

Прибыв сначала как исследователи и конкистадоры, они и еврейские пионеры, которые последовали за ними, вскоре сосредоточились на области знаний, которая поддерживала их и сделала их желанными гостями в диаспоре. Будучи торговым народом, евреи в Новом Свете занимались своим бизнесом как торговцы и судовладельцы, таким образом, став первым торговым классом в Испанской империи. Пока они притворялись христианами и доставляли товары, никто не подвергал их религиозность слишком пристальному сомнению. Они основали первые сахарные заводы, стали пионерами выращивания зерна, кофе и чая и торговали сахаром, табаком, золотом и серебром с тайными евреями на Пиренейском полуострове.

Первые прибыли на родине были основой меркантильной системы. Все, что шло в Новый Свет и из него, должно было идти через Севилью или Лиссабон. На протяжении большей части шестнадцатого века стороны были довольны компромиссом. Королю нужны были евреи, чтобы обеспечить его денежный поток, а им он был нужен, чтобы держать инквизицию в страхе. Однако, как только торговая сеть была создана, евреи стали расходным материалом.

В конце шестнадцатого века их настигли костры инквизиции. В Мексике и Перу, где еврейские торговцы контролировали торговлю серебром, святые инквизиторы были призваны очистить конечный результат: еврейские лидеры были сожжены, их богатства конфискованы, а христиане взяли под контроль сказочно богатую торговлю серебром. Евреи Нового Света уловили послание. Помимо прибыли, для их выживания в наступающем столетии им требовалось убежище вне досягаемости Великого инквизитора. Не имея возможности самостоятельно обеспечить себе родину, тайные евреи вступили в сговор с Голландией и Англией, чтобы захватить колонию в Новом Свете.

Именно тогда горстка голландских евреев, вдохновленная воином-раввином, взяла на себя смелость изменить положение вещей. Их поколение достигло совершеннолетия в начале 1600-х годов, когда евреи были запрещены в Англии, Франции и большей части Европы, а в Испанской империи любой, кого поймали на «иудаизме», подлежал сожжению. Только в Амстердаме евреи могли спокойно называть себя таковыми, и они выросли сильными и свободными в городе, который стал известен в диаспоре как Новый Иерусалим. Их наставниками были их родители-беженцы, которые обосновались там, спасаясь от инквизиции, и их раввин, пират Самуэль Палаш.

Большинство из примерно пятидесяти семей общины были элитными торговцами из Испании и Португалии, чьи коммерческие навыки и связи сделали их желанными гостями в том, что быстро становилось торговой столицей Европы. Раввин Палахе, берберийский пират, который все еще захватывал испанские корабли в конце шестидесятых, провел первые религиозные службы в своем доме. В то время как целью их родителей было жить свободно, разбогатеть на торговле в Новом Свете и получить свои портреты, написанные Рембрандтом, их конечной целью было не что иное, как свергнуть Испанскую империю. Их доверенными армиями в этой борьбе были голландцы, англичане и в последнем, успешном нападении, буканьеры Вест-Индии.

Еврейские Пираты Карибского моряэто история сефардских евреев в раннем Новом Свете, включающая интриги, ужас, поражение, выживание и окончательную победу над инквизиторами в капюшонах Святого Террора. Она завершается их последним ура их поисками легендарного потерянного золотого рудника Колумба. После получения еврейских прав в Европе и Новом Свете, три голландских еврея, сопровождаемые своими сыновьями, отправились в горы Ямайки, чтобы найти рудник Колумба. Они сообщили, что их поиски не увенчались успехом. Но я нашел их карту и имею основания полагать, что это было так.

ВВЕДЕНИЕ

О1 августа 1492 года, когда Христофор Колумб отплыл в Новый Свет, Этническая чистка была обычным делом: 100 000 евреев покинули Испанию, изгнанные в соответствии с Королевским указом об изгнании евреев. Те, кто остался или пересек границу с Португалией, обратились в католичество. Более

предприимчивые отправились в Новый Свет. Именно об этой группе и рассказывается наша история.

Задолго до того, как Испания стала Испанией, там жили евреи. Торговая фактория царя Соломона (1000 г. до нашей эры.) развивался на протяжении тысячелетия, чтобы стать Сефардом, стратегическим форпостом Римской империи. Именно там, в первом веке нашей эры, что император Тит, завоевав Израиль и сжег Храм, изгнал тысячи евреев. Хотя евреи Сефарда процветали, они всегда были арендаторами. Вестготы, сменившие римлян, сделали для них незаконным владение землей, и последующие правители Испании, вандалы, мавры и католики, сочли целесообразным сохранить запрет. Несмотря на это и другие ограничения, племя Моисея росло и процветало.

В феодальном обществе Испании евреи были образованной элитой, классом торговцев, также уважаемым как врачи и финансисты. В конце четырнадцатого века, после примерно 1500 лет проживания, 500 000 евреев Сефарда (половина евреев Европы) представляли собой старейшую и крупнейшую еврейскую общину за пределами Палестины. Их лидеры хвастались своим происхождением от царя Давида и считали себя аристократией еврейства. Это были безмятежные дни для народа, который был нежеланным гостем в большей части Европы. Но их процветание и превосходный образ жизни вызывали возмущение у необразованной массы, чьи всепоглощающие религиозные убеждения могли быть разожжены яростным антисемитизмом.

Феррант Мартинес, монах из Севильи, дал искру. После яростной проповеди, в которой он обвинил евреев во всем, от причинения черной чумы

к убийству христианских детей и питью их крови, он подстрекал толпу восстать и уничтожить эту проклятую расу. Обрушившись на еврейский квартал Севильи, чернь вырезала четыре тысячи мужчин, женщин и детей. То, что известно в еврейской истории как резня 1391 года, началось. Погромы распространились из города в город. Увещевание толпы «Обратись или умри» привело к 100 000 убитых евреев и 100 000 обращенных в Иисуса.

После кровавого года мир постепенно был восстановлен. 300 000 оставшихся в Испании евреев вышли из укрытий и восстановили свою жизнь. Те, кто остался верным, продолжали жить как евреи, но с массой ограничений. Но 100 000 обращенных евреев, освобожденных от религиозного рабства, поднялись в течение следующего столетия на должности власти, в которых им было отказано как евреям. Названные *conversos*, или новыми христианами, чтобы отличить их от доминирующих «старых» христиан, они достигли важных должностей в правительстве, армии и университетах и вступили в брак с представителями высшей знати. Они были заметны при дворе и в иерархии Церкви. Однако обращение по принуждению, а не по убеждению имело

непредвиденные последствия. Принудительное крещение привело неверных в Церковь, но при этом создало еретиков внутри нее.

В последние десятилетия пятнадцатого века началось то, что стало называться Священным террором. Королева Изабелла поклялась, что искоренит всех еретиков из своего королевства, как только католическое отвоевание Испании у мавров будет завершено. Тем временем она начала с выслеживания еретиков в Севилье, городе, известном тем, что евреи выдавали себя за христиан. Ее средством было аутодафе (акт веры), церковная идея Судного дня на земле, с Великим инквизитором, играющим роль Бога. В 1482 году Изабелла передала эту роль своему духовнику, Томасу де Торквемаде. За восемнадцать лет своего правления бывший доминиканский монах лично приговорил девять тысяч евреев к сожжению на костре *quemadero* (горящая земля) за пределами городских стен. Он также эксгумировал тела семи тысяч убитых еретиков и сжег их останки. (Всякий раз, когда Торквемада появлялся на публике, его сопровождали пятьдесят агентов на лошадях и двести вооруженных охранников.)

Десять лет спустя, в тот самый день, когда Колумб отплыл, испанские монархи изгнали ее евреев, чтобы очистить и тем самым объединить свою нацию. Евреи селились везде, где им разрешалось, и, замаскированные под португальских новых христиан, там, где их не было. Вместе с другими пионерами в далеком Новом Свете они проложили себе нишу, прожив, возможно, самый оригинальный опыт, который когда-либо имел мир

когда-либо известных. Они считали себя в безопасности, но вскоре за ними последовали инквизиторы в белых капюшонах. В шестнадцатом и семнадцатом веках тысячи новообращенных из Нового Света были арестованы, подвергнуты пыткам и осуждены. Признанные виновными, они увидели, как их богатство конфисковали, и их сначала высекали, затем заключили в тюрьму, задушили, сожгли или приговорили либо к работе в соляных шахтах Венесуэлы, либо к гребле на галерах через Тихий океан, из которого никто не вернулся.

Инквизиторы были тщательны в своих допросах еретиков, и стенограммы суда предлагают интимный взгляд на тайную жизнь осужденных иудействующих. Днем они ходили как образцовые католики, посещали мессу, исповедовались и крестили своих детей. Но в определенные ночи они тайно встречались в домах друг друга, возвращались к еврейским именам и читали Тору. История назовет этих тайных евреев марранами, что означает свиньи. Хотя этот термин в целом утратил свое уничижительное значение, я предпочитаю называть их так, как они сами себя называли в святости своих домов: евреями.

В каждой колонии Нового Света была подпольная община евреев, известных только друг другу и своим собратьям в других колониях. Вместе конверсо в Новом Свете доминировали в торговле. В шестнадцатом веке, когда известный мир

удвоился в размерах, а международная торговля стала крупным бизнесом, они создали торговую сеть, которая охватывала весь земной шар.

- В Лиме, Перу, инквизиция сообщала: «Город переполнен [евреями]. Все проходит через их руки... от парчи до мешковины, от бриллиантов до семян тмина... до самого драгоценного жемчуга и самого отвратительного черного гвинейского золота».
- В Потоси, Боливия, где находится серебряная гора, инквизитор сообщил, что торговля серебром «почти исключительно находится в руках криптоевреев».
- В Порт-Рояле, Ямайка, английские торговцы протестовали: «Потомки распятий благословенного Иисуса лишают нас и наших детей всякой торговли. [Они] скупают весь груз торгового судна, делят его в соответствии с оплаченными долями и распределяют товары через агентов в каждой из колоний».

Вместе со своими собратьями-евреями, разбросанными по всему миру сефардской диаспорой, они образовали глобальное племя внутренних торговцев, связанных наследием, языком и ненавистью к Испании. Евреи Нового Света торговали с тайными братьями на Пиренейском полуострове, а затем продавали напрямую евреям в Амстердаме и Лондоне, часто на судах, арендованных у еврейских судовладельцев в Амстердаме и Антверпене.

Сделки с людьми Книги были очень привлекательны. Их новаторские аккредитивы и кредиты сделали капитал переносимым. Например, торговец, торгующий в пиратских водах, удваивал свои риски, если возвращался с золотом. С другой стороны, если он мог оставить золото и вернуться вместо этого с траттой на еврейский банковский дом, он был в безопасности. Будучи связующим звеном в мировой торговой сети в начале международной торговли, еврейские торговцы были самыми желанными капиталистами в мире. Историк капитализма Фернан Бродель пишет: «Слишком быстро было принято считать, что евреи не изобрели капитализм; определенно они всецело участвовали в его становлении... Не будет нереалистичным сослаться на... XVII век как «век» великих еврейских торговцев».¹

Пиратство было еще одной прибыльной областью торговли, в которой специализировались эти еврейские торговцы. Вопросы морали не применялись. Нормальным занятием каждой нации было выдавать лицензии наемникам на захват и грабеж вражеских кораблей и делиться доходами. Единственное отличие от евреев заключалось в том, что им не нужно было выдавать лицензии своим флибустьерам. В закодированной переписке с другими торговцами в других колониях они могли выяснить, какое судно

отплывает, когда; его груз, маршрут и пункт назначения; и что его капитан мог спрятать в своей каюте. Осведомленные таким образом, еврейские торговцы были мозгом мускулов — финансировали, консультировали, а иногда и руководили формирующейся боевой силой Карибского моря: разношерстной командой неудачников каждой нации, которые объединились в ужасных пиратов Испанского Майна.

Прецедент для этого нечестивого союза был создан собратями-сефардами в Северной Африке, которые обеспечили себе гостеприимство среди мавров, выгодно поддерживая и иногда возглавляя берберийских пиратов. Синан, второй по званию человек Барбароссы, упоминался в переписке Короны с Генрихом VII в Англии как «Великий еврейский пират», а братья Сэмюэл и Джозеф Палахе

пройти путь от командующего пиратами до основателя еврейской общины Амстердама.

В первые десятилетия семнадцатого века, конкурирующие христианские торговцы, желая получить свою долю сказочного богатства, создаваемого торговлей в Новом Свете, пытались разоблачить конверсо как еретиков перед Священной канцелярией инквизиции. Под угрозой этого, тайные евреи, начиная с 1620-х годов, вступили в сговор с Голландией и Англией, чтобы захватить колонию в Новом Свете. Писавшие шифр агентам в Европе, они предлагали служить пятой колонной в теле врага. «Они хорошие и полезные шпионы», — сказал доверенное лицо Оливера Кромвеля относительно евреев который был советником Кромвеля при завоевании Ямайки.²

Они были готовы помогать врагам Испании, и они это сделали. Еврейские торговые связи, развивавшиеся с 1492 года, когда сефарды поселились в самых отдаленных уголках земного шара, стали всемирной разведывательной сетью. С того момента, как евреи Португалии получили известие от королевы Елизаветы о том, что Армада отплывает, они делились секретной информацией с врагами Испании.

Евреям было запрещено жить во Франции с 1394 года, а в Англии — с 1290 года. Однако, когда эти две страны и Голландия заселили дюжину небольших необитаемых островов Карибского моря между 1624 и 1635 годами, евреи были желанными гостями. Их связи и знание торговли в Новом Свете были незаменимы для успеха новых колоний. И они говорили на этом языке. Кто, как не сефардские торговцы, мог лучше вести нелегальную торговлю с испанскими колониями? Как еще могли выжить эти небольшие поселения? Острова представляли собой всего лишь плацдармы в так называемом Новом Испанском море. Вместе они занимали менее 1500 квадратных миль, в то время как Испанский Новый Свет охватывал миллионы.

Первое открытое еврейское поселение в Новом Свете было в Бразилии. В 1624 году голландцы захватили столицу Бразилии, Баию, у Португалии с помощью вторжения, включавшего «несколько десятков объявленных евреев». Захватчикам помогали местные конверсо, которые получили известие о том, что в их провинции будет создан офис инквизиции, где двести из них жили как поддельные христиане. Год спустя король Испании Филипп IV послал двенадцатитысячную армию и временно выгнал голландцев. После этого в отчете инквизитора говорилось: «[Тайные евреи] написали Голландии и попросили голландцев освободить

они... инициировали планы вторжения и согласились разделить его расходы. [Эти] еретики вскормили грудь Матери-Церкви [и когда голландцы пришел]...открыто исповедовал иудейскую веру».³

В 1630 году голландские войска снова вторглись. Высадившись к северу от Баии, они захватили Ресифи и близлежащие провинции на северо-востоке Бразилии. Под защитой голландцев еврейская община процветала там в течение двадцати четырех лет. Они называли свою общину Zur Israel (Скала Израиля), торговали сахаром и облагали еврейских каперов налогом в 3 процента от своей добычи. Сахар и пиратство превратили Ресифи в самый богатый торговый порт в Новом Свете за пределами Гаваны, и евреи, неотъемлемые участники обеих отраслей, жили роскошной жизнью. Их любимые развлечения можно увидеть в том, что они запретили: лидеры синагоги запретили карточные игры в пятницу днем (так как слишком много членов пропускали субботнюю службу) и взимали колоссальные штрафы с членов, пойманных на том, что они водили христианок вмиква, ритуальное омовение.

Ситуация в Бразилии была уникальной. В других местах Нового Света, по мере приближения середины века, давно существующие тайные еврейские общины в Перу и Мексике пришли к пламенному концу, и каждая была признана виновной в «великом заговоре». В 1638 году сотни перуанских евреев были арестованы. Их лидеры, обвиненные в заговоре с целью взорвать гавань Лимы перед голландским вторжением, были сожжены на костре. В 1640-х годах евреи Мексики были обвинены в заговоре с целью сжечь Дом инквизиции, и к 1650 году методы инквизиции — темница, дыба и костер — ознаменовали десятилетнюю череду аутодафе, которые опустошили мексиканскую общину. В обеих странах богатство еретиков было поровну разделено между короной и инквизиторами, а их имущество было продано с аукциона старым христианам.

В 1654 году аналогичный конец грозил прихожанам Скалы Израиля, когда Португалия отвоевала Ресифи. Спустя двадцать четыре года единственной законной еврейской общины в Новом Свете больше не было. Евреям дали три месяца, чтобы покинуть страну или передать ее инквизиции. Уничтожение братских общин в Мексике и Перу убедило беженцев, что Новый Свет снова закрыт для посещения. Они покинули Ресифи на

шестнадцати кораблях: пятнадцать, которые отплыли в Голландию, прибыли благополучно; корабль, который отправился на север в Новый Амстердам, не прибыл.

Это судно попало в шторм, который «по неблагоприятной причине» загнал его во вражеские воды Ямайки, где оно было захвачено. Остров был домом для тайного еврейского

сообщество, называемое «Португальцы», которые жили как торговцы и купцы с тех пор, как сын Колумба поселился на острове в 1510 году. Семья Колумбов владела Ямайкой и, в знак уважения к своим поселенцам-конверсо, держала остров вне досягаемости инквизиции. Но когда личности голландских беженцев стали известны, лидеры Ямайки, стремясь вытеснить семью Колумбов, использовали прибытие этих «подозреваемых еретиков», чтобы пригласить инквизиторов из Колумбии на Ямайку.

Опасаясь, что расследование в отношении беженцев может привести к их собственному разоблачению, португальцы Ямайки отправили записку агенту Кромвеля: Ямайку можно завоевать с небольшим сопротивлением, и они обещали свою помощь. В следующем году еврей из Невиса привел тридцать шесть английских кораблей в гавань, и два местных еврея провели переговоры и подписали мирный договор, по которому остров был передан Англии. Договор изгнал испанцев, и Кромвель пригласил португальцев Ямайки остаться открыто как евреи.

Приветствуемые англичанами, евреи со всего Нового Света сбросили свои плащи converso и эмигрировали на Ямайку. Вскоре в общину вошли судовладельцы из Мексики и Бразилии, торговцы из Перу и Колумбии, капитаны кораблей и лоцманы из Невиса и Барбадоса. Вместе их знания о торговле в Новом Свете были непревзойденными. К 1660 году Ямайка стала главным убежищем евреев в Новом Свете. В отличие от небольших изолированных островов в восточной части Карибского моря, Ямайка была крупным островом в середине судоходных путей, идеальной базой для ударов по испанскому судоходству и хорошо позиционированной для участия в контрабандной торговле с Испанским Майном.

Вскоре после английского завоевания ямайские евреи убедили новых лидеров острова, что лучший способ защитить колонию и обеспечить ее процветание — пригласить туда пиратов Карибского моря. Испанцы дважды подумают, прежде чем нападать на Ямайку, если ее главный порт будет базой грозных буканьеров Вест-Индии. В обмен на безопасную гавань эти пираты, Береговые братья, стали оборонительной силой Ямайки, а пиратство — ее главной отраслью.

В 1660-х годах Порт-Ройял с его богатыми еврейскими купцами, судовладельцами и синагога, была известна как «Сокровищница Индий» за всю привезенную туда добычу. Обслуживая временное пиратское население одним баром и борделем на каждых восемь человек, пиратская столица приобрела репутацию «самого развратного города в мире». В течение пятнадцати лет пиратские набеги с Ямайки на Испанский Майн, организованные и финансируемые купцами Порт-Рояля, сломали хребет Испанской империи. В Генри Моргане евреи нашли своего Иисуса Навина. Шесть набегов адмирала-пирата на испанские порты, завершившиеся сожжением «Золотого города Панама», поставили Испанскую империю на колени. По Мадридскому договору 1670 года Испания согласилась с правом Европы на заселение Нового Света... и евреи наконец-то получили свободу быть евреями.

XVII век начался с того, что евреи были объявлены вне закона в большей части Европы и Нового Света; он закончился их свободой. Известны участники их освободительной борьбы. Это были дети беженцев от инквизиции, которые в начале 1600-х годов, после подпольной жизни в Испании и Португалии, поселились в Амстердаме. Принятые голландцами как ценный торговый класс, они воспитывали своих детей на свободном воздухе Голландии, где избранная группа из них, следуя примеру своего воина-раввина, взяла на себя задачу изменить положение вещей. В течение полувека руководства (1623–75) они вторглись в Новый Свет, сражались с инквизицией и организовали свободу своего народа.

Глава первая

КОЛУМБ И ИЗБРАННЫЙ НАРОД ЯМАЙКИ

М1504 год, Санта-Глория, Ямайка: Колумб почти год находился на Ямайке с кучей золота, мятежной командой и несколькими десятками юные сторонники, некоторые из которых были тайными евреями.¹Одиноким, меланхолическим и прикованным к своей каюте подагрой, великий исследователь написал своей покровительнице королеве Изабелле отчаянное письмо. Он боялся, что даже если он победит мятежников, губернатор Санто-Доминго, обещавший прислать спасательный корабль, хотел его смерти.

Так много всего произошло с тех пор, как он объезжал Европу, будущий исследователь, переходя от короля к королю в поисках королевской поддержки для обещанного быстрого прохода на запад через Океан-море в Индию и богатства Востока.

В 1486 году, на своей первой встрече с королевской четой Испании, король Фердинанд, хотя и был заинтригован планом, сказал Колумбу, что время неподходящее. Они были в разгаре войны и не могли серьезно рассматривать такой важный вопрос, пока не будет восстановлен мир. На прощание королева Изабелла посоветовала Колумбу проявить терпение и наградила его вассалом, пообещав, что они встретятся снова, когда война закончится.

12 января 1492 года Колумб вошел в королевские покои. Его вызвали через несколько дней после окончательной победы Испании над маврами в Гранаде, и королева послала ему денег на покупку новой одежды и мула для верховой езды. Воодушевленный ее подарком, Колумб был уверен. Он отточил свое предложение до подробной презентации с картами и схемами еврейского астронома Авраама Закуто и цитатами из Библии и греческих мудрецов, подтверждающими его точку зрения, что мир круглый, океаны невелики, а Япония лежит в трех тысячах миль к западу, за Океаном-морем. Подготовленный к вопросам, он не получил ни одного.

После тревожного молчания Фердинанд заговорил. Победа над маврами была опустошила казну, сказал он. Более того, он не мог вынести требования Колумба о наследственном правлении над землями, которые он мог бы открыть. Королева, его поклонница, ничего не сказала. Встреча прервалась, и Колумб ушел, сердитый и возмущенный. Все это время он ждал окончания войны. Теперь, когда это произошло, Фердинанд ссылаясь на бедность. Ненадолго остановившись в коридоре, он сообщил казначею короля, что отправляется во Францию, где Бартоломей, его младший брат, договаривается об аудиенции с королем. Если этот монарх не заинтересован, он пересечет пролив, чтобы встретиться с английским королем. Он не будет лишен своей мечты, той, которую, как Сервантес писал о Дон Кихоте, «Он обнял и не хотел расставаться с даже если бы его умоляли босые монахи».²

Прежде чем Колумб проехал мимо ворот Санта-Фе, королевский казначей Луис де Сантанхель запросил и получил аудиенцию у королевы Изабеллы. Королевский летописец отметил: «[Сантанхель] выглядел расстроенным, как будто с ним случилось большое несчастье постигло его лично».³ У него были веские причины: Сантанхель был тайным евреем, и как член королевского двора он знал, что его народ вот-вот будет изгнан из Испании. В стране, которую они называли домом со времен Христа, проживало более полумиллиона евреев. Куда они отправятся? В Индию? В Китай? Возможно, исследователь Колумб где-нибудь откроет новую землю. Сантанхель и другие тайные евреи на королевской службе надеялись, что путешествие Колумба даст ответ.

Инквизиция предписывала евреям под страхом смерти либо покинуть страну, либо принять католичество. Сантанхель, как и многие другие, принял христианство и стал новым христианином. Если обнаруживалось, что они исповедуют иудаизм, новообращенные подлежали сожжению на костре. Семья Сантанхель, давно обосновавшаяся в Испании, была одной из первых целей инквизиции. Кузены Луиса сгорели в Сарагосе, и только вмешательство Фердинанда предотвратило Луиса постигла та же участь.⁴

Сантанхель обратился к королеве. Он был поражен, он сказал ей, «видя, что Ее Высочество, которая всегда проявляла такой решительный дух в вопросах большого значения, теперь не имеет его для предприятия с таким малым риском ради такой огромной выгоды». Он говорил королеве о богатстве, которое должно было быть приобретено, и о великой службе, которую она окажет Богу, «всего за цену нескольких каравелл [кораблей]». Намекая на план Колумба искать королевскую поддержку в другом месте, он предостерег Изабеллу, «Это было бы большим ущербом для Ее Короны и серьезным упреком для Ее Высочества, если

любой другой принц должен предпринять то, что Колумб предложил Ее Высочеству». Если бы деньги имели значение, сказал Сантанхель, он был бы рад сам финансировать флот.

Конный гонец догнал Колумба, когда он пересекал мост Пинес в семи милях от Санта-Фе, и попросил его вернуться. Позже в тот же день, когда все стороны снова собрались в королевских покоях, король сообщил Колумбу, что корона будет спонсировать его «Предприятие Индий» и удовлетворит его требования. О наследственном титуле не упоминалось. Два месяца спустя это все еще было камнем преткновения в его переговорах, когда произошло событие, сделавшее его включение обязательным.

Утром 31 марта 1492 года Колумб находился в своей комнате в Санта-Фе, выходящей на главную площадь, когда звуки труб вывели его на балкон. Ниже городской глашатай, окруженный конными стражниками, зачитывал приказ инквизиции об изгнании: у евреев было четыре месяца, чтобы покинуть страну. После этого любой «пойманный в Наших владениях будет наказан без суда смертью и конфискацией свойство.»⁵Евреям Испании и раньше угрожали изгнанием. Правители со времен вестготов использовали эту угрозу, чтобы вытянуть из них больше денег. В шутке того времени евреев сравнивали с «копилкой», которую вы разбиваете, когда вам нужны деньги. Но на этот раз все было по-другому: в этом была замешана Церковь.

Для евреев королевского двора, которые поддерживали Колумба, приказ об изгнании сделал необходимым, чтобы Колумб отстаивал наследственное правление. Если ни одно азиатское королевство не приветствовало еврейских беженцев, Колумб, как правитель новой земли, мог бы предоставить убежище испанским евреям.

Считается, что сам Колумб был потомком испанских евреев из семьи Колон, которые обратились в христианство и переехали в Геную столетием ранее, после резни 1391 года. Некоторые даже утверждают, что он был каббалистом. Какова бы ни была его генеалогия, он симпатизировал Людям Книги, а они — ему. В ранние годы, в Португалии и Испании, он жил в преимущественно еврейском и новом христианском мире мореплавателей, картографов, астрономов и математиков. В то время как другие косо смотрели на этого странствующего моряка и смеялись над его мечтой, иберийские евреи и конверсос помогали Колумбу в разработке его Предприятия Индий. В своих ученых кругах они имели дело с Круглым мир. Церковная география к ним не применима.⁶

17 апреля Колумб согласился на капитуляции Санта-Фе, которые ограничивали его права на пожизненное правление. Две недели спустя это решение было отменено, и Колумбу было предоставлено наследственное правление. О последних переговорах не сохранилось никаких сведений, но вполне вероятно, что придворные евреи, столкнувшись с вынужденным изгнанием своего народа, посоветовали Колумбу твердо придерживаться своего требования. Можно представить себе сцену в королевских покоях, где Сантанхель убеждает королевскую семью, что требование исследователя не должно их беспокоить. Если бы его путешествие было успешным, Колумб и его команда из девяноста человек, возможно, не смогли бы покорить одну из могущественных азиатских стран. С другой стороны, если бы он завладел несколькими островами по пути, корона выиграла бы, имея промежуточные станции для торговых судов Испании, курсирующих по кратчайшему пути к богатствам Востока.

Независимо от того, имела ли место такая сцена, Фердинанд в конце концов смягчился: Колумб отправится в плавание, сохранив за собой право править любыми новыми землями, которые он откроет, чтобы «им пользоваться навсегда его наследниками и преемниками».⁷

После того, как Колумб вернулся из своего успешного первого плавания, он совершил еще три путешествия через Западное море. Он так и не добрался до Азии и не прожил достаточно долго, чтобы выполнить свое обещание Сантанхелю и придворным евреям предоставить родину обращенным евреям. Но она будет сохранена его семьей на «новой земле», которую Корона завещала потомкам Колумба, острове Ямайка. То, как это произошло, восходит к обещанию, которое он дал подросткам-конверсо, которые поддерживали его, когда он был там высажен.

Возвращаясь из своего четвертого путешествия в Новый Свет, Колумб был вынужден пристать к берегу на Ямайке после того, как отплыл из Панамы с тайником золотых предметов, выменанных у индейцев. Его два корабля сильно протекали. Колумб надеялся добраться до Санто-Доминго, чтобы получить другие, чтобы вернуться в Испанию. Но его

изъеденные червями каравеллы, описанные его сыном как «более полные дыр, чем пчелиные соты», едва достигли Ямайки. Когда вода поднялась в их трюмах, он посадил их на мель и связал их вместе в мелкой, спокойной бухте на острове северное побережье, «на расстоянии выстрела из арбалета от суши».8На носовой палубе он соорудил хижину из пальмовой соломы, которая служила ему каютой.

В своем первом письме королеве, написанном вскоре после прибытия, он хвастался, что он открыл источник золота Соломона в шахтах Панамы и утверждал, что за несколько дней увидел там больше золота, чем за все свои предыдущие поездки. Его четырнадцатилетний сын Фернандо, взятый с собой в качестве юнги, позже записал, что его отец обменял маленькие колокольчики и зеркала на шестьдесят три золотых подвески и другие золотые предметы у индейцев племени верагуа из Панамы.9

Это было его второе путешествие на Ямайку. Когда он открыл остров в 1494 году, он назвал залив в форме полумесяца, где он сейчас находился, Санта-Глория за «красоту его великолепного ландшафта».10Через год он подумал, что никогда не уедет. Неужели здесь закончится его жизнь? Неуверенный в своем будущем, он написал своей королеве:

Мы были заперты 10 месяцев, размещены на палубах наших кораблей. Мои люди взбунтовались. Мой брат, мой сын и те, кто верны, больны, голодают и умирают. Губернатор Овандо из Санто-Доминго послал проверить, не умер ли я, а не везти меня обратно живым. Я заключаю, что Ваши офицеры намерены
моя жизнь должна закончиться здесь.11

Объектом его цинизма было прибытие на прошлой неделе судна из Овандо. Оно встало на якорь у рифа ближе к вечеру и отплыло до рассвета. Перед тем как отплыть, его капитан переправил кусок ветчины, бочку вина и сообщение от губернатора о том, что скоро будет отправлено спасательное судно.

В послании губернатора подтверждалось благополучное прибытие первого помощника Колумба, Диего Мендеса, который десять месяцев назад отправился в долбленом каноэ, чтобы доставить новости об их бедственном положении в Санто-Доминго. Но, как он написал королеве, он действительно считал, что корабль был отправлен «шпионить, чтобы узнать, как меня можно полностью уничтожить».12

Разъяренный своими подозрениями, Колумб завершил свое письмо гневной клятвой. Если он умрет на Ямайке и его права собственности будут отозваны, «неблагодарность навлечет гнев Небес, так что богатство, которое

я обнаружил, станет средством побуждения всего человечества к мести, и Испанская нация будет страдать впредь».13

К счастью для Колумба, Изабелла так и не получила его угрозы. Не имея возможности

Чтобы отправить это письмо, Колумб мог только призвать «добрых ангелов, которые помогают угнетенный и невинный, я должен принести эту бумагу моей великой госпоже».14 Видимо, Небесные курьеры не слушали, поскольку это малоизвестное письмо так и не покинуло остров. Его более раннее письмо, доставленное Мендесом, было переслано ей из Санто-Доминго.

Мятеж, упомянутый в его отчаянном послании, вспыхнул пятью месяцами ранее, когда Франсиско Порас, капитан одного из кораблей, ворвался к адмиралу в его соломенную каюту и потребовал, чтобы они немедленно уходили. Он и его брат Диего, нотариус флота, обвинили Колумба в том, что он намеренно оставил их на Ямайке, зная, что он нежеланен в Санто-Доминго. К восстанию братьев Порас присоединилось большинство старых моряков, которые после шести месяцев в Санта-Глории захотели уйти. Колумб заявил, что не уйдет, но вместо того, чтобы сражаться с мятежниками, согласился отпустить их.

С криком «Я за Кастилию — следуйте за мной» лидер мятежников схватил дюжину каноэ, которые Колумб выменял у индейцев. Заставив туземцев грести, мятежники предприняли три попытки преодолеть яростные течения 108-мильного канала к Эспаньоле. В последней попытке они сдались, правда, только после того, как сбросили за борт восемнадцать индейских гребцов и отрубили руки тем, кто цеплялся за борт. Пять месяцев спустя, после двухнедельного марша по острову, отмеченного изнасилованиями и грабежами, они разбили лагерь в индейской деревне в полумиле от Санта-Глории, намереваясь захватить корабли адмирала.

Колумб только что закончил свое тревожное письмо королеве, когда двое мужчин, которых он послал на переговоры с мятежниками, вернулись. Они приняли предложение о помиловании и обещание, что их скоро спасут. Но Порас отверг их.

Когда его эмиссары сообщили, что люди Пораса готовятся к битве, Колумб в отчаянии удалился в свою каюту. Но Бартоломей, его свирепый младший брат, убедил его дать бой врагу. Он вооружил пятьдесят молодых лоялистов и отправился атаковать лагерь мятежников. Когда мятежники увидели приближающуюся армию подростков Колумба, они рассмеялись. Не было никакого способа, чтобы простые юноши, «воспитанные в более мягком образе жизни», могли победить таких «отважных моряков, ставшие крепкими и энергичными благодаря кочевой жизни».15 Но уверенность мятежников оказалась преждевременной: нечеловеческим усилием Варфоломей убил шестерых мятежников, посланных напасть на него, и приставил острие своего меча к груди Пораса, когда остальные

сдались. Братья Порас были закованы в кандалы на борту корабля, а сорок восемь мятежников были разоружены и оставлены на берегу. С восстановлением мира воссоединившаяся, недоверчивая команда нервно ждала обещанного спасения.

Даже если бы Овандо действительно послал корабль, Колумб не верил, что его золотые медальоны будут в безопасности на Эспаньоле, предыдущий губернатор которой, как он писал королеве, «украли у меня и моего брата наше дорого купленное золото».¹⁶ Он не ожидал от Овандо ничего меньшего. В течение напряженных пяти недель до прибытия двух спасательных судов (одно отправлено Мендесом, другое — Овандо) он редко покидал свою каюту. Больше он никогда не ступал на Ямайку.

Что случилось с золотом Верагуа? Корона поручила Колумбу, что если сокровище будет найдено, «вы должны составить отчет обо всем этом в присутствии Нашего Нотариуса... чтобы Мы могли знать все, что упомянутые Острова и материковая часть может содержать».¹⁷ Однако шестьдесят три медальона из Панамы не упомянуты в отчете нотариуса и не перечислены в описи корабль, который доставил его домой в Испанию.¹⁸ Не уверен, что его золото переживет Овандо. Если бы его спасли, Колумб не оставил бы золото на Эспаньоле.¹⁹ У Колумба также были основания опасаться нового мятежа на обратном пути в Испанию. Поэтому маловероятно, что он оставил золото у себя.

Остается Ямайка. Поскольку он никогда не покидал корабль и не доверял никому, кроме своего сына, брата и основной группы лоялистов, он, по-видимому, попросил членов этой последней группы перевести его золото в безопасное место.

Было две веские причины, по которым он мог рассчитывать на этих молодых людей, чьи безграничную преданность он поклялся вознаградить.²⁰ Во-первых, у них был финансовый интерес в путешествии, поскольку их отцы помогали его финансировать. Во-вторых, их семьи, будучи богатыми конверсос, подвергались преследованиям со стороны инквизиции. Поэтому разумно предположить, что для обеспечения безопасности своих сыновей покровители Колумба убедили его взять их с собой.

В то время как еврейская молодежь, возможно, смотрела на Колумба как на своего Моисея (как и он сам), Ямайка не была Землей Обетованной. Тем не менее, для подростков, вынужденных вести подпольную жизнь в Испании, год идиллии на тропическом острове был почти таким же хорошим. Когда они не плавали вокруг своих гниющих кораблей или не ныряли с реи, они боролись на пляже и иным образом боролись за благосклонность голого

Индийские девушки, которые каждый день приносили еду и задерживались, чтобы понаблюдать за играми молодых богов.

Если бы Колумб доверил им тайник с золотом, он, несомненно, позвал бы мальчиков в свою каюту и поручил бы им доставить его вождю Уэро, своему индейскому союзнику и самому могущественному касику острова, который снарядил Мендеса во время его успешного перехода на Эспаньолу и остался верен ему после пророческой ночи, когда Бог Колумба «съел луну». Колумб отметил в альманахе Закуто, что полное затмение должно было произойти ранним вечером 29 февраля 1504 года. Туземцы, отвратившиеся от алчных поступков мятежников, больше не считали своих гостей богами и, пресытившись испанскими безделушками, начали отказывать испанцам в поставках продовольствия, которые, как писал Фернандо, «потребляли больше за один день, чем [индейцы] съедают за 20».²¹

Колумб увидел в небесном событии возможность исправить это, «забрав у них луну». В день затмения он созвал вождей на «пир и беседу» и сказал им: «Присутствуйте сегодня вечером на восходе луны: она взойдет, воспламененная гневом, знаменуя наказание, которое Бог пошлет на вас». Когда затмение началось вскоре после захода солнца, Колумб удалился в свою каюту. «Индейцы так испугались, — писал Фернандо, — что с великим воем и причитаниями они побежали во всех направлениях к кораблям, нагруженные провизией, и молили адмирала заступиться за своего Бога, чтобы он не обрушил на них свой гнев». Когда луна оказалась в полной тени, появился Колумб. Он умолял своего Бога, сказал он им, и тот согласился простить их, пока индейцы будут снабжать христиан. В качестве доказательства «они вскоре увидят, как гнев и раздражение луны пройдут... С этого времени, — писал Фернандо, — индейцы усердно снабжали нас всем необходимым и громко восхваляли христианского Бога».

Затмение оправдало Хуэро, который впоследствии подарил Колумбу дань в виде маленьких кружочков золота из его ранее неизвестной шахты. Учитывая отчаянное положение Колумба, считается, что он призвал Хуэро защитить его золото. Если это так, он бы приказал своим молодым союзникам перевезти его под покровом темноты.

Хотя нет никаких весомых доказательств в пользу этого рассказа о предполагаемой золотой жиле Колумба, он подкрепляется более поздними событиями, включая возвращение на Ямайку молодых конверсо после их спасения. Покинув землю инквизиции,

они решили остаться на Эспаньоле, когда спасательные корабли высадились в СантоДоминго, вместо того чтобы сопровождать Колумба и его команду обратно в Испанию.

В ноябре 1504 года Колумб вернулся всего через три недели, когда умерла его покровительница Изабелла. В мае следующего года король предложил ему богатое поместье и пенсию, если он откажется от своих прав на открытие. Фердинанд сожалел, что позволил Изабелле убедить его наделить Колумба всевозможными правами и привилегиями, но хотя здоровье Колумба ухудшалось, он не собирался отказываться от своих с трудом завоеванных титулов. Чуть больше года спустя он составил завещание и умер на следующий день (20 мая 1506 года) вместе со своим верным товарищем Диего Мендесом и сыном Фернандо рядом с ним.

Три года спустя старший сын Колумба, Диего, унаследовав его титулы, прибыл на Эспаньолу, чтобы сменить Овандо на посту губернатора. Его сопровождали младший брат Фернандо и дядя Бартоломей. Это было их первое возвращение в Индию после их спасения. Современная картина изображает их сидящими за столом для совещаний в особняке губернатора.

Одна из проблем, которую они надеялись решить, была решена сразу же, когда Диего набраны «Португальцы из Эспаньолы»²²разведать Ямайку перед заселением острова. Поскольку дядя и брат Диего отправились в Испанию сразу после возвращения «Португальцев», очевидно, что они приехали за оставленным золотом Колумба. Больше ничего не слышно о шестидесяти трех золотых подвесках, но шахта вождя Уэро породила легенду о «секретной золотой шахте» Колумба, которая еще не был открыт королем Испании или кем-либо другим».²³

Руководителем экспедиции на Ямайку Диего назначил Хуана д'Эскивеля, конверсо, служивший под началом Варфоломея.²⁴Высадившись на побережье владений Уэро, Эскивель основал Мелилью, так называется испанский порт в Марокко, который — случайно или нет — был единственным в империи, кто был освобожден от приказа об изгнании и оставался убежищем для евреев после того, как порт был захвачен Испания в 1497 году.²⁵Когда Эскивель вернулся на Эспаньолу и, как полагают, передал шестьдесят три медальона Варфоломею, Диего назначил его губернатором Ямайки и приказал верным конверсос вернуться на остров. Таким образом

началось заселение Ямайки, острова в Карибском море, который, как и Мелилья в Марокко, отныне служил убежищем для евреев.

В 1511 году флотилия кораблей, перевозившая более тысячи поселенцев, бросила якорь в Санта-Глории недалеко от пляжа, где высадился Колумб. Ожидая найти золото и создать столицу Нового Света, соперничающую с Севильей, поселенцы заложили город длиной в две мили и назвали его Nueva Sevilla del Oro (Новая Севилья золота). В отличие от португальцев, пришельцы были представителями мелкой испанской знати и прибыли в поисках счастья. Современник писал: «Они

вообразил, что золото можно собирать так же легко и просто, как фрукты с деревьев».²⁶

Однако когда они поняли, что для этого придется копать, да еще и с редким успехом, разочарование быстро наступило. Тяжелая работа по добыче руды из недр земли была поручена индейцам.

В течение десятилетия золото добывалось на Ямайке. Но после того, как Диего Колумб и король забрали свою долю, сумма от плавильни оказалась недостаточной для удовлетворения идадьго, среди которых были некоторые бывшие мятежники и их лидер Франсиско Порас.²⁷ Тот факт, что эти мятежники решили вернуться на остров, который они покинули, рискуя своими жизнями, говорит о том, что они считали, что там есть больше золота.

Ямайка, чем то, что добывалось.²⁸ Поэтому неудивительно, что семья Колумба и их союзники португальцы держали шахту Уэро в секрете.

Несмотря на нехватку золота, жизнь на острове была приятной и вознаграждающей. Ямайка была плодородной землей, и средний надел в 150–200 умиротворенных индейцев на поселенца означал, что можно было успешно заниматься скотоводством, которое становилось еще более комфортным за счет скромного гарема крещеных индейских женщин. Ямайка прекрасно развивалась как продовольственный склад, снабжавший проходящие суда и разводивший лошадей для конкистадоров. Но затем индейцы начали умирать. Не привыкшие к микробам белого человека, они умирали, когда заболевали, а эпидемия оспы прикончила их. Вскоре все захотели уехать.

В 1513 году Эскивель сообщил, что многие колонисты Новой Севильи уехали на Кубу, оставив свои дома. кайгуаес (португальские слуги), которые переехали в «южная часть острова, чтобы продолжить выращивание продуктов питания».²⁹ The кайгуаес считались личным багажом, и как таковые не должны были предъявлять сертификаты «чистой крови», требуемые от других поселенцев в колонии. Более поздние события указывают на то, что они были *conversos*.

Пока Новая Севилья боролась, южнобережное поселение процветало. Хотя община никогда не была официально признана, загадочное замечание Питера Мартира — от 1511 года «Королевский хронист Индий» — косвенно упоминает конверсо. Став аббатом Ямайки в 1514 году, он написал королю: «Есть два поселения, но только в одном из них будет моя церковь».³⁰ В следующем году отчет нового губернатора Ямайки Франсиско Гарая многозначительно ссылаясь на сообщество. Сменив Эскивеля, Гарай написал своему суверену о состоянии острова и подчеркнул свое намерение «увидеть страну и место город на другой стороне».³¹ Позже он тоже покинул остров, чтобы присоединиться к завоеванию Мексики, оставив после себя еще больше кайгуаес присоединиться к тем, кто пришел раньше.

С того времени, как Сантанхель финансировал «Предприятие Индии» Колумба и убедил королевскую чету предоставить семье исследователя наследственные права на любую новую землю, которую он мог бы открыть, Колумб плывал со скрытым планом: наряду с его заявленной целью получить богатства Востока, была надежда, что он приобретет новую землю, где сефарды могли бы жить свободно от ужасов инквизиции. Первооткрыватель Индии не правил достаточно долго, чтобы выполнить свое обещание предоставить родину обращенным евреям, но более века его наследники держали Ямайку недосягаемой для инквизиторов в капюшонах, которые были уполномочены искоренять ересь на всех испанских территориях. Что касается владельцев Ямайки, то пока их «португальцы» носили христианскую маску, никто не мог усомниться в искренности их религиозных убеждений. Под защитой правителей острова тайные евреи прибывали из Португалии под видом конверсов, их присутствие там было известно и одобрялось испанской короной.

Глава вторая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В НОВОМ МИРЕ

Ана заре эпохи Великих географических открытий, когда испанские монархи изгнали Евреи, чтобы очистить свою нацию, последователи Закона Моисея плавали с исследователями и маршировали с конкистадорами. С открытием и заселением Нового Света они нашли утешение в надежде найти безопасное убежище или, по крайней мере, отдалиться от инквизиции. В отличие от других пионеров, у них не было дома, куда можно было бы вернуться, и, как было показано в предыдущей главе, они были одними из первых иностранцев, которые навсегда поселились в Новом Свете. Отправляясь в путь как истинные христиане, большинство унесли свою тайну в могилу. Приключения некоторых, которые не рисовали необычайную картину своего времени. К ним относятся лоцман в тюрбане, который плывал с тремя из первых исследователей; первый капиталист, владевший и продававший флору Нового Света; подозрительный еврей, открывший Калифорнию; конкистадор, который был первым евреем, сожженным в Новом Свете; и другие иудействующие, мужчины и женщины, которые присоединились к завоеванию Мексики.

ГАСПАР, ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕТЧИК

Изгнанные из цивилизованного мира и уязвимые в диаспоре, евреи стали искусными в способах поиска и исследования новых земель. Они были ведущими картографами эпохи, а также усовершенствовали навигационные приборы и астрономические таблицы, с которыми плавали первые исследователи. Когда требовались еврейские знания, предрассудки отступали на второй план перед целесообразностью, и еврейские пилоты, искусные в чтении карт и использовании навигационных приборов, были наняты для интерпретации этих таблиц. Если бы не они, многие исследователи затерялись бы в бескрайних океанах, и трое из самых известных — Васко да Гама, Педру Кабрал и Америго Веспуччи — использовали

тот же загадочный еврей, который укажет им путь.¹

История начинается в 1494 году, когда папа, веря (как и все), что Колумб нашел западный морской путь в Азию, разделил мир между двумя соперничающими иберийскими странами, проведя линию через середину Атлантического океана. Его постановление, согласованное в Договоре Тордесильяса, отдало все земли в 370 лигах (около 1175 миль) к западу от островов Зеленого Мыса Испании, а все земли на востоке Португалии.² Три года спустя, когда Колумб готовил свое третье путешествие через Западное море, король Мануэль Португальский поручил Васко да Гаме найти восточный путь вокруг Африки. На случай встречи двух исследователей король Фердинанд передал Колумбу приветственное письмо для своего соперника.

Да Гама, ученый дворянин, который считал своего «еврейского наставника» тем, что он научил его навигации, математике и астрономии, покинул Лиссабон в июле 1497 года, командуя четырьмя кораблями и 170 людьми. Два года спустя (в сентябре 1499 года) он вернулся с двумя кораблями, пятьюдесятью людьми и несколькими специями, чтобы продемонстрировать свои усилия. Если бы не его счастливая встреча с еврейским лоцманом, он, возможно, вообще не вернулся бы. Но благодаря ему Португалия победила Испанию в гонке за богатства Индии и монополизировала прибыльную торговлю специями.

Приближаясь к субконтиненту, да Гама остановился на небольшом острове у берегов Каликута, чтобы кренить и почистить свои корабли, когда приблизилась небольшая лодка. На ее носу стоял высокий бородатый белый человек, богато одетый в восточную одежду. Окликнув их по-испански, незнакомец попросил поговорить с капитаном. Принятый на борту флагмана, он представился как Монкайд, портовый капитан Каликута,

и объяснил, что его господин, раджа Саморин, услышав о «военной доблести и морских познаниях португальцев», послал его приветствовать иностранцы.³

Да Гама, чье плавание до сих пор было омрачено нападениями вдоль побережья Восточной Африки, заподозрил ловушку и приказал своим людям схватить сопровождающих Монкайде, которые немедленно признались в двуличии своего лидера. Они сказали, что Монкайде не был начальником порта, а командовал флотом правителя, и если он

воспринял посетителей как угрозу, подал сигнал четырем военным кораблям, ожидающим в засаде, атаковать. Да Гама задержал Монкайда и приказал ему признаться или «быть сваренным в жире и его били плетью до тех пор, пока он не умер». ⁴Признав свой обман, он согласился провести корабли да Гамы в порт и представить его Саморину. Хотя Монкайд теперь утверждал, что он новый христианин, вынужденный стать мавром, да Гама, писавший в своем журнале, описал его как «еврея-ренегата» и отметил, что, хотя его волосы и борода были седыми, на вид ему было около сорока.

Саморин был готов торговать с незнакомцами, но был отстранен, когда да Гама предложил дешевые безделушки в обмен на бесценные драгоценности. Оскорбленный Саморин отослал их. Они встретились снова, но первоначальное впечатление сохранилось, и их вражда переросла в захват заложников с обеих сторон. В конце концов да Гама разрешили уйти с небольшим количеством специй и драгоценностей, выменянных у местных торговцев. Монкайде, тем временем, разбудив своих врагов при дворе помощью иностранцам, с радостью принял приглашение да Гамы вернуться с ним в Португалию.

Вернувшись в Лиссабон, Монкайде отбросил все притворство. Теперь он утверждал, что он Алонсо Перес, испанский еврей из Кастилии, и сказал, что хотел бы креститься и служить своей новой принимающей стране. Поскольку да Гама был его крестным отцом, Монкайде взял имя исследователя и был крещен Гаспаром да Гамой. Хотя король Мануэль сделал его кавалером, который регулярно беседовал с ним о землях, которые он посетил, король всегда называл своего нового придворного фаворита «Гаспаром, еврейским пилотом».

Мануэль, не зная, что Колумб плавает кругами в далеком море, подумал, что Португалия все еще соревнуется с Испанией за богатства Азии, и попросил измученного исследователя снова отправиться в путь. Но да Гама, недавно женившийся и не склонный отправляться в столь трудное путешествие, порекомендовал вместо него Педру Кабрала, молодого дворянина и члена суда. Кабрал никогда не был в море, но у него была властная внешность, и король доверял ему. Однако, учитывая его неопытность, король приказал Кабралу взять еврейского лоцмана и «следовать его советам во всем и каждом

вопросе». Король также приказал своему талантливому врачу-конверсо, Местре Жуану, эксперту по калибровке улучшенных

астролябия, которая должна была сопровождать флот и составлять карту экспедиции.⁵

В марте 1500 года Кабрал отправился в путь с тринадцатью кораблями, на этот раз нагруженными лучшими грузами.

Торговля товарами, чем те, которые да Гама пытался продать. Когда флот проплыл мимо островов Зеленого Мыса и приблизился к Гвинейскому заливу, где континент резко сужается к востоку, Гаспар приказал Кабралу оставаться к западу от залива, чтобы не застрять в его спокойных водах. Но когда пришло время флоту плыть на восток, чтобы обогнуть Африканский Рог, ветры и течения в Южной Атлантике погнали их дальше на запад, пока однажды утром впередсмотрящий не крикнул: Терра! Кабрал достиг восточного побережья Южной Америки.

Два года назад Колумб, плывя к югу от Тринидада, увидел северное побережье континента, но не высадился. Наблюдая четыре устья реки Ориноко, впадающей в залив Пария, адмирал, одной ногой твердо стоявший в Библии, а другой — в науке эпохи Возрождения, объявил их четыре реки, вытекающие из Эдемского сада.⁶

Кабрал поплыл на север вдоль побережья к защищенной гавани, которую он назвал Порто Сегуа (Безопасный порт). Подавляя свою веру в то, что он незаконно проникает на земли, зарезервированные для Испании, он воткнул в землю деревянный крест и вырезал на нем герб Португалии. Поскольку было воскресенье, он отслужил мессу и раздал маленькие жестяные переходит к туземцам.⁷ На следующий день Местре Жуан совместил солнце со своей астролябией, чтобы определить их широту. Его измерение 17 градусов к югу было ошибочным всего на полградуса. В своем отчете королю (не публиковавшемся в течение пяти столетий) врач включил рисунки Южного Креста и соседних созвездий. Бразилия была открыта.

Жуан поделился своими наблюдениями с Гаспаром. Эксперты в морских делах, двое конверсо посчитали, что это новый континент. Кабрал не был так уверен: «Мы оставались в неведении, — писал он, — остров это или материк, хотя мы склоняемся к последнему мнению». Спеша вернуться на курс, через пять дней он направился в южную Африку. Его намерением было плыть вслед за да Гамой, обойти континент и продолжить путь вдоль побережья, пока он не поймает пассат в Индию. Простой план, но из-за сильных штормов и плохих навыков его капитанов шесть кораблей были потеряны, огибая Африку, и Кабрал прибыл в Индию с половиной своего первоначального флота.

На этот раз индуистский раджа Саморин, довольный более щедрыми подношениями иностранцев, тепло приветствовал португальцев. Некоторое время все шло хорошо,

слишком хорошо, по словам конкурирующих мусульманских торговцев. Кабралу дали склад для хранения его товаров и близлежащие помещения для его людей. Но мусульманские торговцы собрали толпу, чтобы напасть на помещения команды и разграбить склад, убив многих моряков и заставив остальных отступить на свои корабли.

Когда Саморину сообщили об этом, он ничего не сделал. Гаспар, который командовал флотом Саморина, посоветовал быстро отомстить. Прислушавшись к совету своего пилота, Кабрал

приказали захватить десять мавританских кораблей в порту и убить всех людей на этих кораблях. Таким образом, мы убили 500 и захватили 20 или 30, прятавшихся в трюмах кораблей... На одном корабле было три слона, которых мы убили и съели; мы выгрузили и сожгли корабли; и на следующий день мы бомбардировали город, так что мы убили бесконечное количество людей и сделали большой ущерб.⁸

Как следует из рассказа нотариуса, темперамент исследователя мало чем отличался от темперамента конкистадора. Если мирные средства не приносили желаемого результата, альтернативой был террор. Кабрал, проделавший тысячи миль ради специй, шелка и драгоценностей, не собирался останавливаться перед непокорными правителями или разгневанными местными жителями, а когда его люди были голодны, сгодилось и мясо слона. После опустошения Каликута Гаспар рекомендовал им отправиться на юг, в Кочин, правитель которого ненавидел Саморина. С помощью мятежного еврея, смягчившего путь, соперник-раджа и Кабрал заключили торговый договор, который заложил основу португальского правления в Индии. На пальмовом листе, написанном железным пером, правитель Кочина написал королю Мануэлю: «Моя страна богата корицей, гвоздикой, имбирем и перцем. То, что Я прошу у тебя взамен золота, серебра, кораллов и червленой ткани».⁹ Кабрал отплыл с трюмами своих кораблей, загруженными перцем, корицей, тонким хлопком, **шелка и духи**.¹⁰

Направляясь домой, Кабрал остановился в Кабо-Верде, чтобы пополнить запасы провизии. Случайная встреча там с португальским флотом, совершавшим еще одно исследовательское путешествие, привела к знакомству Гаспара с итальянским исследователем, чье имя стало синонимом континента, на который Гаспар его направил.

Когда экипажи встретились и пообщались, Гаспар поделился своими знаниями о южный континент с советником флота, Америго Веспуччи, который ранее исследовал северное побережье континента для Испании два года назад, когда он плывал с Алонсо де

Охедой, одним из капитанов Колумба. Когда Америго сообщил о своей находке Фердинанду, он ожидал, что король спонсирует обратное путешествие. Но хотя он был доверенным другом Колумба, Веспуччи был иностранцем, и предпочтение было отдано предложениям испанских исследователей. Отстраненный в сторону, Америго повернулся спиной к Испании. Заметив, что его высадка на континенте могла прийтись на португальскую сторону разделительной линии папы, он обратился к португальскому двору. Король Мануэль, заинтригованный идеей новой земли и еще не получивший известий об открытии Кабрала, санкционировал экспедицию для дальнейшего исследования и отправил итальянца в качестве советника.

Так случилось, что Америго и Гаспар встретились в Кабо-Верде, и в результате имя итальянца однажды будет связано с открытиями Колумба. По словам биографа Веспуччи, еврейский лоцман обладал «кладезем географических знаний и [был] несравненным источником информации для Америго, который мог обсуждать с ним сотни вещей на итальянском языке». Вскоре Америго принял командование флотом и, достигнув континента, исследовал почти тысячу миль побережья до самого юга Рио-де-ла-Плата.

По возвращении в Лиссабон он подтвердил огромные размеры континента и утверждал, что большая часть его прибрежных земель действительно находится «за чертой». Хотя он и плыл в Португалию, верный итальянец написал своему флорентийскому покровителю Лоренцо Медичи, что он не достиг Азии, но открыл «Новый Свет». Он также восхвалял Гаспара как «самого информированного человека среди последователей Кабрала... заслуживающего доверия человека, который говорит на многих языках и знает много городов и провинций от Португалии до Индийского океана, от Каира до острова

Суматра."¹¹ Популярность его рассказа об этих открытиях побудила молодого немецкого картографа Мартина Вальдземюллера назвать южный континент «землей Америго», и к 1528 году Индия Колумба стала известна как Америка.¹²

Собственная история Гаспара заканчивается в Индии. В 1502 году он и его крестный отец Васко да Гама снова отправились в плавание на субконтинент. На этот раз он воссоединился с

его жена, которая, сбежав из Каликута после нападения, жила в Кочине. Гаспар пытался убедить ее принять ислам, чтобы она могла вернуться с ним в Португалию, но, будучи набожной еврейкой и сведущей в Законе, она категорически отказалась.

После смерти Саморина Гаспар поселился в Каликуте в 1505 году на службе у португальского вице-короля. (В 1511 году Гоа был завоеван и стал столицей португальской индийской империи.) Он часто навещал свою жену, но она так и не простила ему того, что он стал христианином. Такова была жизнь и приключения еврейского пилота, который, как писал Васко да Гама, «отбросил свою веру с легкостью рептилии».13

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПИОНЕР

Небольшой плодородный остров у северо-восточного побережья Южной Америки, который Америго Веспуччи назвал «чудом природы», носит имя Фернандо ди Норонья, новообращенного христианина XVI века, возглавившего первое капиталистическое предприятие в Новом Свете.

Король Мануэль, взволнованный отчетом Веспуччи о прибрежных лесах бразильского дерева, которое было источником ценного красного красителя, востребованного по всей Европе, составил королевский контракт с богатым торговцем-судовладельцем Фернандо де Норонья. С вероятностью также найти ценные специи и другие ходовые товары, Норонья нанял других видных конверсо, чтобы присоединиться к его консорциуму в партнерстве с королем. Однако, помимо хорошей деловой возможности, их интерес в далекой стране заключался в поиске убежища, где они могли бы жить, не подвергаясь преследованиям.

В 1503 году они отплыли на пяти кораблях и причалили к прибрежному острову, чтобы перегруппироваться перед тем, как отправиться на материк. Америго, который плыл с ними до самого острова, восторженно писал, что его обильные ручьи и леса привлекают всевозможные птицы, «настолько ручные, что позволяют брать себя в руки». Хотя его и обманули, он отправился на поиски южного прохода в Индию, который был найден только после того, как Магеллан обогнул континент в 1519 году. Конверсо, которых он оставил, повезло больше. Рубя и загружая бревна красильной древесины вдоль лесистого побережья, они нашли готовых покупателей, когда вернулись в Лиссабон. Инвестируя свою прибыль, они основали лесозаготовительные лагеря на протяжении шестисот миль прибрежной зоны, ныне известной по названию ее ценного дерева — Бразилия.

К 1505 году бизнес по производству красильного дерева приносил партнерам пятьдесят тысяч дукатов в год. После золота бразильское дерево было тогда самым ценным продуктом, привозимым из Нового Света. Благодарный король дал де Норонье десятилетнюю монополию и уступил ему необитаемый остров, дав ему свое имя.

Был ли де Норонья тайным евреем? Он изменил название своего корабля Сан-Кристован(

Св. Христофор)А Джудия(Еврейка), и гавань, которую он открыл и назвал Кананея, находится в 32 градусах к югу от экватора, как и древний город Израиля с таким же названием находится в 32 градусах к северу. Каковы бы ни были его личные убеждения, кажется, Фернанду ди Норонья не отказался от своего наследия.¹⁴

КАЛИФОРНИЙСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

В 1520 году Жоао Родригеш Кабрильо, «португалец», возглавил тридцать человек, вооруженных арбалеты из Ямайки в Мексику, где они присоединились к Кортесу в его завоевании.¹⁵ После этого Кабрильо отправился на поиски легендарных Семь Золотых Городов. Не повезло: их никогда не существовало. Но после этих бесплодных поисков он в 1542 году отплыл в залив Сандиего и открыл Калифорнию. В течение следующих пяти месяцев он и его два португальских лоцмана исследовали северное побережье Тихого океана в надежде найти короткий путь в Европу через Северо-Западный проход, неуловимый водный путь, который, как полагают, пересекает Северную Америку от Тихого океана до Атлантики и Европы. Раненный в стычке с индейцами, он умер недалеко от того места, где сейчас находится Санта-Барбара.

Как и у других конверсо, скрывавших свое прошлое, происхождение Кабрильо неизвестно. Его письменные отчеты и навыки навигации показывают, что он был образованным человеком, повидимому, из хорошей семьи. Вероятно, что у Жуана Кабрильо были еврейские родословная.¹⁶Последние исследования утверждают, что он был не португальцем, а испанцем по происхождению, из Куэльяра, города, известного большим количеством евреев, которые пересекли границу с Португалией во время изгнания.

Насильно обращенные в христианство в 1497 году под угрозой обращения в рабство своих детей, новокрещенные евреи называли себя на ивритеанусим(принужденный те).¹⁷Хотя они составляли около 10 процентов от 1,5-миллионного населения Португалии, конверсос составляли почти три четверти торгового сообщества. из-за пренебрежительного отношения португальского высшего класса к торговле.¹⁸Король, учитывая малочисленность населения своей страны и большую, талантливую общину конверсо, считал своих новых христиан незаменимыми для успеха своей расширяющейся империи. Португальские конверсо, которым в противном случае было бы запрещено покидать страну, получили надлежащее разрешение поселиться в Индиях.

До объединения Испании и Португалии в 1580 году немногие португальские граждане стремились служить Испанской империи. Португалия была независимой страной со своей собственной империей Нового Света. Зачем служить Испании, когда огромная империя Португалии предлагала необузданные возможности? Поскольку Испания запретила своим

конверсо мигрировать, самопровозглашенный португальский гражданин, действующий в испанском королевстве, был вероятный быть converso, и в этот ранний период принудительного обращения его преданность иудаизму, вероятно, была бы сильной. Это особенно верно для тех, кто родом из Испании, кто изначально выбрал изгнание вместо обращения. Это подтверждает теорию о том, что Кабрильо, первооткрыватель Калифорнии, чье имя появляется по всему штату на дорогах, школах и даже в аптеках, был обращенным евреем, который намеренно скрывал свое происхождение.

Однако существуют примечательные исключения, которые служат предостерегающим напоминанием о том, что не следует делать поспешных выводов о еврейской идентичности всех португальцев, служивших испанской империи. Португальский исследователь Фердинанд Магеллан, чьи корабли совершили кругосветное плавание для Испании в 1519 году, был добросовестным чистокровным католиком. Но даже у него был еврейский партнер, который выступил посредником в его контракте с королем. Хуан де Аранда был известным конверсо, и хотя контракт, который он заключил для Магеллана, предусматривал получение королем одной двадцатой прибыли Сам Аранда должен был получить восьмую часть своего путешествия.¹⁹

ЕРЕТИК КОНКИСТАДОР

Эрнандо Алонсо сделал это. Через шесть коротких лет после службы у Кортеса в качестве помощника плотника, «забивая гвозди в бригантины, использовавшиеся при отвоевании Мексики», он стал самым богатым фермером в новой испанской колонии. В то время как большинство солдат его ранга не получили от завоевания ничего, кроме «стоимости нового арбалета», Алонсо получил большой участок земли к северу от Мехико. Превратив его в свиноводческую и скотоводческую ферму, Алонсо стал крупнейшим поставщиком мяса в колонию.

В сентябре 1528 года сообщалось, что Алонсо, которому теперь было тридцать шесть лет и который становился таким же тучным, как и его говядина, подражая своему командиру, «разгуливал в поясе из чистого золота, который он выпросил у туземцев». У него были на то веские причины: в марте его контракт был возобновлен самим Кортесом, и он взял себе новую жену, «прекраснейшую» Изабель де Агилар.

Эта информация об Эрнандо Алонсо взята из протоколов судебных разбирательств Испанская инквизиция. 2017 октября 1528 года Алонсо стал первым человеком в Новом Свете, сожженным заживо на костре. Алонсо был тайным евреем, как и его покойная первая жена Беатрис, сестра Диего Ордаса, одного из пяти капитанов Кортеса. Его крах наступил, когда доминиканский монах обвинил его в том, что за несколько лет до этого в Санто-Доминго он тайно наблюдал, как Алонсо и Беатрис

после церемонии крещения их сына «мыли голову мальчика вином, чтобы очистить его от Святой Воды». Когда ему пригрозили пытками на дыбе, Алонсо признался, что после того, как вино стекало по телу ребенка и «капало с его органа», он собрал его в чашу и выпил «в насмешку над таинством крещения».

Беатрис, сопровождавшая мужа в походе с армией Кортеса, умерла от лихорадки во время завоевания Мексики. Суд зафиксировал показания свидетеля, который подслушал, как Алонсо говорил своей новой жене не ходить в церковь: «Сеньора, в твоём нынешнем состоянии [менструальный период] ты осквернила бы Церковь». На что Изабель, его новая жена-христианка, ответила: «Это старые обряды евреев, которые теперь не соблюдаются, поскольку мы приняли евангельскую благодать».

Кортес не принимал участия в аресте Алонсо. Одобрив контракт Алонсо, он отправился в Испанию, чтобы ответить на сфабрикованные обвинения в плохом управлении. В его отсутствие соперничающая фракция в колонии вступила в сговор с властями инквизиции и ввела Святой террор в Новый Свет. Святые инквизиторы, считавшие ацтеков дикарями за то, что они приносили пленников в жертву своим богам на вершине Великой пирамиды, выбрали площадь перед местом, где высокое здание Истинной церкви заменило пирамиду, чтобы предать еретика огню.

Во времена тщательно организованных браков Эрнандо Алонсо не стал бы...

жениться на своей первой жене без благословения ее брата, Диего Ордаса, одного из выдающихся деятелей конкисты. Зять Алонсо был первым человеком, который поднялся на вулкан Попокатепетль и взглянул на долину Мехико как на передовой разведчик вторжения. Завороженный тем, что казалось плавучим городом, он сравнил его с видением из рыцарской повести Амадис Галльский, книга о мече и магии того времени.

До того, как присоединиться к Кортесу, Алонсо и Диего были на Кубе, но на совершенно разных ступенях общества. Алонсо был кузнецом в городе, в то время как Диего и его сестры жили в особняке губернатора, где он служил мажордомом. Несмотря на это важнейшее классовое различие, Беатрис вышла замуж за кузнеца. По-видимому, решающим было то, что их объединяло: общее происхождение. Капитан Кортеса в итоге собирал жемчуг у побережья Венесуэлы, только чтобы быть отравленным соперниками в 1532 году. Хотя о нем много написано, нигде не упоминается, что он был *converso*, а тем более тайным евреем. Как и большинство *converso*, Диего выдавал себя за старого христианина и отправился в могилу, не сняв маски.

Сеньориты были редкостью во всем Новом Свете. Поскольку на каждых десятиерых мужчин приходилось менее одной испанской женщины, выйти замуж за одну из них считалось большой удачей для в основном бедных, стремящихся к славе идалго. После завоевания Мексики некоторые дамы чувствовали то же самое по отношению к ним. Большинство из них были служанками, которые отправились в Новую Испанию, чтобы найти себе недавно разбогатевшего мужа. Исключением были четыре дочери королевского казначея Алонсо Эстрады, внебрачного сына, или так он утверждал, короля Фердинанда. Мало кто из женщин был столь желанным, как сестры Эстрада, которые могли выбирать среди многих женихов, и поэтому неудивительно, что все они удачно вышли замуж. Удивительно то, что их мать была из известной еврейской семьи, и что их мужья знали о порочном происхождении своих жен. То, что их потомство также будет заклеено, похоже, не имело значения. Несмотря на агрессивность Святых Отцов и неоднократные указы против конверсов, они смогли сохранить в тайне еврейское происхождение своих жен и детей. То же самое было и с выжившей сестрой Беатрис и Диего Ордаса. Только сейчас их история становится известной.

ФРАНЦИСКАОРДАС

Когда Беатрис, жена еретика-еврея-конкистадора, умирала во время осады Мексики, ее сестра Франциска была рядом с ней. Эти две женщины были среди шести, как известно, испанских женщин, сопровождавших конкистадоров во время боевых действий в Мексике. После окончательной победы Франциска была замечена наслаждающейся бурной ночью празднования. По словам очевидца, Франциска и три другие «авантюрные женщины весело пошли танцевать с мужчинами, все еще в их стеганых доспехах». Вполне возможно, что именно в ту ночь она танцевала со своим будущим мужем, сыном Понсе де Леона, одной из легендарных фигур Нового Мира.

После поражения Алонсо Диего Ордас не собирался сводить Франциску с другим иудеем. Вместо этого он нашел Хуана Гонсалеса Понсе де Леона, доблестного жениха с благородной, незапятнанной репутацией. Его отец, завоеватель и губернатор ПуэртоРико и первооткрыватель Флориды, навсегда известен своими донкихотскими поисками источника молодости. Его сын был выдающимся человеком. Служа солдатом под командованием Ордаса, Хуан был первым человеком, достигшим вершины главного храма Теночтитлана и, несмотря на тяжелое ранение, возглавившим авангард, который захватил Монтесуму. Когда Кортес спросил его, почему, учитывая его ранение, он не отступил, а вместо этого повел бой вверх по ступеням к покоям Монтесумы, Хуан ответил: «Сеньор, сейчас не время для мужчин быть

Хуан знал о происхождении Франциски еще до того, как суд над Алонсо раскрыл ее сестру как иудействующую. Годами он и Алонсо были друзьями, и вплоть до До пламенной смерти Алонсо эти двое мужчин были партнёрами.²⁴ Они разделили королевский земельный грант, энкомьенда, в Актопане в современном штате Идальго, около шестидесяти в нескольких милях к северу от Мехико, где у Алонсо была ферма.²⁵

ЖЕНА И ДОЧЕРИ АЛОНСО ЭСТРАДЫ

В 1522 году король Карл V назначил своего предполагаемого дядю Алонсо Эстраду королевским казначеем Мексики, возможно, самой важной должностью на этой богатой территории.

В отсутствие Кортеса Эстрада исполнял обязанности губернатора и в течение года (1529) был губернатором. Было распространено мнение, что он был внебрачным сыном короля Фердинанда, результатом связи с доньей Луисой де Эстрада, дочерью дона Фернана, герцога Арагона, когда оба были подростками.

Выросший при дворе Фердинанда, Алонсо унаследовал титул герцога Арагона и встал на сторону Карла V, когда тот боролся за престол. Хотя некоторые предполагают, что у самого Алонсо были еврейские предки, у его жены они, безусловно, были. Было широко известно, что Марина Гутьеррес Флорес де ла Кабальерия была из старинной еврейской семьи, чье богатство сравнивали с богатством Ротшильдов. Хотя обе стороны ее семьи обратились в католичество, на протяжении трех поколений они были осуждены инквизицией как иудействующие. Тела некоторых, кто уже умер до вынесения приговора, были эксгумированы и сожжены. Донья Марина, получив поддельное заявление, подтверждающее ее чистоту крови, последовала за мужем в Мексика.²⁶

После его смерти в 1531 году Донья Марина закрепила свое место в колониальном обществе, выдав своих дочерей замуж за двух выдающихся конкистадоров Мексики. Младшая, Беатрис Эстрада, вышла замуж за Васкеса де Коронадо, который (на деньги жены) отправился на поиски легендарных Семь золотых городов Сиболы. Хотя объект его поисков так и не был найден, Коронадо был первым, кто исследовал юго-запад Америки и открыл Гранд-Каньон. Луиза, старшая, стала женой Хорхе де Альварадо, завоевателя Мексики и губернатора Гватемалы. Две другие сестры Эстрада также вышли замуж

благородство.²⁷

Что предвещают эти браки? Поскольку еврейское происхождение матери жен этих дворян было известно (как и тот факт, что ее старохристианское

свидетельство было поддельным), их, по-видимому, не слишком беспокоило, что их дети больше не будут чистокровными.

В первые четыре десятилетия Эпохи Великих географических открытий известные конверсос были вовлечены почти в каждое предприятие в качестве исследователей, пилотов и конкистадоров, или за кулисами в качестве финансистов, судовладельцев и администраторов. Те, кто упомянут здесь, — это лишь некоторые из известных сефардов, которые участвовали. Как

многие другие были неизвестны. Поскольку все испанские conversos были запрещены в Новом Свете, не имело значения, был ли человек истинным обращенным, атеистом или тайным евреем. Все они были там нелегально и, следовательно, подлежали преследованию. Сегодня, с появлением генеалогических веб-сайтов, еврейские корни других ранних

О пионерах рассказывают их потомки в своих публикациях.²⁷

Эрнандо Кортес, как и Колумб, пользовался поддержкой многих конверсос. Он вырос через дорогу от синагоги в Медельине, где жили влиятельные евреи. Некоторые из них были друзьями его семьи, и, возможно, именно поэтому он доверял им и благоволил им. Их печальный и внезапный исход в 1492 году, когда ему было семь лет, стал важным событием в его детстве. Ведущий историк завоевания Мексики Хью Томас подсчитал, что число конверсос, служивших у Кортеса их было более ста.²⁸

Еще в 1501 году Корона издала указ, согласно которому «мавры, иудеи, еретики, реконсильядос [раскаявшиеся — те, кто вернулся в церковь] и новые христиане не должны отправляться в Индию». Однако в 1508 году епископ Кубы сообщал, что «практически каждый корабль [прибывающий в Гавану] заполнен Евреи и новые христиане».²⁹ Такие указы, запрещающие их, за которыми следовали письма домой с жалобами на их постоянное прибытие, были обычным явлением. Конверсо, обладающие способностями и капиталом для развития колониальной торговли, комфортно чувствующие себя в испаноязычном обществе, но стремящиеся дистанцироваться от родина инквизиции, отправились в Новый Свет.³⁰ Для экипажа судна не требовалось никаких лицензий, и поскольку многие из них принадлежали конверсо, они записывались в матросы и сбежали с корабля. Слугам также не требовалась лицензия или выездная виза, так что еврей, получивший ее любым способом, мог взять с собой других

а также в качестве домашнего персонала.³¹

На протяжении большей части первого столетия после открытия фанатизм, характерный для Священной канцелярии, не распространялся на Новый Свет. В общем и целом, авантюристы там, покинувшие Старый Свет по какой-либо причине, могли

идентифицировать себя с желанием конверсос начать все заново. В раннем Новом Свете, несмотря на запрещающие им указы, куда ни глянь, подозреваемый еврейский авантюрист прокладывал себе путь, часто скрываясь от инквизиции. Мы никогда не узнаем, сколько их было, потому что даже искренние новообращенные скрывали свои еврейские корни за маской гиперрелигиозного благочестия. Как показывает следующая глава, пока их навыки были нужны, Корона не только закрывала глаза на их присутствие, но и

активно вербовали их.

Итак, следуя по временной шкале, мы приходим к 1534 году, году, когда разрозненные события сошлись таким образом, что порвали с прошлым и переместили столетие вперед к новым начинаниям. В вопросах веры Реформация была начата, когда монах-рenegат опубликовал Библию на немецком языке, а похотливый король стал Верховным главой Церкви Англии. В Новом Свете неграмотный свинопас завоевал золотое королевство Перу, а в Бразилии группа изгнанных евреев с маленького острова у побережья Гвинеи ввела сельскохозяйственную промышленность, которая оказалась более ценной, чем золото и серебро. Тем временем, воюющие неверные во главе с тем, кто называл себя «Великолепным», вторглись в Венгрию. А Самый Католический Защитник Истинной Веры, император Священной Римской империи Карл V, санкционировал первое документально подтвержденное еврейское поселение в Новом Свете на острове Ямайка.

ГЛАВНЫЕ ЕРЕТИКИ КОРОЛЯ

Когда плохие новости с Ямайки достигли Испании, Карл V, лорд Халфы Мир не был удивлен. Казалось, что каждый раз, когда он надевал корону в 1534 году, в его королевстве случались неприятности. Даже его хваленый титул императора Священной Римской империи не имел того же веса, что и в те времена, когда корону носил его дед Максимилиан. Поэтому, когда он прочитал, что большинство его ямайских колонистов погибли, а остальные хотели уйти, Чарльз не был чрезмерно опечален. Он предвидел это.

За девятнадцать лет, что он правил Новым Светом, Ямайка всегда была большей проблемой, чем «прекраснейший остров», как думал Колумб. Новая Севилья золота теперь была известна просто как Новая Севилья. Ожидаемый поток драгоценного металла оказался ручейком, и большинство из шестидесяти тысяч индейцев, которые приветствовали Колумба, были мертвы. За исключением небольшого производительного поселения конверсос на южном побережье, колония шла ко дну. Зачем оставаться на Ямайке, когда соседние Эспаньола и Куба предлагали королевский стиль жизни, который, как говорят, мог соперничать с испанским? Зачем селиться на Ямайке, когда близлежащий Мейн обещал золото ацтеков и инков?

Коммюнике было отчаянным: Условия в Новой Севилье «стали настолько плохими, что ни один гражданин не преуспевал и не сохранял здоровье ни на день». Чтобы спасти колонию, его казначей Педро де Мансуэло предложил перенести поселение «на южную сторону острова, где земля изобилует хлебом и говядиной... с очень хорошими портами, подходящими для навигации в провинции Санта-Марта, Картахена и на материк... Существует большое желание поселиться там, потому что

Ни одно судно, занимающееся этой торговлей, не приходит на северное побережье, а все грузы отправляются на юг».¹

Мансуэло завершил свой отчет, казалось бы, странной просьбой. Для того, чтобы основать поселение на южном побережье, он рекомендовал королю отправить еще тридцать

Португальские семьи присоединятся к двадцати уже там. Вместе они будут работать на его сахарном поместье. Просьба Мансуэло была сформулирована таким образом, чтобы не вызывать подозрений. Король сделал выращивание сахарного тростника в Индиях приоритетом и субсидировал плантаторов в Эспаньоле, Пуэрто-Рико и Мексике земельными грантами, освобождением от пошлин и кредитами. Несколько годами

ранее сахарный завод Ямайки в Новой Севилье показал потенциал острова для выращивания подсластителя, и имело смысл нанять больше рабочих, чтобы увеличить производство.² Но почему португальцы? Португалия тогда привлекала поселенцев в свои колонии обещаниями богатств, так где же король мог найти в своем королевстве португальские семьи, готовые поселиться на бедном испанском острове?

Факт в том, что ему это было не нужно. Директива Мансуэло была направлена на то, чтобы не привлекать ни рабочих сахарной промышленности, ни португальских туземцев. В переписке Короны ссылка на португальцев, проживающих на испанских землях, не относилась к национальному происхождению, а скорее была кодовым словом для худших еретиков в его королевстве. Поскольку на карту была поставлена стабильность его империи, Карл V серьезно отнесся к своим обетам как Главного рыцаря Святой инквизиции обращать язычников и сжигать еретиков. Однако, когда в коммюнике указывалось «португальцы», Карл читал между строк:

Ямайка для евреев, или колония погибнет.³

Когда Колумб вернулся из своего путешествия, золотая нить проложила себе путь в ткань воображения каждого испанца. Со временем она протянулась от Нового Света через Океан-море до полуострова на краю Старого Света, где она сплела экзотический узор желаний, будоражавший мужские мечты. Где бы ни собирались мужчины, разговоры были одни и те же — рассказы о роскошных городах с невероятными богатствами и прекрасными обнаженными девицами, жаждущими угодить.

Ямайка, которая, как считалось, не имела ни того, ни другого, стала тупиком. Менее популярным было только Пуэрто-Рико, где индейцы-людоеды отговаривали от поселения. Зачем селиться на Ямайке, когда считалось, что щедрость Нового Света доступна для захвата, если человек достаточно смел и отважен? А какой испанец не был таковым? В своем собственном поколении они победили мавров, выгнали евреев, поработили индейцев и завоевали больше территорий, чем Рим за пять столетий. За сорок два года их страна разрослась из союза христиан, сражавшихся на территории в несколько тысяч квадратных миль, в мировую империю, управлявшую миллионами. В ходе этого процесса Испания стала самой богатой и могущественной страной на земле. Их король и церковь сказали им, что у них есть право, и они

доказали, что обладают силой.

Рыцарские романы, бульварная беллетристика того времени, «зажигали воображение конкистадоров, чтобы они искали свои собственные приключения в Новом Свете. Их головы были полны фантастических идей... их мужество, подстегнутое благородными примерами великих героев рыцарства, они были готовы претерпеть любые трудности и жертвы, пробираясь через болота и джунгли на новый континент».⁴ Искатели удачи со всех провинций Испании заполняли таверны Санто-Доминго, столицы Нового Света, строя заговоры, плетя интриги и делая ставки

на судьбу. Большинство из них, как и Кортес, были солдатами удачи, классом испанцев, который развился во время Реконкисты — семи веков войны с маврами. В погоне за благородством они называли себя идальго, что означало сыновья кого-то, но настоящие кто-то, вельможи, ждали еще пятьдесят лет, прежде чем отправить своих сыновей в Новый Свет. При условии, что вы носили крест Иисуса, ваше происхождение не имело значения: акробат и музыкант разграбили Колумбию ради золота; бывший писец получил жемчужины Венесуэлы; солдат удачи, правивший Новой Испанией, страной больше Европы, как говорили, был богаче самого короля. А летом 1534 года по Испании распространился слух, что свиновод, ставший конкистадором, разграбил индейскую нацию, награбив у нее несметное количество золота.

Пока Чарльз обдумывал ямайское коммюнике в королевском дворце, брат свиновода Эрнандо Писарро поражал придворных рассказом о том, как его неграмотный брат Франсиско, следуя примеру Кортеса, выдал себя за бога, похитил вождя инков и, получив выкуп в девятнадцать тонн золота и серебра, задушил, а затем сжег еретика. Пока Эрнандо говорил об этом зловещем деянии, в суде распространился слух: флот из семидесяти кораблей из Нового Света прибыл в испанский порт Ларедо с десятью тысячами женщинамазонок на борту, жаждущих испанских мужчин, которые стали бы отцами их детей. Учитывая соблазн золота инков и страсть к амазонкам женщины, Чарльз знал, что потенциальные поселенцы выстроятся в очередь в Перу.⁵ Но никто не был заинтересован в заселении Ямайки, кроме евреев. Вместе с империей Чарльз унаследовал инквизицию и вскоре обнаружил, что угроза сожжения заживо — удобный способ контролировать фальшивых конверсо.

В то время как тонны золота из Нового Света ежегодно поступали в казну Чарльза, оно так же быстро утекало, и летом 1534 года ему понадобилась каждая унция, чтобы защищать свои границы.⁶ Его империя подверглась нападению. Якоб Фуггер, немецкий банкир, который одолжил ему полмиллиона дукатов, чтобы подкупить курфюрстов, чтобы они провозгласили его императором Священной Римской империи, умер, и Фуггеры отказались продвигать его больше ни одной монеты.⁷ Одно дело для свиновода захватить империю Нового Света и собрать ее богатства, и совсем другое — обеспечить их безопасную передачу короне для финансирования своих расточительств, наполнения карманов своей знати и оплаты солдат для борьбы с врагами.

Новый Свет был его золотым гусем. Если евреи лучше всего подходили для того, чтобы заботиться о золотом яйце, то он отправлял их в Новый Свет и занимался более насущными государственными делами. Король Франции Франциск I и император Османской империи Сулейман Великолепный, два его претендента на мировое господство, были союзниками против него. Франциск поддерживал пограничные набеги в Италию; кавалерия Сулеймана из

100 000 всадников стояла лагерем на восточном берегу Дуная, бряцая саблями, в то время как в Средиземном море командующий флотом султана Барбаросса направлялся в атаку на Тунис, последний оплот Карла в Северной Африке.

Был также враг внутри, разгуливающий в монашеском одеянии и распространяющий ересь. Тем летом три немецких принца отвергли Истинную Веру и выступили за Мартина Лютера, который превращал всю северную Европу в еретиков. Карл ненавидел Лютера и улыбнулся бы, увидев, как его поджаривает инквизиция, но ему нужна была помощь принцев, чтобы защитить свою империю от орд Сулеймана. Поэтому он проглотил свой гнев, выдержал их ересь и получил их поддержку.

Выживание Ямайки, посреди торговых путей Карибского моря, было необходимо для безопасности кораблей с сокровищами, которые проходили мимо берега, перевозя богатства Нового Света обратно в Испанию. Если это означало иметь дело с обращенными евреями, чтобы обеспечить их безопасность и не допустить превращения стратегической колонии в пиратскую базу, пусть так и будет. В 1522 году три нагруженных сокровищами корабля, отправленных ему из Мексики Кортесом, были захвачены и переправлены во Францию итальянским пиратом, более известным сегодня по мосту, носящему его имя как первооткрывателя гавани Нью-Йорка — Верразано. Награбленное ацтеками, которое итальянец доставил королевскому двору в Париже, включало полтонны золота, 682 фунта жемчуга, шкатулки с драгоценностями, инкрустированные топазом, зеркала из полированного обсидиана, изумруд размером с кулак человека, трех живых ягуаров — и, что еще ценнее, морские карты захваченных

Испанские летчики.⁸

Когда Карл потребовал, чтобы Франциск вернул награбленное, французский король высказался от имени других правителей Европы, насмешливо заявив ему: «Солнце светит мне так же, как и тебе, и я хотел бы увидеть пункт в завещании Адама, который запрещает мне получать мою долю богатств Нового Света!» С этими словами в Карибском море и стал громким кличем морских разбойников.⁹

Учитывая угрозы своей империи, Карл был «быстр на подъем», когда прошел июнь 1534 года, а его корабли с сокровищами, которые должны были прибыть в мае, не прибыли. Наконец, в начале июля галеоны причалили в Кадисе и выгрузили 21 миллион песо серебра. Когда ему сообщили об этом, Карл «танцевал дикую джигу со своим сыном Филиппом и карликом-шутком Перико». Когда Перико сказал восьмилетнему принцу: «Твой отец — Владыка Половины Мира; скоро ты будешь Владыкой Всего», было сказано, что

Чарльз, который редко давал волю своему гневу, «смеялся без конца».¹⁰

Именно тогда Карл, получив коммунике о том, что его колония на Ямайке терпит крах, согласился отправить «португальцев». Хотя он, возможно, подозревал обращенных евреев в ереси, Карл знал, что может рассчитывать на них в выполнении необходимых задач по управлению его империей.

Conversos 1492 года изначально были приняты в общество, отчаянно пытавшееся занять те должности, на которых специализировались евреи Испании. Как новые христиане, они быстро стали элитной буржуазией торговцев, врачей, сборщиков налогов, картографов, финансистов и советников короны. Но быстрота их успеха вызвала эмоции, которые могло успокоить только пламя инквизиции. В 1534 году, даже когда их крещенные дети занимали важные коммерческие должности в расширяющейся империи и в советах ее церкви, закон *Limpieza de Sangre* (Чистая кровь), введенный в Санто-Доминго в 1525 году, постановил, что Новый Свет закрыт для всех, кроме старых христиан, способных проследить свою родословную до четырех поколений.¹¹ Независимо от того, был ли человек недавним *converso* или новым христианином с 1391 года, капля еврейской крови делала его непригодным для продвижения славы Божьей в испанской империи. Закон запрещал новым христианам заниматься все большим количеством профессий и даже посещать части Испании. Чтобы воспрепятствовать побегу, *conversos* не разрешалось продавать свою землю или обменивать долговые обязательства или векселя.

Как и его дед Фердинанд, Чарльз придерживался принципа, что цель оправдывает средства. Поэтому он не стеснялся использовать конверсос для спасения своей ямайской колонии. Хотя он считал себя солдатом Бога, он не позволял религиозной позе вставать на пути личных интересов. Он финансировал войны в Европе, занимая деньги у всех, у кого мог, продавал фьючерсы на золотые корабли иностранным банкирам, закладывал Молуккские острова королю Португалии, сдавал Венесуэлу и Чили в аренду немецким банкирам, которые надеялись открыть Эльдorado, а в следующем году (1535) добивался от Доньи Грасии Мендес Наси, известной еврейки, значительного кредита от ее португальского банка.

При жизни Карла его подданные исследовали и заселили мир, в три раза больший, чем тот, в котором он родился, и ему нужна была помощь, даже если это означало иметь дело с подозрительными еретиками. Они помогли бы ему сохранить свою империю так, как никто другой не мог. На протяжении всего своего правления Карл нуждался в них, но никогда не доверял им. Он привык иметь дело с дворянами и духовенством, но евреи были чем-то другим. Люди Книги обладали высокомерием королевской крови и ценили себя не физической силой или даже богатством, а знаниями, мудростью и деловой хваткой. Они были его основными еретиками, эффективными пешками в его глобальной шахматной игре, которые можно было перемещать и приносить в жертву по своему желанию.

В Королевскую Пятую, которую Писарро принес королю, была включена небольшая золотая шкатулка, принадлежавшая Атауальпе, вождю инков, для листьев какао, которые он и его подданные жевали для получения энергии. Карл хранил ее для своего нюхательного табака и, возможно, играл с ней, когда он делал перерыв в завоевании Нового Света, чтобы поразмыслить над проблемами ее применения. Король был известен своими молчаливыми размышлениями — он часто смотрел в воздух, его ясные голубые глаза были сосредоточены на каком-то неизвестном объекте, в то время как его рот был открыт (из-за выступающей нижней челюсти, характерной для линии Габсбургов) — и можно представить, как он поворачивается к Франсиско Кобосу, своему зависшему советнику, и говорит своим сдержанным и размеренным тоном: «Пошлите за Акостой [придворным евреем]; нам нужны новые поселенцы, направляющиеся на Ямайку».

Прибыв в Порт-Эскивель в октябре, новые поселенцы были встречены двадцатью «португальскими» семьями, которые уже там были. Сегодня эти пятьдесят еврейских семей считаются основателями Вилья-де-ла-Вега (Город у Плодородной Равнины), столицы Ямайки на протяжении более трех столетий. Теперь он называется Испанский город, Ла

Вега, основанная в 1534 году, представляет собой самое раннее задокументированное поселение обращенных евреев в Новом Свете.¹²

Карл обратил свое внимание на язычников у своих дверей: армия султана Сулеймана, вторгшаяся в Персию и оккупировавшая Венгрию, была в движении, а в Средиземном море армада Барбароссы из восьмидесяти четырех кораблей отплыла из Константинополь должен сокрушить испанское могущество с моря.¹³

Командующий флотом султана Хайр-эд-Дин, известный христианам как Барбаросса за свою огненно-рыжую бороду, был ужасом на Средиземноморье еще до того, как присоединился к Сулейману. Сын неизвестного отца-грека и материренегаты-христианки, он заслужил свою дурную славу за свое обращение с христианскими пленниками: он пытал мужчин, оставляя самых красивых женщин для своего гарема.

Султан, не имея флота, оставил защиту моря Барбароссе и бывшим иберийским маврам, которые переправились в Северную Африку после поражения в Гранаде, и к ним присоединилась вторая волна в 1525 году, когда Карл приказал всем оставшимся принять христианство. Разгневанные своим вынужденным изгнанием, они составили большую часть команды Барбароссы. Сам Барбаросса утверждал, что переправил более семидесяти тысяч мудехар (испанских мавров, оставшихся верными исламу). Вернувшись в регион, откуда пришли их предки, они были радушно приняты турецкими правителями региона, которые также следовали путям Мухаммеда.

Берег Северной Африки, известный как Варварский берег, был также знаком иберийским евреям, чьи предки поселились там в первом веке после того, как римские

легионы захватили Иерусалим и рассеяли свыше пятидесяти тысяч евреев по Испании и портам по всему Средиземноморью. Перемещенные граждане Иудеи вышли в море, став крупнейшими судовладельцами, торговцами и купцами региона. Полторы тысячи лет спустя, когда сефардские изгнанники прибыли в Северную Африку, их мусульманские хозяева выделили им специальные кварталы. Вместе две группы изгнанных иммигрантов создали грозную силу.

Позиционируясь так, чтобы мстить тем, кто называл их неверными и еретиками, они объединились в самой прибыльной отрасли региона — пиратстве. Сефардские торговцы финансировали опустошительные набеги мавров на прибрежные города Испании и Италии и делили добычу — пряности с Востока и христианских рабов из Европы. Отправляясь на быстрых многовесельных галерах из Алжира и

другие приморские базы, берберийские пираты (известные как корсары) разграбили и сожгли деревни и уводили мужчин, женщин и детей.¹⁴Если их не выкупали, мужчин раздевали, приковывали голыми к веслам и заставляли грести до тех пор, пока они не умирали от усталости; женщин отправляли в гаремы; а детей воспитывали как мусульман.

В июле того же года Папа Климент, флорентийский Медичи, больше озабоченный интересами своей семьи, чем поддержкой религиозных наклонностей Карла, нанес удар Защитнику Истинной Веры, когда на смертном одре он простил *conversos* за прошлые преступления. Это не понравилось Карлу. Он и Папа ладили только тогда, когда этого требовал взаимный интерес.¹⁵Теперь, когда этого не произошло, решение Климента освободить этих хозяев торговли грозило превратить Средиземноморье в вопросах торговли в еврейское море. Если бы их не остановить, Карл был бы вынужден иметь дело с этой лживой расой. Под сюзеренитетом султана евреи превратили турецкий Константинополь и греческие Салоники в богатейшие морские порты, и через связи со своими братьями по Средиземноморью разработали новые прибыльные торговые пути на Восток.

Хотя Карл был возмущен перспективой, он воздержался от действий, полагая, что, поскольку Климент умирает, он может оказать поддержку новому папе, который отменит помилование. Но месяц спустя он получил сокрушительные новости, которые он не мог вынести: еврейский пират захватил Тунис, его последний оплот в Северной Африке.

СИНАН, «ЗНАМЕНИТЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ПИРАТ»

Хотя имя Барбароссы наводило страх на весь христианский мир, он не был настоящим флотоводцем или даже моряком. Вместо этого он занимался строительством своего флота и

планированием его действий, а большую часть морских сражений оставил на свое усмотрение. любимый капитан Синан, еврейский беженец из Испании через Турцию.¹⁶

20 августа 1534 года Синан, широко известный как «Великий еврей» или «Знаменитый еврейский пират»,¹⁷ привели сотню кораблей в гавань и заняли североафриканский город Тунис — до сих пор владение Испании — от имени Сулеймана. Стратегический порт был расположен напротив Сицилии по обе стороны узкого пролива, соединяющего восточный и западный средиземноморские бассейны. Сулейман, правивший

Черное море, Красное море и восточное Средиземноморье, установили свое присутствие в западном бассейне, когда Барбаросса завоевал Алжир в 1529 году. Теперь, с флагом полумесяца, развевающимся над Тунисом, он владел всем Средиземноморьем. Корабли Карла больше не могли безопасно выходить за пределы родных вод; вместо этого Средиземноморье стало чужим морем, в котором доминировали мусульманские корсары и еврейские торговцы.

Первая реакция Карла показала, что его религиозная преданность отошла на второй план по сравнению с *realpolitik*. Не без некоторой святой вины он отправил агента в Тунис, чтобы предложить Барбароссе «власть над Северной Африкой» перейти на его сторону. Если это не удалось, он поручил агенту отравить или перерезать горло пирату вечером, когда тот, как было известно, был пьян. Но вечер так и не наступил. Подчеркнув свое отклонение предложения Карла взмахом изогнутого ятагана, Барбаросса обезглавил агента.

Карл считал провал миссии predetermined свыше. В течение следующего года, одержимый идеей крестового похода для отвоевания Туниса, он тайно собрал армаду из четырехсот кораблей и армию из тридцати тысяч человек со всех уголков своего империя.¹⁸ Он сам поведет воинства христианского мира, чтобы нанести решительный удар неверным. Тунис станет его святым крестовым походом, чтобы показать миру, что он был его праведным правителем.¹⁸

10 июня 1535 года, когда императорский флот собирался отплыть, Карл обратился к собравшимся дворянам. Развернув знамя распятого Христа, он указал на спасителя, воскликнув: «Он ваш капитан-генерал! Я всего лишь его штандартпредъявитель.»¹⁹ Спустя пять дней флот встал на якорь у входа в захваченный порт.

Узнав о намерениях Карла, Барбаросса также проповедовал священную войну и набрал несколько тысяч моджахедов (мусульманских воинов) для битвы с крестоносцами. С помощью шпионов, державших его в курсе событий, Барбаросса укрепил форт у входа в порт, названный Ла Голетта (горло), потому что «он держал Тунис за горло». Барбаросса поручил его оборону Синану и пяти тысячам своих лучших людей.

15 июня 1535 года пушки семидесяти кораблей обстреляли башни-близнецы форта. Двадцать четыре дня Синан и защитники держались. Трижды Синан выходил вперед, чтобы вступить в бой с нападающими, но перевес был подавляющим, и его вылазки были отражены. Наконец, стены крепости были пробиты беспощадным обстрелом сорокафунтовых железных ядер, выпущенных с восьмипалубного галеона Мальтийских рыцарей, самого большого боевого судна из существовавших в то время. Испанские, немецкие и итальянские войска хлынули в форт. Синан, вынужденный эвакуироваться, пересек залив в город с остатками своих людей. С захватом форта Карл захватил контроль над заливом, а вместе с ним и над восьмьюдесятью семью галерами Барбароссы.

Барбаросса знал, что он побежден, но все еще был полон решимости нанести христианам удар, который они не скоро забудут. На следующий день, когда Карл собирал свою армию для последнего штурма, разгневанный Барбаросса сказал Синану, что он решил убить двадцать тысяч христианских рабов, запертых в подземных темницах города. Синан отговорил его: «Запятнать себя такой ужасной резней», он сказал своему командиру: «Это навсегда исключит нас из числа людей».²⁰

Отбросив человеческое сострадание, не имело смысла уничтожать чье-то имущество до начала битвы. Кроме того, добавил он, убийство такого количества пленных заняло бы слишком много времени. Его логика была убедительной, но, как оказалось, сохранение их жизней стало гибелью защитников. Мавры-перебежчики, желая выслужиться, если испанское нападение увенчается успехом, освободили пленных. Освободившись, рабы совершили набег на городской арсенал, одолели стражу и распахнули ворота.

Силы Карла ворвались. Битва бушевала целый день. Карл, скачущий галопом по городу, потерял лошадь из-под себя. Карл, известный своей храбростью и хладнокровием, улыбнулся, когда его люди умоляли его укрыться от шквала пуль, и сказал: «Еще не было известно, чтобы император выстрелил».²¹ Так было с Барбароссой, который, как сообщается, убил десятки людей «острым лезвием своего ятагана». Но исход никогда не вызывал сомнений. Почувствовав, что все потеряно, Синан и Барбаросса сели на верблюдов и с четырьмя тысячами человек бежали в пустыню, чтобы сражаться еще один день.

21 июля победоносная армия Карла пронеслась по городу. В течение трех дней его праведные крестоносцы грабили Тунис и вырезали его жителей. По оценкам, семьдесят тысяч человек были убиты и сорок тысяч взяты в плен. Католические летописцы, которые писали о бойне, назвали ее худшей за столетие.

позорное дело, ведь жертвами были не люди Барбароссы, а невинные жители Туниса, которые годом ранее были союзниками христиан. Только когда крестоносцы и освобожденные христианские рабы начали убивать друг друга в борьбе за добычу, нападение прекратилось. Евреи не были освобождены от этого кровопролития убийств и грабежей. Как заметил один, «у евреев не было спасителя в день гнева Господня». Те, кого не «поразило острие меча, когда необрезанные пришли в город», были взяты в плен и удерживались с целью получения выкупа, в то время как те, кто бежал в пустыню, остались без средств к существованию, когда мусульмане «разграбили все, что они принесли с собой».22

Чтобы увековечить свою победу, Карл пригласил поэта и историка, чтобы они записали ее, а также придворного художника, чья фреска с изображением безуспешно контратакующих войск Синана была превращена в гобелен, который сегодня висит в венском музее.

По возвращении домой двадцать тысяч спасенных христиан пели хвалу своему императору, приветствуя его как странствующего рыцаря, победившего бич христианского мира. Его репутация защитника веры укрепилась, когда новый папа одобрил его требование о начале инквизиции в Португалии. Карл настаивал на этом, хотя и не по каким-то ханжеским религиозным причинам. Скорее, конверсос в Португалии накопили богатства, которые испанские конверсос передали им на хранение, тем самым обескровив богатства Испании. Чтобы обуздать власть конверсос, он призвал португальского короля Жуана пригрозить им священным огнем. Согласованные действия двух монархов привели к дальнейшему исходу конверсос из обеих стран.

Король Жуан пошел вместе с Карлом, но сделал это неохотно. Хотя эти двое были близки — сестра Жуана Изабелла была счастливо замужем за Карлом — король Португалии не мог позволить себе не допустить этих талантливых людей в свою империю. Он искал их совета в большинстве своих начинаний; более того, он был по уши в долгах. Конверсос одолжили ему 500 000 дукатов, и он знал, что они годятся для большего. Так же, как новые христиане Испании достигли влиятельных позиций, в которых им было отказано как евреям, так же поступили и евреи Португалии. С того времени, как они были насильственно обращены в христианство в 1497 году, как новые христиане они женились на представителях лучших семей и заняли самые высокие государственные должности. Почти 100 000 конверсос Португалии составляли 10 процентов граждан короля Жуана. Несмотря на их высокий статус, основное население не доверяло им. Отвергнув обращение в Испании, не было

вероятно, что принудительное крещение действительно изменило их убеждения. Из неверных вне церкви они теперь рассматривались как еретики внутри.

К середине 1530-х годов Карл пришел к мнению, что хотя многие испанские конверсос только притворялись христианами, они не были ни многочисленны, ни достаточно сильны, чтобы угрожать ему. Он ценил их способность стимулировать торговлю и тем самым увеличивать приток наличности в его казну, которая к марту 1536 года была почти пуста. Его советник Корбос предупредил его, что он «на грани банкротства».²³ Таким образом, в соответствии со своей политикой невмешательства в их присутствие как на Ямайке, так и в других местах Нового Света, он поручил магистратам Антверпена, торговой столицы Северной Европы, предоставить испанским конверсос полные права на поселение и решил проблему Ямайки, отдав остров.

Хотя мало что известно о португальцах, отправленных Карлом на Ямайку, очевидно, что проблемы возникли сразу же, потому что в то же время, когда Карл набирал свою крестоносную армию, он поспешно отправил на остров аббата, чтобы следить за религиозными вопросами. В марте 1535 года на Ямайку прибыл отец Амадор де Самано. Он отправился вперед по приказу короля, прежде чем получил аккредитацию от папы. Не имея возможности предоставить документы из Рима, он не был признан губернатором Ямайки, который «употребил много непочтительных слов в его адрес и других вещей, достойных порицания и наказания». Когда Карлу сообщили, что его губернатор действовал «вопреки Богу и в неуважении к нашим королевским указам», он приказал ему «очистить свой проступок перед королевским Аудиенсия²⁴ в Санто-Доминго».

Для Чарльза отвержение Ямайкой его аббата стало последней каплей. За несколько лет до этого он выделил деньги на ямайскую церковь, которая все еще строилась, и на больницу, которая так и не была построена. Он получил образцы золотой руды, но не более того. Его две гасиенды и их скот оценивались в пять тысяч песо, и хотя у него также было два сахарных завода, единственная прибыль, которую он получал, была в продаже продукции голодающим поселенцам. Даже тогда ему приходилось давать им деньги в долг, чтобы они покупали товары, а если они не платили, угрожать продать продукцию в другие колонии.

Ямайка была проигрышным вариантом, и губернаторы, которых он туда послал, были не лучше. Каждый обвинял своего предшественника в отвлечении средств и распродаже королевских земель «как своей частной собственности». Прошло десять лет с тех пор, как эпидемия

Оспа уничтожила большую часть индейцев Ямайки, и наиболее амбициозные поселенцы острова уехали искать счастья в других местах. Соблазн покинуть остров в 1536 году стал еще более убедительным, когда распространился слух о том, что поиски Эльдорадо продолжаются, и три конкистадора, соревнуясь, перебираются через горы, чтобы найти

убежище «Золотого», а король индейцев купался в золотой пыли. Между португальцами острова, в которых он нуждался, но которым не доверял, и ленивыми испанцами, которые остались, Чарльз был убежден, что он не получит большой прибыли от Ямайки. Он пришел к выводу, что остров будет хорош только как торговый пост, промежуточная станция для кораблей, следующих в Новый Свет и обратно.

Ответ, на котором он остановился, заключался в передаче Ямайки семье Колумба. С лета 1536 года Карл вел переговоры с вдовой Диего Колона, Марией де Толедо, чтобы урегулировать судебный процесс, который она подала, чтобы восстановить права Колумба на открытие от имени его внука, ее восьмилетнего сына Луиса Колона. В январе 1537 года она согласилась отозвать иск в обмен на Ямайку. Карл не задавался вопросом, почему донья Мария хотела Ямайку; он был рад избавиться от нее. Но когда он составил соглашение об отказе от проблемной колонии, она отклонила его, потому что оно не включало власть над Церковью.

После месяца застоя он неохотно сдался.²⁵ Это положение, подчиняющее ямайскую церковь семье Колумба, было беспрецедентным. В течение следующего столетия семья держала Ямайку, единственную в Испанской империи, вне досягаемости инквизиции. Решение доньи Марии имело решающее значение для португальцев, с которыми она тесно сотрудничала, чтобы развивать торговлю острова. Подобно придворным евреям, которые консультировали Колумба по вопросу наследственных прав, португальцы Ямайки поощряли бы ее твердо придерживаться этого требования.

К сожалению, отсутствие инквизиции на Ямайке также означает, что существует почти полное отсутствие информации об этих португальцах, которые выбрали приключения в Новом Свете вместо связей со Старым Светом. В то время как большинство конверсос бежали на восток или поселились вокруг Средиземного моря, эти португальцы выбрали Ямайку, остров в новом море. Вместо того чтобы жить в ограничивающих общинах изгнанников под бдительным оком другого правителя, они выбрали неизвестность. В эти пиковые годы открытий и завоеваний они смотрели на Новый Свет, где каждый человек мог быть своим собственным правителем и имел ту же горячую кровь для приключений, которая хлынула во всех, кто приезжал.

В феврале 1537 года Карл официально уступил Ямайку семье Колумбов.²⁶ Она все еще была бы частью испанского королевства, и семья не могла бы возводить форты без разрешения короны или проводить независимую внешнюю политику. За исключением этих положений, Ямайка и «все золотые рудники» на ней теперь были личным поместьем семьи Колумба, чьи наследники носили бы титул маркиза де ла Вега.^{*4} После того, как вопрос был улажен, Педро де Мансуэло, королевский казначей Ямайки, написал королю. Он «услышал, что Его Величество даровал остров Ямайка адмиралу» и предостерег:

Это будет потерей для Короны, потому что Ямайка — это еще одна Сицилия в Италии, поскольку она обеспечивает все соседние страны, а также Главную и Новую Испанию и является центром их всех. Если времена изменятся... кто бы ни был Лордом Ямайки, он будет Лордом и этих мест из-за их положения...

Его Величество ни в коем случае не должен с ним расставаться.²⁷

Со временем оставшиеся испанские колонисты в Новой Севилье присоединились к португальцам в Ла-Вега. Однако, поскольку собственность принадлежала семье первооткрывателя, мало кто из испанцев был заинтересован в заселении острова, который впоследствии стал называться островом Колумба. Те, кто уже там был, в основном были скотоводами, разводившими лошадей, крупный рогатый скот и свиней. К середине века их могущество было на низком уровне, в то время как португальцы, которые в основном занимались торговлей, процветали, отчасти снабжая проходящих конкистадоров лошадьми и провизией.

Хотя идальго часто конфликтовали с португальцами, прошло столетие, прежде чем появились обвинения в иудаизме. По-видимому, они поддерживали христианский фасад, посещали церковь и крестили своих детей. Вероятно, они придерживались некоторых из тех же практик, что и тайные евреи в Мексике и других испанских колониях, которые тайно собирались в определенные ночи, чтобы читать Тору. Они постились дважды в неделю за свое вероотступничество, обожали царицу Пурима Эсфирь как тайную еврейку, как и они сами, и считали Амана Великим инквизитором.

Тем временем, в Средиземноморье, враг Карла Синан, который никогда не скрывался за христианской маской, продолжал мародерство, которое должно было закрепить власть Сулеймана в Восточном Средиземноморье. В 1538 году еврейский корсар

уничтожил большую часть испанского военно-морского флота у порта Превеза в Греции, а в следующем году блокировал залив Каттаро на побережье Далмации и заставил сдаться последний испанский гарнизон. Эти поражения Карла, в сочетании со смертью при родах в 1539 году его любимой жены Изабеллы, повергли императора в отчаяние, которое развеялось только агрессивными действиями против лжеконверсов и планированием возобновленной войны против неверных.

Мотивом Карла, когда он позволил испанским конверсам поселиться в Антверпене в 1536 году, была чисто корыстная деятельность. То, во что они верили, его не волновало. Но это отношение изменилось, когда король Иоанн последовал их примеру, и вскоре португальские конверсы превзошли испанских в бурно развивающейся торговле пряностями в Восточной Индии, принося португальскому королю почти миллион дукатов в год.²⁸ Соответственно, Карл изменил политику. Зная, что евреи Португалии, будучи насильственно обращенными, были более склонны к иудаизации, в 1540 году он приказал антверпенскому приставу «...

Затем Карл обратил свое внимание на захват Алжира, османского форпоста, ближайшего к Испании. Как он взял Тунис, так он завоюет главную крепость султана в своем секторе Средиземноморья. Осенью 1541 года Карл двинулся на Алжир с отрядом из пятидесяти военных кораблей, двухсот вспомогательных судов и армией численностью почти двадцать тысяч человек. Поскольку порт был слабо защищен гарнизоном из четырех тысяч человек, у него были веские основания для уверенности.

Но ночью 23 октября, когда его армия высаживалась на берег около Алжира, грозовые черные тучи с северо-востока затемнили место высадки и обрушились на них. В течение трех дней непрекращающийся шторм и штормовой ветер терзали захватчиков. Четырнадцать военных кораблей были разбиты о скалы, а сто транспортных судов уничтожены, потеряв восемь тысяч человек. Те, кто добрался до берега, застряли в грязной трясине. В конце бури мавританские всадники бросились вниз с холмов, их мечи сеяли имперские войска. Карл, промокший до нитки, с мечом в руке, пытался сплотить своих людей, но, учитывая ситуацию, приказал своей армии снова погрузиться на корабль. Когда флот перегруппировался в пятнадцати милях от побережья, завоеватель Мексики Эрнандо Кортес, которого Карл пригласил с собой, посоветовал контратаковать. Но император, его войска были подавлены, истощены и плохо экипированы, неохотно прекратил экспедицию, списав ее неудачу на погоду. Во время вторжения две тысячи евреев Алжира, зная судьбу, постигшую их братьев в

Тунис, жили в большом страхе. После этого, в память о трех днях, когда небеса открылись в их защиту, они учредили особый праздник с три дня поста и празднования.³⁰

В 1544 году, через год после своей алжирской катастрофы, Карл уехал из Испании во Фландрию и не возвращался до 1556 года. Когда Карл уезжал в печали, Синан радовался. В тот год еврейский корсар находился в порту Суэца на Красном море, строя флот для поддержки усилий индийского принца по изгнанию португальцев, когда он получил известие, что Барбаросса спас похищенного сына Синана. Пять лет назад мальчик был взят имперскими войсками по пути к отцу после последней победы Синана. В конце концов его доставили к сеньору Эльбы, который крестил ребенка и воспитывал его при дворе. Несколько раз Барбаросса безуспешно пытался выкупить мальчика. Наконец, в 1544 году, когда он плыл около Эльбы, он отправил посланника, чтобы договориться о возвращении юноши, но ему сказали, что «религиозные принципы» правителя запрещают ему выдавать крещеного христианина неверному. Разъяренный Барбаросса высадил своих людей, разграбил город Пьюмбино и взорвал форт. В этот момент сеньор Эльбы согласился отдать своего «любимца».³¹

В 1551 году, после пребывания на посту губернатора Алжира, Синан, теперь Каптанпаша, командующий турецким флотом, захватил Триполи. Заняв порт, он заключил в тюрьму мальтийских рыцарей, которые перебрались туда со своего острова. Сначала он отвез их обратно в Константинополь и провел их в цепях перед султаном, Синан — великодушный в победе в отличие от крестоносцев Карла в Тунисе, униженных рыцарей, освободивших.

В мае 1553 года в своем последнем зафиксированном действии Синан спустился по Дарданеллам из Галлиполи со 150 кораблями, включая двадцать французских галер, и опустошил прибрежные районы южной Италии и Сицилии. Перед возвращением в Константинополь он высадился на Корсике по приказу короля Франции и изгнал генуэзцев. Это последнее, что мы слышим о «знаменитом еврейском пирате», известном своим гуманным обращением с пленными и своими магическими способностями. Его необразованная команда хвасталась, что ему не нужно ничего, кроме арбалета, чтобы узнать высоту звезд и определить свое положение в море. (На самом деле его арбалет был «посохом Иакова», ранней формой секстанта.)

Последние годы Карла были не столь удачными. В 1556 году бремя работы заставило его отречься от престола в пользу своего сына Филиппа II, отдав половину своей империи своему

брата Фердинанда и удалиться в монастырь.³² Венецианский посол написал что он «не жаден до территории, но больше всего жаден до мира и покоя».³³ Но война была его постоянным занятием, и он был ею совершенно измотан. В компании монахов император провел последние два года своей жизни, ловя форель из окна башни над бурным потоком и пытаясь синхронизировать свою внушительную коллекцию из 159 часов. Говорят, что он воскликнул, когда тщетно сдался: «Как глупо было думать, что я смогу заставить всех людей верить в религию одинаково или объединить все мои владения, когда я даже не могу заставить эти часы бить

час вместе?»³⁴

В сентябре 1558 года, после продолжительной болезни и мучимый подагрой, которая сделала его инвалидом, Карл воскликнул: «О, Господи, я ухожу» и умер. Синан, который всегда был для него занозой, также умер в том же году. Его надгробный камень на стамбульском кладбище Скутари частично гласит:

Для своих друзей Синан был другим Иосифом; его враги боялись его, как дротика. Давайте помолимся Небесам за Синана; пусть Бог сделает его душу радуйтесь... Каптан-паша вошел в сферу Божественного Милосердия.³⁵

Оценка правления Карла должна привести к выводу, что он переоценил свои возможности и растратил все силы. Империя была слишком большой, его враги и силы, выступавшие против него, слишком могущественны. Ход истории был не в его пользу. Испания прекратила производство. Опора на золото и серебро из Нового Света для импорта почти всего удвоила цены на товары. Европа от этого выиграла, в то время как испанская казна к моменту его отречения была в долгах на 20 миллионов дукатов.

Более того, перевод Библии на немецкий язык Лютером в 1534 году стал краеугольным камнем для протестантов. Хотя им яростно противостояло Общество Иисуса, основанное в том же году, члены которого считали себя солдатами Бога и чья Контрреформация поддерживалась Карлом, остановить еретическую секту, которая распространялась как чума по его империи, было невозможно. Даже хваленый престиж Карла как завоевателя Туниса рассеялся, когда сын его вассала там сверг (и ослепил) его отца и впоследствии поддержал турок; в Ла-Голетте его испанский командир также отрекся от своей веры и

стал мусульманином.

Чарльз не мог сдерживать ветры перемен. Он возмущался тем, что его враги считали обязательным помогать и подстрекать сефардов, которых он считал еретиками. К середине века новый король Франции Генрих II разрешил «португальским торговцам», известным как «новые христиане», селиться в Бордо и Байонне, двух портах на Атлантике к северу от Испании, обогащенных торговлей с полуостровом, в то время как в Константинополе, по оценкам, пятьдесят тысяч сефардов внесли свой вклад в его соперничающую империю. В 1551 году испанский гость в Турции проклял перевооружение армии португальскими евреями:

О, если бы было угодно Богу, чтобы они утонули в море, придя сюда!
Ибо они научили наших врагов таким злодеяниям войны, как
изготовление аркебузирова, пороха, пушечных ядер, медных орудий и

огнестрельные ружья.³⁶

Как и в Средиземноморье во времена правления Карла, сефарды стали доминировать в торговле и потоке богатств Карибского бассейна. Открытие Америки

и создание новых морских путей на Восток поместили мировую торговлю в сферу влияния сефардов, расселенных по всему известному миру. К середине века сухопутные пути Средневековья уступили место морским магистралям. На Ямайке до своей смерти в 1549 году донья Мария работала с торговцами-конверсо, чтобы превратить неэффективную колонию в крупный перевалочный порт, естественное развитие (хотя и незаконное) для острова, расположенного по обе стороны испанских торговых путей в Новый Свет и обратно.

Хотя Карл в конечном итоге изгнал всех новых христиан из Антверпена, он продолжал терпеть их присутствие в Новом Свете. Его сын Филипп II также считал в своих финансовых интересах закрыть глаза на торговцев и администраторов из числа конверсо и сознательно лицензировал новых христиан для работы там в качестве казначеев короны, нотариусов и судей. Пока они преклонялись перед Иисусом, никто не подвергал сомнению их веру. Однако, как только они установили прибыльные коммерческие пути, направлявшие всю торговлю через Севилью и Лиссабон, они стали расходным материалом. Когда их присутствие больше не было необходимо, туда захотели войти старые католики «чистокровные». Их средством была инквизиция.

Объединение Испании и Португалии в 1580 году принесло с собой возрождение деятельности инквизиции. В последнее десятилетие шестнадцатого века, когда Святой террор обрушился на Новый Свет, тайные евреи начали искать убежища в других европейских державах, чтобы укрыться от Великого инквизитора. Они нашли его в Нижних странах на северо-восточном побережье Европы, в уголке империи, сражающейся за свободу, восставшей против Испании.

САМУЭЛЬ ПАЛАШ, ПИРАТСКИЙ РАВВИН

ЯВ Марокко, на родине мавров, юноша по имени Самуэль Палаш приехал возраста примерно в то время, когда Синан заканчивал свою жизнь. Хотя мальчик был воспитан в меллах, еврейское гетто Феса, и никогда не встречал «знаменитого еврейского пирата», он знал о его подвигах и подражал его деяниям — с одним определяющим отличием: лихая карьера Сэмюэля была дополнена религиозной карьерой раввина. Таким образом, Сэмюэл последовал за своим отцом и дядей, продолжая многовековую старую семейную традицию.¹

Евреи жили в Марокко за столетия до того, как арабы завоевали местные берберские племена в седьмом веке и принесли ислам. Когда Фес был основан как арабская столица в девятом веке, евреи города процветали как ростовщики и торговцы драгоценными металлами, профессии, которых последователи Мухаммеда избегали. В 1428 году, в свете мусульманских бунтов из-за обвинений в том, что евреи разливали вино в мечетях, султан ограничил их меллах, огороженная территория возле дворца.

Когда Самуил рос, окруженное стеной гетто, разросшееся за счет вновь прибывших из Испании, соперничало с Константинополем за звание еврейского убежища. По оценкам, пятьдесят тысяч евреев толпились на узких улочках, выстроившихся вдоль магазинов, лавок и высоких зданий с квартирами-квартирами. Богатые жили отдельно, в роскошных домах мавританского дизайна, граничащих с дворцовыми садами. меллах стал известным центром еврейской жизни. Его многочисленные синагоги и религиозные школы были магнитом для ученых-талмудистов, которые приезжали со всего Средиземноморья, чтобы обсудить и подискутировать по комментариям Раши и знаменитого североафриканского провидца Маймонида.

В пределах границ меллах, израильтяне жили свободно, но за пределами, в самом городе и на большом базаре, где они продавали свои товары, они сталкивались с привычной враждебностью. Испанский посетитель отметил эту дихотомию:

[Внутри меллах] У евреев есть своего рода губернатор, который вершит правосудие и доставляет их дань королю. Они платят налоги за все и остаются в покое... Снаружи их очень презирают и заставляют носить черную ткань на голове и кусок цветной ткани на одежде, [чтобы] их знали мавры... Куда бы они

ни пошли, мавры плюют им в лицо и бьют их... Если кто-то становится богатым, и король умудряется узнать, что он отбирает у них богатства. Но они так трудолюбивы и так много знают о бизнесе, что обычно управляют поместьями мавританских джентльменов, [которые] не очень уважают торговлю и не понимают, как евреи, мелких деталей и тонкостей, поэтому каждый стремится иметь еврея в качестве своего мажордома, чтобы управлять своим поместьем. Таким образом евреи обогащают

сами по себе в значительной степени.²

Подобно католическому духовенству, муллы осуждали финансистов как паразитических ростовщиков и запрещали своим последователям заниматься такими делами. Таким образом, финансовые капризы были предоставлены евреям, которые чеканили монеты, собирали налоги, ссужали капитал и поддерживали проверенные предприятия, такие как мародерские плавания корсаров.

Сэмюэл и его младший брат Джозеф с четырех лет посещали религиозную школу вместе с другими мальчиками в мелла. Их отец был школьным раввином, и его бдительное присутствие тяготило братьев, пока они изучали Тору и Талмуд. Мальчики свободно говорили на многих языках. Дома они говорили по-испански, хорошо знали арабский и португальский, а в школе изучали иврит и халдейский. Поскольку раввинская родословная их семьи насчитывала шесть столетий, иудаизм во всех его аспектах был привит им и проник почти во все, что они делали. Спорадические визиты бродячего дяди, странствующего проповедника, который бродил по Средиземноморью, увещевая верующих, пробудили в них желание выйти за рамки мелла.³

Иудаизм и пиратство были доминирующими влияниями, которые сформировали жизнь братьев после того, как они покинули уединенное гетто. Ради безрассудства и прибыли они обратились к пиратству, особенно нацеливаясь на врагов своего народа, и использовали этот успех в других видах деятельности, которые однажды дадут евреям убежище в Амстердаме, который

в диаспоре он стал известен как Новый Иерусалим.⁴

В последние десятилетия шестнадцатого века султан Марокко, хотя официально и был в мире с Испанией, не обуздал своих корсаров. Братья Палаче тогда жили в меллах Тетуан, пиратский порт на Гибралтарском проливе. Хотя ворота еврейского квартала запирались на ночь, репутация братьев как торговых пиратов позволяла им уходить и приходить когда угодно. Соотечественники рассказывали, что после успешного круиза братья нагло заходили в испанские порты, притворяясь невинными торговцами, и смело искали покупателей за их переупакованную добычу.⁵

В 1602 году их дерзкое поведение достигло ушей султана. Почувствовав, что они обладают необходимыми навыками для борьбы с его традиционным врагом Испанией, он отправил их в Лиссабон в качестве своих торговых представителей, чтобы заключить сделку по драгоценностям в обмен на пчелиный воск, необходимый для изготовления свечей и печатей. Чтобы попасть на запретный полуостров, братьям требовалось разрешение на въезд от герцога Медины Сидонии, правителя Мелильи, испанского форпоста в Марокко.

Посоветовавшись с ним, братья намекнули, что могут предложить больше, чем несколько тонн пчелиного воска. Одобряя их проход, герцог написал своему суверену Филиппу III, что у них есть сведения о Марокко, и рекомендовал ему встретиться с ними. Однако, когда братья прибыли в Мадрид в январе 1603 года, Филипп, предупрежденный советником, что они маэстро догматизаторы (догматизирующие наставники), стремящиеся вернуть конверсос, отказались встречаться с ними: «Они причинят много вреда своим соотечественникам», - он герцог написал: «Как нас научил опыт».6

Их покровительствующий герцог думал иначе. Это не было их намерением, написал он. Если бы он знал, что намеревался сделать старший брат Самуил, когда он покинул Испанию в 1603 году и отправился в Нидерланды, он бы не был так скор, чтобы развеять подозрения короля.

Осенью 1605 года братья вернулись в Испанию, добиваясь разрешения Филиппа поселиться там. В обмен они обещали раскрыть секретный план остановки продвижения Османской империи вдоль побережья Северной Африки, которое, если его не остановить, вскоре приведет турок к порогу Испании через узкий водораздел Гибралтара. План брата включал захват Лараша, марокканского

стратегический порт к юго-западу от Танжера. Его владение стало важным годом ранее, когда султан умер, а его сын Мулей Сидан занял трон. Однако герцог Медина-Сидония теперь подозревал, что Сэмюэл был двойным агентом. Когда король спросил его, можно ли доверять Палаче в «выяснении обстоятельств относительно Берберии», герцог был резок в своем ответе: «Его дело — все обман».7 Советник Филиппа поддержал решение герцога, заявив: «Было бы хорошо помешать еврею обманывать себя», и рекомендовал «дать ему что-то, чтобы избавиться от него».8

Но Сэмюэля было нелегко отговорить. Убедительно говорливый, в течение следующих двух лет он склонил на свою сторону других влиятельных испанцев, чтобы они одобрили его прошение о домиции. В марте 1607 года его настойчивость добилась того, что его снова пригласили во дворец на аудиенцию у Филиппа. Он снова пообещал разгласить разведданные о Берберийских государствах и рассказал о глубоком желании своей семьи принять Истинную Веру чтобы лучше служить «Нашему Господу и Вашему Величеству».9 Все сомнения царя были развеяны бурной

речью Самуила, и он дал своднику-еврею королевский прием.седула(разрешение)
отправиться в Марокко, чтобы забрать свою семью.

Неизвестно, как это могло бы обернуться, потому что агенты ужасной инквизиции внезапно вышли на след братьев. Выдали ли их браваду и высокомерное презрение к испанской власти, что их предполагаемое обращение было обманом? Предупредил ли Святых Отцов соперник-еврей, ищущий королевского покровительства? Ответа не последовало, но когда братья узнали, что за ними охотятся инквизиторы, они укрылись в мадридском доме французского посла графа де Барро. Граф знал, что их заявленная лояльность Испании была притворной, потому что ранее они обратились к нему с предложением поделиться (за определенную плату) испанской разведкой с его монархом Генрихом IV.

Летом и осенью 1607 года, пока братья надежно укрылись в доме дипломата, на близлежащей Пласа-Майор, десятки подозреваемых в иудаизме были выставлены полуголыми на суд и приговорены к последовательным аутодафе. В сентябре, когда появилась возможность бежать из Испании, Сэмюэл написал Филиппу прощальное письмо, отрицая любые правонарушения и клянясь в постоянной верности: «Где бы мы ни были, мы есть и будем слугами Вашего Величества. Да умножит Бог жизнь и имение ваше».10

Тем не менее, он отвернулся от Испании, и следующей весной (апрель 1608 г.)

находился в Амстердаме, совещаясь с принцем Морицем Нассауским о грандиозном плане борьбы с Испанией. Самуэль поделился с ним идеей, над которой он размышлял во время своего заключения, а именно, что Голландия и Марокко должны сформировать союз. Поскольку оба народа, кальвинисты и мусульмане, рассматривались Испанией как еретики, было естественно, что эти страны должны были объединиться против общего врага. Султан Сидан и его отец сражались с Испанией большую часть своей жизни, как и голландский принц Морице и его отец, Вильгельм Оранский. Как голландские каперы, известные как морские нищие, отражали попытки испанцев подавить их восстание и финансировали войну грабежом, так и марокканские корсары парализовали испанское судоходство.

Морис воспринял предложение, и Самуил отправился в Марокко, чтобы представить его Сидану. Договор был заключен так, как и предлагал Самуил. Но для более ясного понимания того, что следует дальше, необходимо сделать отступление, чтобы объяснить доверие принца к Самуилу и то, что стояло за лживыми сделками еврея с Испанией. До того, как он отправился в Испанию с пчелиным воском, Самуил был известной фигурой в голландских портах, и именно его действия тогда заставили статхолдера поверить в его намерения в этом новом предприятии.

В 1579 году, когда остальная Европа все еще была опасным местом для евреев, отец принца Мориса зажег светильник политической и религиозной свободы, когда он в одностороннем порядке объявил независимость своей страны от Испании. Собрав шесть других лидеров северных провинций, они согласились в Утрехтской унии поддержать его военные усилия и подтвердить «свободу совести» как основополагающий принцип Соединенных Нидерланды.¹¹

В следующем году Испания аннексировала Португалию, тем самым объединив земли инквизиции, и подозрительные новые христиане стали объектом новой чистки. Трибуналы инквизиции, действовавшие в трех крупных городах Португалии, осудили тысячи иудействующих.

В 1591 году Самуэль решил проверить обещание Нидерландов о религиозной свободе. Он поселился в Миддлбурге, процветающей столице Зеландии, и подал прошение отцам города разрешить дальнейшее поселение сефардов. Взамен он пообещал, что они «превратят город в процветающий торговый центр с помощью своего богатства». Первоначально магистраты одобрили его прошение

но нетерпимое отношение кальвинистского духовенства не позволило им предоставить это.¹² Семь лет спустя в Амстердаме произошла похожая ситуация. Бургомистры городского совета, имевшие власть «после Бога и Принца,¹³ согласились предоставить доступ конверсам, но когда местное духовенство возразило, они отступили, добавив оговорку: «при условии, что они искренни Христиане».¹⁴

Так вот, первые конверсы, последовавшие за Самуилом в Голландию, обнаружили, что одно дело, когда страна объявляет религиозную терпимость, и совсем другое, когда страна ее практикует. Хотя новичкам больше не нужно было бояться инквизиции, любое публичное проявление их веры считалось незаконным, и, как и на полуострове, им приходилось тайно иудаизироваться. Именно из-за этой тайной потребности их соблюдение Дня искупления в 1603 году сохранилось в полицейских записях как первая еврейская служба в Голландии.

Как мы видели, это был год, когда братья Палаче и их пчелиный воск были изгнаны из Испании. После этого Сэмюэл отправился в Амстердам, переехав туда после своей неудачи в Миддлбурге. То, что произошло дальше, подтверждает обвинения в мошенничестве, выдвинутые их испанскими врагами. С приближением Пасхи Сэмюэл пригласил тайную общину провести богослужения в его доме. Праздник в том году начался в воскресенье вечером, в то время, когда католики посещали свои молитвы. Поэтому соседи-кальвинисты Сэмюэля заподозрили неладное, когда заметили, что в его дом входят испаноговорящие мужчины. Полагая,

что это группа католиков, проводящих тайные пасхальные богослужения, они сообщили об этом властям.

Без предупреждения полиция ворвалась к испуганному собранию, которое предположило, что инквизиция каким-то образом их раскрыла. Их попытка сбежать только укрепила их вину в глазах полиции. Шестнадцать мужчин и несколько женщин были арестованы. Сэмюэл попытался объяснить властям на всех известных ему языках, но его не поняли. Однако лидер прихожан, Якоб Триадо, немного знавший латынь, смог убедить офицеров, что, хотя у всех у них были испанские имена, они не были идолопоклонниками-папистами. Скорее, они были евреями, бежавшими из земель инквизиции, где их народ преследовали даже больше, чем кальвинистов. Таким образом, инцидент был мирно урегулирован. С этого времени власти смотрели в другую сторону, когда евреи собирались в домах друг у друга на богослужения. Пока они не выставляли свою религию напоказ

публично, их присутствие терпели.

Ранняя община, насчитывающая около пятидесяти купеческих семей, представляла элиту иберийского еврейства, чьи предки, вместо того чтобы покинуть свой родной дом, обратились, но продолжали следовать Законам Моисея. Когда эмигранты покинули полуостров, они взяли с собой инвестиционный капитал от оставшихся конверсо. Каждая община служила агентом другой. Таким образом, богатства Нового Света через Лиссабон и Севилью последовали за ними в Амстердам.

Так обстояло дело шесть лет спустя, в 1609 году, когда принц Морис, несомненно, знакомый с интригами Самуила, одобрил предложенный союз с Марокко. Затем Самуил занялся челночной дипломатией между двумя странами, сначала в Марокко, чтобы доставить одобрение принца на предложение, а затем обратно в Голландию с письмом султана, подтверждающим Палаче как «наш слуга и агент» и уполномочив его вести переговоры по договору.¹⁵ Затем он вернулся в Марокко, на этот раз ведя за собой три военных корабля, нагруженных боеприпасами, которые принц согласился одолжить султану для его продолжающейся борьбы против своего брата, который, при поддержке Испании, пытался узурпировать его. Когда Самуил прибыл в Марокко, испанский агент при дворе султана отправил королю Филиппу поспешно сформулированную депешу, отметив, что вместе с кораблями

[Палач] принес 1000 копий, 1000 альфанджас [короткие, изогнутые сабли] 600 орудий и подарок от графа Мориса [после чего] Сидан приказал им отправиться с кораблями к побережью Испании, чтобы совершить прекрасный захват испанских кораблей. Сидан вообразил, что в скором времени он станет

господином и хозяином многих кораблей и что мир станет слишком мал для его завоеваний, ибо они (Самуэль и голландский посол, который сопровождалший его) наполнил его голову пустыми идеями.¹⁶

«Воздушные представления» Сидана быстро развеялись. Заимствованные корабли едва успели покинуть марокканские воды, как, по словам агента, «пришли испанские галеоны и потопили их». Сэмюэлю и голландскому послу удалось спастись, но среди документов, найденных в каюте Сэмюэля, был один, в котором говорилось, что экспедиция должна была атаковать испанские корабли.¹⁷ Испания и Нидерланды тогда находились в мире, имея

в 1609 году согласились на двенадцатилетнее перемирие. В праведном гневе Филипп написал принцу Морицу, протестуя против этого вопиющего нарушения. Принц, ссылаясь на незнание, написал в ответ, что он одолжил корабли Марокко и не должен нести ответственности за их нецелевое использование. Филипп не был смягчен этим шатким оправданием и вынес строгое предупреждение, что Испания не потерпит наращивания марокканского флота голландского происхождения.

В январе 1611 года предложенный Самуэлем договор между кальвинистской Голландией и мусульманским Марокко был подписан принцем Морисом, а Самуэль подписал его от имени султана Сидана. Руководящий орган Голландии, Генеральные штаты, наградил Самуэля золотой цепью, золотой медалью и шестьюстами флоринами, а его племянник Моисей (старший сын Иосифа) был удостоен золотой медали за службу в качестве переводчика. Когда Самуэль доставил подписанный договор в Сидан, благодарный султан наградил его «монополия торговли с Нидерландами».¹⁸

Весной Самуэль вернулся в Амстердам с алмазами и рубинами для обмена на голландское оружие и амбициозным предложением от Сидана проверить новый пакт. Согласно письму испанского посла своему королю, Самуэль запросил восемь кораблей и две тысячи аркебузирова (стрелков), чтобы присоединиться к «роте морискии изгнаны из Испании». Вместе они отправятся в плавание под командованием Самуэля и совершат набег «на побережье Малаги, где они должны будут скрыться с много пленных и много богатств».¹⁹

Морис должен был поставлять корабли за процент от добычи. Однако, помня о предыдущем предупреждении Филиппа, он не хотел ставить под угрозу перемирие с Испанией, которое фактически установило независимость Нидерландов. Не желая ввязываться в то, что он считал личной вендеттой Сидана, но и не желая оскорблять своего нового союзника, принц предоставил Сэмюэлю разрешение организовать пиратский флот для выполнения миссии. После этого Сэмюэл нанял голландских морских нищих, чтобы они

присоединились к его берберийским корсарам, и поставил своего младшего брата Джозефа командовать.

Так вот, летом 1611 года голландская флотилия под флагом Марокко и во главе с евреем отправилась в Средиземное море. О результате этой экспедиции не сообщается. Но в кильватере, оставленном Синаном, снова море стал ареной для еврейских пиратов, нападавших на испанские корабли.²⁰

В качестве стимула к голландско-марокканскому договору группа Якоба Триадо, известная по своему лидеру как Бет Якоб (Дом Якоба), больше не скрывала своего соблюдения, и в 1612 году в Амстердаме открылась первая голландская синагога под названием Не́ве Шалом (Обитель мира). Самуил, к которому теперь обращались как к «раввину», был избран ее президент.²¹

К сожалению, не существует известного портрета Самуэля Палаче. Если его внешность имела какое-либо отношение к его характеру, то он был гигантом — торговцем, пиратом, заговорщиком, раввином, послом и основателем еврейской общины Амстердама. В то время как его соседи-христиане обращались к нему как к «Дон Самуэль», а его жена Малика — как «Рейна» (королева), в еврейской общине его называли «раввин». Хотя он часто отсутствовал в Не́ве Шалом, он гордо носил свой титул, и он начертан на его надгробии.²² Плавая туда и обратно между Голландией и Марокко, совершая пятидесятидневное плавание в один конец, он занимался оживленной торговлей оружием, продавая корсарам порох, мушкеты и другие боеприпасы в обмен на сахар, специи, алмазы и испанскую добычу.

Возраст не уменьшил пыл Самуэля и не замедлил его. Осенью 1613 года раввин Палахе был на седьмом десятке, когда он сообщил старейшинам синагоги, что он снова берет отпуск, чтобы возглавить пиратскую команду для захвата испанских кораблей. В октябре, по настоянию принца Мориса, Генеральные штаты предоставили ему комиссионные и заем в пять тысяч флоринов для снаряжения «путешествия в Берберию».²³ Наступление зимы задержало его отплытие до следующей весны. В марте, «барабаном», он набрал команду и, назначив себя «генералом», выбрал двух голландцев капитанами своих кораблей — английского военного корабля и местного джагхт(яхта). В знак уважения к испанскому перемирию Генеральные Штаты назвали Палаче агентом Сидана, утверждая, что его экспедиция была направлена на борьбу с пиратами у берегов Марокко. Однако, учитывая, что его команда, как позже показал один из них, «в основном состояла из бывших пиратов, о чем генерал прекрасно знал», вряд ли кто-то поверил, что он намеревался сражаться с другими пиратами.²⁴

Из Амстердама Самуил отплыл в Марокко, чтобы посоветоваться с Сиданом, который теперь окончательно укрепился на своем троне и жаждал мести. Убийство его мятежный брат (бывший сторонник) прекратил поддержку Испанией его свержения и позволил Сидану перебросить свою армию для подавления восстания радикальных исламистов, которые хотели избавить страну от евреев и иным образом «восстановить первозданная чистота ислама».25 Желая получить плату от короля Филиппа за поддержку его брата, Сидан выдал Самуилу лицензию капера с конкретные указания «нанести вред испанцам и вести с ними войну».26

Сэмюэл, проявив дальновидность и получив охранную грамоту из Англии, отправился в поход с миссией, которая объединила трех врагов Испании — голландцев, мавров и евреев. На носу его корабля был вырезан феникс, мифическая птица, которая живет тысячу лет, поглощается огнем и возрождается из пепла. Это был его способ сказать, что пламя инквизиции может сжечь отдельных Евреи, но не смогли уничтожить веру своих предков.27 Интересно отметить, что преданность Самуила строгим предписаниям своей веры распространялась и на его диету, и он брал с собой повара-еврея для приготовления кошерных блюд.

Пиратский раввин захватил португальскую каравеллу и испанский галеон, возвращавшиеся из Санто-Доминго с сахаром и шкурами животных, и отправил их в Голландию. Когда их владельцы выразили протест, Генеральные штаты ответили, что Палаче плывет в Марокко, и они не несут ответственности за действия иностранный капер.28

Осенью 1614 года Палаче плыл обратно в Голландию, когда попал в шквал и был вынужден высадиться в Плимуте, Англия. Когда испанский посол этой страны, граф Гондомар, был предупрежден о его присутствии, он немедленно подал прошение в Тайный совет с просьбой возбудить против него дело за пиратство. Палаче, утверждал он, был христианином и испанским подданным, который принял иудаизм и стал пиратом: «[Он] виновен в пиратстве, грабеже и нападении на море на вассалов короля, моего господина, который отступил от веры Христа-Искупителя, чтобы стать евреем, затем стал корсаром как союзник мавров и захватил два корабля королевства».29

20 ноября 1614 года Самуэль был арестован и обвинен. Гондомар потребовал повесить его. Когда принц Морис получил известие о его аресте, он немедленно написал королю Якову, высмеивая «зловещие обвинения, выдвинутые послом короля Испании». [Скорее] упомянутый Палаш не сделал ничего, кроме как выполнил приказы короля Берберии, своего господина, с которым Штаты

В письме Мориса Джеймсу предлагалось освободить Палаша. Джеймс возражал, но вместо того, чтобы отправить Палаша в Тауэр, король обращался с ним как с полукоролевским гостем. Палаша поместили под домашний арест в доме лорд-мэра Лондона сэра Уильяма Крейвена, и они регулярно ужинали вместе. Сэр Уильям даже внесли залог и позволили ему свободно передвигаться по городу.³¹

Популярность Сэмюэля среди лондонцев соответствовала их неприязни к графу Гондомару. Когда карета Сэмюэля фактически столкнулась с каретой Гондомара, оставив разъяренного испанца на дороге, лондонские газеты сообщили, что «прохожие значительно повеселились за счет посла». В другой раз, когда Гондомара несли на носилках около Конвент-Гардена, прохожий крикнул: «Вот едет Дьявол в навозной тележке!» Когда слуга Гондомара столкнулся с лондонцем, тот дал ему «пощечину, которая ударила на каблуках».32

Защищаясь перед Тайным советом, Палаш утверждал, что Марокко находится в состоянии войны с Испанией и что у него есть законная лицензия капера, а также охранная грамота от Англии. Голландский посол Ноэль де Карон свидетельствовал в длинной, окольной речи, что, хотя хорошо известно, что Палаш был «евреем и варваром» (т. е. из Берберии), и не заслуживает лучшего обращения, чем «собака», существует насущная необходимость уважать международное право. Как лицензированный пират, находящийся на службе признанного суверена, его действия были законными, и по государственным причинам он должен быть освобожден. Делегация видных английских адвокатов также призвала снять обвинения, ссылаясь на охранную грамоту, которую Палаш благоразумно получил. Тайный совет согласился и закрыл дело. Когда Гондомар пожаловался, что, по-видимому, англичане отдают предпочтение евреям перед братьями-христианами, Карон ответил, что для этого есть причина, как и у испанцев не делали различий между англичанами и евреями, а сжигали обоих одинаково.³³

20 марта 1615 года пиратский раввин вернулся в Амстердам, где его встретили как героя. Палах прожил всего десять месяцев, но не почивал на лаврах, его последний год был наполнен высокой драмой. В августе человек многих плащей надел еще один, когда он привел в действие запутанную схему, которая заставляет историков сегодня сомневаться в его верности и вере. В том же месяце Гондомар услышал от испанского посла во Фландрии, что Палах связался с ним,

обещание разгласить разведданные, которые послужат интересам Испании. Палаче был настолько искусен в искусстве уловок, что Гондомар, несмотря на свое заявленное отвращение к «этому чертовому еврею», рекомендовал его вербовку. Последовали переговоры. В ноябре 1615 года Самуэль согласился шпионить для Испании за двести

эскудо в месяц. Помимо передачи разведданных о сделках Голландии и Марокко с Англией, Францией и Турцией, он обещал заставить Сидан прекратить торговлю с этими странами. Сам король Филипп подписал соглашение, но, очевидно, сделал это с оговорками. На протяжении многих лет Палаче периодически информировал его о планах противника, но, как король однажды доверился герцогу Медина-Сидония, он всегда подозревал, что Палаче был «двойным агентом».³⁴

В соглашении есть пункт о «пленных книгах», который может дать ключ к очевидному предательству Самуила. Речь идет о библиотеке из четырех тысяч книг и рукописей, которые Сидан унаследовал от своего отца, но так и не получил. Вместо этого они были захвачены по пути испанским пиратом и доставлены в Испанию. Предложение Сидана о 100 000 дукатов за их возвращение было отклонено Государственным советом Испании. Вместо этого они потребовали, чтобы он освободил всех испанских пленников, прежде чем они даже будут обсуждать этот вопрос. Это было невыполнимо. Затем король Филипп повысил ставки, пожертвовав книги монастырю Эль-Эскориал. После осмотра коллекции посол Турции, когда его спросили об их ценности, ответил: «бесконечное дукатов».³⁵ Так называемые пленные книги стали основным болезненным моментом, разделяющим две нации, и считается, что Самуил был в сговоре с Сиданом, когда, притворяясь нелояльным, предложил шпионить для Испании, желая получить книги в качестве награды. Однако из шпионского договора ничего не вышло. Вскоре после этого Самуил заболел и провел зимние месяцы прикованным к постели в своем доме в Амстердаме.

6 февраля 1616 года пиратский раввин умер. Шесть верховых лошадей, запряженных в черное, тащили катафалк. Принц Морис и городские магистраты шли позади гроб, отдающий дань уважения человеку и общине, которую он возглавлял.³⁶ Затем шли еврейские старейшины с покрытыми головами и в черных плащах. Все до единого из 1200 мужчин, женщин и детей зарождающейся еврейской общины также вышли на шествие. Среди демонстрантов были брат Самуэля Иосиф, который станет его преемником в качестве агента султана, и пятеро сыновей Иосифа, которые продолжили дело своего дяди по укреплению отношений между Марокко и Голландией и регулярно использовали интриги и двурушничество для достижения своих целей. Новый французский посол в Мадриде,

Господин Декарт пришел к выводу, что Палачи всегда «обманывали одну сторону а другой — для собственной выгоды».³⁷ Нельзя придраться к его наблюдению. Но то, что Сэмюэл и его семья сделали «для собственной выгоды», также принесло пользу их

Похоронная процессия пролегла через богатый еврейский квартал к мосту через реку Амстел, где гроб перенесли в плоскодонную лодку и повезли на приглушенных веслах к новому кладбищу в Оудеркерке, в пяти милях к северу. Молодежь общины бежала вдоль берега реки вслед за баржами, которые везли скорбящих на кладбище. Это было самое впечатляющее зрелище, которое они когда-либо видели. Для них раввин был героем, который выходил и захватывал вражеские корабли, когда он мог быть дома и изучать Талмуд. Правда, Самуил часто отсутствовал, и о его отношениях с мальчиками можно только догадываться. Но их последующие жизни свидетельствуют о его влиянии и высоком уважении, которое они к нему питали. Следуя его примеру, они никогда не прекращали бороться с теми, кто преследовал евреев. Еще до конца столетия им удалось отвоевать права своего народа во враждебном мире.

АМСТЕРДАМ, НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

ТДата была 16 января 1605 года. Ледяные ветры, дующие с Атлантики, не удержат граждан Лиссабона от толп на обочине дороги, чтобы поиздеваться над заключенными, направляющимися на площадь для суда на аутодафе. Жертвы, босые и голые по пояс, хлестали по ледяным булыжным мостовым охранники Святого Братства в белых капюшонах. На лошадях, возглавляя процессию, были фамильяры (должностные лица) Священной канцелярии, одетые в черные туники с белым крестом. За ними, спотыкаясь, шли 155 полуголых кающихся, по шесть в ряд, их спины хлестали шипованные плети охранников. Иудействующие несли незажженные свечи, чтобы показать, что свет Истинной Веры еще не осветил их души. Их наказание, известное как вергенса (позор), был нанесен им за то, что они исповедовались и искренне заявили о своем желании присоединиться к Церкви. Заключенных, не признававших своей вины, пытали до тех пор, пока они не делали этого, а тех, кто оставался нераскаившимся, подлежали сожжению. Возраст не имел значения: десятилетних сестер пытали, а девятишестилетнюю женщину сожгли на костре.

В течение шести последовательных пятниц 155 кающихся грешников подвергались такому параду, прежде чем им было разрешено вернуться в Церковь. Затем, «увидев свет», они могли зажечь свои свечи и «пожертвовать» пятую часть своего имущества Церкви. Даже тогда они не могли занимать какую-либо почетную должность или носить драгоценности или красивую одежду. В эту, шестую и последнюю пятницу, кающихся согнали на центральную площадь напротив церкви, где были возведены две сцены, одна для содержания заключенных, другая для Великого Инквизитора. По одному их вызывали к нему, чтобы вынести приговор. Только когда их выводили со сцены, им говорили, что в этот конкретный день их вергенса закончится. Неделей ранее король Иоанн согласился на взятку в два миллиона дукатов, чтобы простить их преступления. В день аутодафе должно было состояться «Всеобщее прощение за преступления иудаизма» вступили в силу. Два других трибунала Португалии в Порту и Коимбре освободили своих 255 заключенных на рассвете, но инквизитор Лиссабона, разгневанный помилованием, ждал, пока его иудействующие не испытали позорный парад и не были осуждены, прежде чем освободить их. Затем он ждал еще месяц, чтобы сообщить и освободить те, кто не признался.¹

Двое кающихся в тот день были Жозеф Диас Соейру, которого «трижды пытала инквизиция», и Антонио Ваез Энрикеш, один из главных торговцев Лиссабона. Неизвестно, знали ли они друг друга. Следующее, что мы слышим о них, это Амстердам, куда они бежали во время годового срока помилования льготный период. Наконец, свободные жить как евреи, они прошли обрезание*⁵и отказались от своих крестильных имен, чтобы обозначить свое возвращение в иудаизм. Джозеф Диас Соейро теперь называл себя Иосифом бен Израилем, а Мануэль, его двухлетний сын, был переименован в Менассе (Менассе был первым сыном библейского Иосифа). Торговец Антонио Ваез Энрикеш заменил Ваез на «Коэн» и, чтобы отпраздновать освобождение своей семьи из рабства, изменил имя четырехлетнего Антонио-младшего на Моисей. Когда его жена родила, вскоре после их прибытия, он назвал своего нового сына, рожденного на свободе, Авраамом.

Изменение имени было обычной практикой среди *conversos*, как мужчин, так и женщин, когда они выходили как евреи. Эмигранты взяли на себя бремя еврейского выживания и приняли имена библейских героев и патриархов. Они называли себя Моисеем, Авраамом, Иаковом, Исааком, Иосифом, Вениамином; их корабли носили такие названия, как Пророк Самуил, Прекрасная Сара, Пророк Даниил, царица Эсфирь, и Царь Соломон.²

Менассе, Моисей, Авраам и другие мальчики общины посещали религиозную школу Неве Шалом. Утро было посвящено изучению Торы, а с двух до сумерек — Талмуда. Их учитель объяснял изучаемый отрывок, и мальчики повторяли урок нараспев. Они изучали иврит в школе и говорили на испанском и португальском языках дома, где их также обучали голландскому языку.

Менассе, одаренный ученик, был гордостью общины. Он цитировал Писание и комментарии в возрасте семи лет и свободно говорил на шести языках к моменту своей бар-мицвы. Часть его научной сосредоточенности могла быть связана с нищенскими условиями дома. Его семья жила в Нью-Тимбер-Маркет,

Бедная, болотистая земля, далеко от улицы Хаутграхт-Канал, где жили более состоятельные эмигранты. Община оплачивала образование Менассе и поддерживала его неимущую семью, поскольку инквизиция конфисковала их имущество, а пытки, которым подвергся его отец, сделали его инвалидом и неспособным работать.

В отличие от преданности Менассе, Моисей Энрикеш и его друзья больше интересовались захватывающими историями раввина Палахе и приключениями старших. Все мальчики должны были запомнить 613 ежедневных правил жизни из Талмуда, но не обязаны были их соблюдать. На Пиренейском полуострове их семьи были

отрезаны от еврейских писаний, и их тайная жизнь ограничивала их соблюдение основами, которые они помнили. В течение поколений они были католиками без веры; теперь они были евреями без знаний. Религия, которую они стремились принять, была им чужда. Как заметил один писатель, они больше не были Христиане, но еще не иудеи.³

Рожденные и воспитанные в Истинной Вере, эмигранты усвоили, что грех прощается исповедью. Это не было частью иудаизма. Раввины, в отличие от священников, не могли даровать отпущение грехов, но было приятно верить, что они могли. Поэтому многие находили удобным верить, что они могут «поддаться порывы своих страстей, не подвергая опасности спасение своей души».⁴ Полигамия, запрещенная иудейским законом, была распространена, особенно среди североафриканских евреев Неве-Шалом, которые делали наложниц из своих домашних слуг. Правовой статус «внебрачного ребенка», рожденного в таком союзе, считался равным статусу детей от первой жены.

Первоначально община Амстердама потворствовала этой распущенности, но после смерти Самуэля Палахе муж его сестры, Исаак Узиэль, занял пост раввина и осудил то, что он считал порочными привычками общины. С кафедры Неве Шалом новый лидер общины, чей отец был великим раввином Феса, яростно выступал против многоженства и проповедовал, что никто не может купить снисхождение к грехам и порокам «простым соблюдением». Набросившись на самых видных членов общины, он навлек на себя их ненависть и вскоре расколол общину.⁵

К 1620 году около двухсот еврейских семей в Амстердаме разделились на три синагоги различной ортодоксальности — Неве Шалом, Бет Якоб и Бет Исраэль. Наконец-то свободные быть такими же ортодоксальными, как старые католики, которых они оставили позади, некоторые были, а другие не могли быть обеспокоены. Многие, отвергнув метафизику католицизма, довольствовались минимальным соблюдением; другие были исключены всеми религиями. Такая же степень приверженности была свойственна и их детям.⁶

Несмотря на религиозные различия, вся община работала вместе в благотворительных организациях, чтобы поддержать бедных и спасти братьев из земель идолопоклонства (как были известны Испания и Португалия). Спустя десятилетия (в 1639 году) племянник Самуэля Якоб Палаш убедил три фракции молиться вместе в здании, которое он купил и назвал Талмуд-Тора (Изучение Закона). В знак уважения к Самуэлю Палашу объединенная община приняла его эмблему, феникса, представляют Талмуд-Тору.⁷

«У Моисея Микеланджело были рога; у Рембрандта их нет», — так один историк описал натуралистические зарисовки художника, изображающие его еврейских соседей и голландцев. повседневное принятие еврея в свою среду.⁸ Голландцы не терпели фанатизма, когда дело касалось зарабатывания денег. Кальвинизм был религией бизнесменов — работа определяла, кем они были, прибыль рассматривалась как часть плана спасения, а процветание было верным знаком Божьего благоволения. В отличие от испанской знати, которая считала торговую профессию ниже своего достоинства, кальвинисты рассматривали работу как призвание; они верили, что «работать — значит молиться».⁹ Девизом «Морских нищих» было: «Помоги себе сам, и Бог поможет тебе».¹⁰

Голландская свобода имела экономический коэффициент, и ее граждане приветствовали евреев как купцов-авантюристов, которые продвигали их интересы в высокорисковых областях экономики. Связанные языком, наследием и доверием с другими в сефардской диаспоре, новички сформировали первую торговую сеть, охватившую весь мир. Палаче открыл североафриканскую торговлю как ворота в Османскую империю, и ранние эмигранты имели капитал и доступ к торговым партнерам в Новом Свете, Левант и Пиренейский полуостров — все эти районы голландцы не посещали.¹¹

Хотя сефарды не были столь богаты, как голландские магнаты, которые контролировали торговлю сельдью, зерном и другими основными продуктами, их экономический вклад был значительным. Один исследователь отметил: «Еврейская торговля, особенно торговля сахаром, была двигателем голландского Золотого века... сопоставимого по масштабу

с Голландской Ост-Индской и Вест-Индской компаниями».¹² К 1636 году евреи Амстердама, составлявшие не более 1 процента населения, контролировали 10 процентов торговли города и, занимаясь в основном предметами роскоши, получали около 20 процентов прибыли. Их общий вклад был еще более впечатляющим, поскольку эти цифры не включают их прибыли от совместных предприятий ни с коренными голландцами, ни с комиссионными, которые они получали за транзитную торговлю.¹³

На протяжении столетий евреи Иберии были торговым классом полуострова. Вытесненные на заре эпохи Великих географических открытий, они поселились везде, где им разрешалось, и во многих местах, где им не разрешалось. Те, кто жил в Амстердаме, вместе с теми, кто жил на полуострове, с первых дней поселения были главными торговцы колониальными товарами Испанской империи.¹⁴ Это было особенно актуально в Португалии, где их партнеры контролировали большую часть торговли. Известный торговец-конверсо из Лиссабона отметил их командное положение в Португалии. Обращаясь к Короне с просьбой об освобождении от преследований со стороны Священной канцелярии, он писал:

Короли Португалии — владыки моря... и жизненная сила всего этого — торговля, которая поддерживается только купцами еврейского происхождения, благодаря трудолюбию которых она процветает, и без них вся торговля была бы потеряна, потому что старохристианское дворянство не уважает купцов и не имеет промышленность лиц еврейского происхождения.¹⁵

Хотя торговая доблесть амстердамских евреев была важным элементом финансового роста развивающейся нации, важно отметить, что голландский Золотой Век наступал еще до прихода евреев. Когда Сэмюэл Палаш впервые встретился с принцем Морисом, Голландия уже была процветающим торговым государством: в Амстердаме был товарный рынок; Голландская Ост-Индская компания вытесняла португальцев с азиатского рынка; голландцы доминировали на работоторговля; а их строители владели большинством торговых судов Европы.¹⁶ Однако большая часть торговли велась объемными товарами относительно низкой стоимости — зерном, древесиной, железом и солью. Это изменилось с притоком в Амстердам еврейских торговцев, которые специализировались на гораздо более прибыльных товарах — сахаре, специях, звонкой монете и табаке. Будучи основными торговцами колониальным импортом Иберии, амстердамские евреи, наладив связи с торговцами-конверсо по всему известному миру, помогли превратить то, что

был портом для торговли зерном и сельдью, крупнейшим торговым рынком Европы, супермаркетом для всего мира.

Гавань Амстердама, заполненная сотнями иностранных судов, напоминала плавающий лес мачт и такелажа. Пока каждый ждал, чтобы доставить свой груз и увезти ценные товары с огромных кирпичных складов, выстроившихся вдоль каналов, их матросы, представляющие карнавал наций, заполняли бары и бордели у причала. В отличие от голландцев в их строгих черно-белых нарядах, матросы в тюрбанах, с кольцами в ушах и кинжалами на поясах были привычным зрелищем, наряду с французами в париках, яркими итальянцами и другими иностранцами в красочных национальных одеждах.

Голландская республика была аномалией. В эпоху королей и императоров, претендовавших на божественное правление, молодая нация рассматривалась как «остров буржуазных толерантности в океане теократического абсолютизма».¹⁷ Сефарды, отражая обычаи испанской знати, обладали необходимыми социальными изысками, чтобы стоять на равных с ведущими гражданами города. Люди значительной светской культуры, они были куртуазными, вежливыми и привыкли вращаться в лучших христианских кругах.

С самого начала сефарды чувствовали себя как дома в этой космополитической обстановке и вели светский образ жизни, отмеченный пышной самоуверенностью. Они жили в роскошных особняках, устраивали мюзиклы, ставили театральные постановки и поэтические конкурсы, а

также развлекались роскошно. Они основали литературные и философские академии и множество общественных организаций, охватывающих все аспекты жизни общества. Они также посещали игорные дома, которыми управляли Самуэль Перейра и Авраам Мендес Васкес и популярный бордель, в котором работали еврейские проститутки из Германии.¹⁸

Вместе с другими религиозными диссидентами, нашедших здесь убежище, эмигранты обнаружили, что могут быть верны как своей религии, так и Голландии. Внешне они не сильно отличались от своих голландских соседей, но их долгое происхождение на полуострове оставило их верными своему языку и культуре. Независимо от того, приехали ли они прямо из Иберии или из других мест диаспоры, все они называли себя членами La Nação, португальской нации. На берегах реки Амстел Jodenbreestraat (еврейская широкая улица) стала напоминать миниатюрный Лиссабон или Мадрид:

Ни один кабальеро не мог превзойти их в достоинстве, ни один вельможа не мог вынести большего. Грандеццачем они. Еврейские кабальеро Амстердама расхаживали в драгоценных одеждах из золотых нитей, украшенных жемчугом и драгоценными камнями, и разъезжали в нарядных каретах, украшенных их гербами. Даже чехлы их молитвенных платков были украшены гербами.

Их коробочки для специй были из слоновой кости, шляпки их жен — из брабантских кружев...¹⁹ Ограничения все еще были: евреи не могли вступать в ремесленные гильдии, заниматься розничной торговлей или занимать политические должности. Они также не могли жениться на христианках, нанимать их в качестве слуг или иметь сексуальные отношения с «дочерьми земли», даже проститутки.²⁰ Несмотря на такие правовые ограничения, в Голландии они имели больше свободы и безопасности, чем где-либо в Европе, и считаются «первыми современными Евреи». ²¹ Гордые своим наследием и достижениями, они, возможно, чувствовали, по словам одного историка того времени, что «если евреи были избранным народом Бога, то они были избранными Богом евреями». ²² Неудивительно, что их дети выросли бесстрашными и полными решимости жить свободно.

Рембрандт, живший в еврейском квартале по адресу Йоденбрестраат, 2, рисовал своих соседей такими, какими они казались, ассимилированную группу, на этот раз больше не карикатурную как недоверчивых пришельцев. Примером может служить его картина библейского ученого Менассеа бен Израиля, который, одетый в знакомую широкополую шляпу и пальто с белым воротником и с бородой Ван-Дейка ничем не отличается от других голландских бюргеров.²³ Рембрандт также использовал своих соседей в своих библейских картинах, видя в их лицах патриархов и пророков, включая Иисуса и Матфея.

Хотя экономическое влияние этого первого поколения впечатляет, простое перечисление фактов и статистики не передает смелого характера людей, которые его создали. Как и их средства к существованию, их замечательные жизни были примером для подражания их голландских детей, когда, будучи еще подростками и в начале двадцати лет, они вторглись в Новый Свет и в упорной борьбе, длившейся десятилетиями, сразились и победили тех, кто отрицал права евреев. Два авантюрных образца для подражания, которые расхаживали по Йоденбрестраат и чьи деяния обсуждались с благоговением, были шулером и работоторговцем.

Сэмюэл Палаш был вторым человеком, похороненным на еврейском кладбище, до него его друг Дон Мануэль Пименталь, который купил кладбище двумя годами ранее. Как и Палаш, его друг был примером разнообразного характера и бравады еврейских пионеров Амстердама. Пименталь (псевдоним Исаак Ибн Джакар) был самым богатым членом общины Неве Шалом и был обязан своим состоянием своему мастерству в любимом развлечении той эпохи — игре в карты. Он оттачивал свое мастерство при французском дворе во время правления короля Генриха IV. Ночной страстью короля, когда он не развлекался с одной из своих шестидесяти четырех любовниц, была игра в карты. Однажды ночью, проиграв Пименталь крупную сумму, похотливый и юмористический монарх сказал ему: «Я король Франции, но ты король **ИГРОКИ**».24

Евреи были тогда изгнаны из Франции, и хотя Пименталь принял христианство, он открыто признал себя иудействующим. Его почетный титул «Дон» свидетельствует о том, что он был удобен придворному этикету, который требовал королевской одежды и соответствующих манер. Генри, известный своей терпимостью, защищал своего еврейского друга: «Те, кто честно следуют своей совести, принадлежат к моей религии, а моя — это всех храбрых и хороших людей».25 Присутствие Пименталья во Франции было прервано в 1610 году, когда его королевский покровитель был убит фанатичным католическим учителем, который, опасаясь, что Генрих намеревался уничтожить Католическую церковь, запрыгнул в проезжавшую карету короля и заколол его насмерть. После смерти Генриха игрок переехал в Венецию, а три года спустя поселился в Амстердаме. Он присоединился к Неве Шалом и в 1615 году, через год после покупки кладбища Аудеркерк, был там похоронен. В его честь община Палаче приняла резолюцию читать ежегодную субботнюю молитву в память о короле любимый шулер.26

В 1611 году Великий инквизитор Испании в своем ежегодном докладе авизо Мадридскому совету сообщили, что голландский еврей Диего Диас Керидо

нанимает нескольких негров-рабов, уроженцев побережья, которые прошли обучение на португальском и голландском языках, чтобы они могли служить переводчиками в Африке и помогать ему в его африканских делах...[Более того]

В его доме негры обучаются Закону Моисея и обращаются в иудаизм.²⁷

Если это правда, то Керидо, будучи религиозным человеком, сначала освободил бы своих рабов, как иудеи Закон запрещал их обращение в другую веру, если они предварительно не были освобождены.²⁸ Керидо родился в Португалии и много лет прожил в Баие, столице Бразилии, пока в 1595 году его не обвинили в иудаизме. Затем он уехал в Амстердам, где присоединился к группе Бет Яаков, а в 1612 году стал одним из двенадцати основателей Неве Шалом. Возможно, он был среди арестованных в доме Палаче в Йом Кипур в ночь, когда голландская полиция совершила налет.

В доносе инквизитора он обвинил Керидо в «крупномасштабных сделках, наносящих ущерб королевской казне». Как сообщается, его десять кораблей незаконно занимались треугольной торговлей между Амстердамом, Африкой и Бразилией. Их трюмы были заполнены промышленными товарами, его корабли вышли из голландского порта на побережье Гвинеи, чтобы обменивать рабов для Бразилии, где их обменивали на сахар.

В 1609 году работорговец был одним из двадцати пяти еврейских торговцев, которые открыли банковские счета при открытии Амстердамского банка обмена. Однако инквизитор был обеспокоен не столько прибыльной торговлей Керидо, сколько тем фактом, что он был прозелитом иудаизма. Доказательства этого были раскрыты на слушании дела инквизиции в Бразилии в 1595 году, когда осведомитель дал показания о том, что его друг рассказал ему, что когда он впервые прибыл в Баию, Керидо сказал ему: «Я рад, что ты приехал сюда, чтобы спасти свою душу», и призвал его жениться на его сестре. Друг, производитель сладостей, сказал осведомителю, что он отказался, «потому что она была Еврейка».²⁹ Керидо, ведя бизнес на четырех континентах (он также торговал с Индией), был человеком в движении. В эпоху, когда морские путешествия были опасными и длились месяцы, евреи, такие как он и Палаче, пересекали континенты и океаны. Они отважно осваивали новые миры, вели переговоры с королями и грабили их. История Керидо на этом не заканчивается.

«Проклят он днем и проклят ночью; проклят, когда он выходит, и проклят, когда он он входит».³⁰ Так гласит осуждение Уриэля да Косты, отлученного от церкви святыми евреями, которые чувствовали себя обязанными превзойти христиан в ортодоксальности. Евреи могли быть свободнее в Амстердаме, но им все равно приходилось соблюдать ограничения, которые их религиозные лидеры требовали от

общины. Перед тем как да Коста покончил с собой, он написал рассказ о своей жизни и о строгости и религиозном догматизме ранней общины.

Эти ограничения были настолько строгими, что они вынудили многих молодых евреев покинуть страну, включая членов семьи да Косты, которые, стремясь к личной свободе, поселились в Новом Свете и возглавили борьбу за права евреев. Их родители, воспитанные в строгости христианства и недавно вернувшиеся в иудаизм, чувствовали себя обязанными придерживаться — или давать пустые слова — многочисленных догматов своей религии. Как будто исповедуя себя католиками, мало кто из старших эмигрантов хотел противостоять тем раввинам, которые (как зять Палаче) были ревностны в своих предписаниях и запретах и быстро отлучали тех, кто не следовал им.

Уриэль да Коста был одним из тех, кто отказался. Его автобиография, отрывок ниже, освещает этот ранний период так, как мало какой другой источник может это сделать.³¹ Родился в Порту, Португалия, в 1585 году в богатой семье конверсо, учился на священника и служил в местной церкви, прежде чем переехал в Амстердам в 1615 году со своей матерью и четырьмя братьями. То, что побудило его вернуться в иудаизм, лучше всего описывается его собственными словами:

Я вырос в римско-католической религии, и поскольку я ужасно боялся вечного осуждения, я занялся чтением Нового Завета и других духовных книг... Я совершенно запутался... Мне казалось невозможным исповедовать свои грехи в соответствии с римско-католическим обычаем, чтобы получить полное отпущение грехов... Я начал сомневаться, действительно ли то, чему меня учили о грядущей жизни, было правдой, и пытался примирить веру с разумом, ибо именно разум нашептывал мне на ухо нечто совершенно несовместимое с верой...

Желая найти удовлетворение в какой-либо религии, я начал читать Книги Моисея и Пророков, прекрасно зная, что между иудеями и христианами существует большая конкуренция. Я нашел в Ветхом Завете много вещей, которые полностью противоречили Новому Завету. Кроме того, Ветхий Завет принимается иудеями так же, как и христианами, а Новый — только христианами. Наконец я начал верить в Моисея и решил жить по его закону, потому что он получил его от Бога, или так он утверждал, а себя он просто считал посредником.

Учитывая все это и тот факт, что в моей стране не было свободы вероисповедания, я решил покинуть свой прекрасный дом, построенный моим

отцом, и не раздумывая дважды отказаться от своей церковной должности. Итак, мы сели на корабль, подвергаясь величайшей опасности, поскольку известно, что потомкам евреев не разрешалось покидать страну без разрешения короля. Со мной была моя мать, а также мои братья, которых я склонил к своим новым убеждениям... Это было дерзкое предприятие, и оно могло потерпеть неудачу, настолько опасно было в этой стране даже обсуждать вопросы религии. Это было долгое путешествие, и, наконец, мы прибыли в Амстердам, где мы почувствовали, что евреи могут жить свободно и исполнять заповеди. И поскольку я был проникнут этим, мои братья и я немедленно подверглись обрезанию.

Концепция иудаизма Уриэля основывалась на Ветхом Завете. Он ожидал найти библейский иудаизм, которого больше не существовало. Как и у многих конверсо, его знания основывались исключительно на Ветхом Завете, как он был переписан в христианской Библии. Вместо этого он столкнулся с иудаизмом диаспоры, развивающейся верой, построенной на толкованиях и комментариях ученых евреев, найденных в Талмуде, а не в Торе. Желая жить в соответствии с Заповедями, да Коста отвергал любое новое толкование божественного закона, не провозглашенное в Пяти Книгах Моисея.

Когда converso переехал в Амстердам, его сразу же приняли раввины. Неважно, насколько идолопоклонническим он был во время «вавилонского изгнания», он был оправдан. Но теперь, когда он вернулся в лоно иудаизма, раввины задушили его своими законами:

После первых нескольких дней я начал понимать, что обычаи и Институты евреев в Амстердаме были совсем не в соответствии с тем, что написал Моисей. Если заповеди Моисея соблюдались строго так, как они были написаны, то евреи здесь были неправы, придумав так много вещей, которые отклонялись от них. Это было неправильно для человека, который променял безопасность дома на свободу за границей и пожертвовал всеми возможными преимуществами, чтобы позволить себе подвергаться такой угрозе...

Не скрывая своих взглядов, Уриэль обвинил членов Махамада, исполнительного комитета синагоги, в изобретении новой Торы: «Они называют себя мудрецами еврейского народа, изобретая множество законов, которые полностью противоречат ей, [и] делают все это для того, чтобы сидеть в первом ряду

Храм и приветствие на рыночной площади с особым уважением».32

В 1623 году произошло два инцидента, которые привели к его отлучению. Его племянник, «который живет со мной, пошел к лидерам общины и обвинил меня в употреблении пищи, которая не соответствует еврейскому закону, и сказал, что я не могу быть евреем». Вскоре после этого да Коста встретил двух новоприбывших, которым «я посоветовал не присоединяться к еврейской общине, сказав им, что они не знают, какое ярмо им предстоит обременить».

Я просил их не упоминать о нашем разговоре евреям. Но эти негодяи предали меня... Как только старейшины синагоги узнали о моем разговоре, они встретились с раввинами, которые были в ярости. Началась публичная война. Раввины и народ начали преследовать меня с новой ненавистью и сделали так много вещей против меня, что я мог реагировать только с полным и оправданным презрением.

Изгнанный из синагоги, он был избегаем. «Даже мои братья, чьим учителем я был, обходили меня стороной. Они так боялись властей, что даже не приветствовали меня на улице». Когда умерла его жена Сара, его единственным близким другом была верная домоправительница. Через семь лет он не мог больше этого выносить. Он попросил примирения и согласился на унижительное подчинение, которого потребовал Махамад для восстановления. В назначенный день:

Я вошел в синагогу, которая была переполнена мужчинами и женщинами, пришедшими посмотреть на это зрелище. Когда пришло время, я пошел на кафедру... и громко прочитал список своих признаний, заключив: «Я заслуживаю умереть тысячью смертей за то, что я совершил».... После этого сторож сказал мне пойти в угол синагоги и снять с себя одежду. Я разделся до пояса, обмотал голову шарфом, снял обувь, и сторож привязал мои руки к одной из колонн синагоги. Пришел кантор и бил меня кожаной плетью 39 раз в соответствии с законом, который предусматривает 40 ударов плетью. Но эти люди настолько добросовестны, что боятся дать мне больше, чем положено по закону. Пока он хлестал меня, я читал псалом.

Когда это закончилось... я оделся и лег на пороге синагоги, а могильщик держал мою голову, [и] все мужчины, женщины и дети прошли через меня на улицу, наступая одной ногой на нижнюю часть моих ног. Ни одна обезьяна не могла бы придумать более подлого, безвкусного и нелепого действия. Потом, когда все ушли, я встал, и кто-то помог мне отряхнуть пыль с моей одежды, чтобы никто не сказал, что со мной не обращались достойно. Хотя они только что высекли меня, они

выразили свою жалость ко мне и погладили меня по голове, и я пошел домой.

Некоторое время спустя, в 1640 году, Уриэль да Коста купил пистолет, вернулся домой, приставил ствол к виску и нажал на курок. Никто в его семье открыто не поддерживал его, но после его смерти один из братьев отправился в Новый Свет, чтобы жить свободной от еврейской версии Святой инквизиции, а другие родственники, демонстрируя такой же боевой дух, направили свою энергию на обретение гражданских прав в других местах Европы и Нового Света. Действительно, во второй половине семнадцатого века, везде, где евреи боролись за свои права, имя да Кошта

ВИДНЫЙ.³³

Испытания и невзгоды Уриэля да Коста рисуют раввинский портрет еврейского Амстердама в его самых крайних проявлениях. Сэмюэл Палаче был бы ошеломлен обращением, оказанным да Коста, и, конечно, многие из прихожан, которые пошли вместе с ним, сделали это неохотно. Хотя они и не были фанатичны в своих собственных убеждениях, они подчинялись тем, кто был. Это одна из аномалий истории, что их религиозные лидеры, сами пережившие религиозный фанатизм, должны были сформировать свой собственный инквизиционный трибунал, вместо того, чтобы проявить терпимость к новым евреям. Конечно, никаких диссидентов не держали в темных подземельях, раздетых догола, и подвергались пыткам на дыбе или подвергались другим особым пыткам Священного террора.³⁴ Но даже в этом случае жизни изгнанных были все равно разрушены.

Самой заметной фигуре, изгнанной из общины, было девять лет, когда он переступил через тело да Косты у входа в синагогу. Знаменитый философ Барух Спиноза публично подверг сомнению каждый религиозный догмат иудаизма и отрицал, что Библия была словом Божьим. Как и Уриэль, он был осужден быть «проклятым днем и проклятым ночью; проклятым, когда он выходит, и проклятым, когда он входит». Однако, в отличие от него, Спиноза сегодня принят как поборник Просвещения и считается одним из величайших людей в еврейской истории.

Только горстка евреев была изгнана из общины. Однако, если принять во внимание гнетущую религиозную атмосферу, которая пронизывала маленькую общину, неудивительно, что молодое поколение, выросшее на свободе, захотело уйти. Среди еврейской молодежи, которая покинула Амстердам ради Нового Света, были братья Коэны Энрикес. Моисею было четырнадцать, а Аврааму одиннадцать, когда был похоронен раввин Палаче, и десятилетие спустя они были в Бразилии. Мало что известно об их родителях, но непреходящее влияние пиратского раввина стало очевидным, когда

после смерти своей первой жены Авраам женился на внучатой племяннице Сэмюэля Палаче, Ребекке, и двое детей пары также женились на
Семья Палаче.35

Моисей покинул Амстердам как солдат и шпион и начал захватывающую пиратскую карьеру, которая продлится полвека. Авраам вскоре последовал за ним в Новый Свет, где он стал влиятельным международным торговцем и использовал свою экономическую мощь для организации еврейских поселений. Он никогда не использовал Энрикес, свое испанское «угнетательское» имя. Действительно, его верность своим предкам была такова, что, когда это было возможно, он подписывался своим именем-отчеством, Авраам Коэн, в
Иврит.36

Во время перемирия Голландии с Испанией, с 1609 по 1621 год, бразильский сахар попал в зарубежные страны, его перевозили голландские евреи в Португалию, а затем в Голландию, Францию, Германию и далее на восток. Этот трафик, в сочетании с собственным потреблением гранулированного продукта в Голландии, увеличил производство в Бразилии более чем на 50 процентов. Аналогично, количество сахарных заводов в Амстердаме увеличилось с четырех до двадцати пяти.³⁷ Когда-то этот подсластитель был доступен лишь очень богатым людям, но теперь он быстро стал доступным лакомством для каждого.

Этот трафик резко прекратился в 1621 году, и голландцы возобновили борьбу за независимость. Желание вернуть себе рынок сахара было основным фактором в создании Голландской Вест-Индской компании (далее именуемой Компанией), торгового объединения с частными акциями, созданного по образцу более ранней Голландской Ост-Индской компании. В апреле 1623 года принц Морис председательствовал на конференции в Гааге, где было решено бороться с Испанией, нацеливаясь на ее колонии, источник ее богатства. Чтобы добиться этого, Генеральные штаты одобрили создание воинствующей Компании с правом и средствами для ведения война против любого, кто встанет на ее пути.³⁸

Ни одна частная корпорация больше никогда не получит такой власти — монополии на внешнюю торговлю, губернаторства поселений и права набирать армию, вести войну и вести мирные переговоры. Мандат компании заключался не просто в том, чтобы обойти Португалию и иметь дело напрямую с Бразилией. Скорее, ее первоначальной миссией было завоевать сахарную колонию, а затем захватить серебряную гору Потоси, которая в течение полувека финансировала армии Испании и ее империю. Чтобы проникнуть в глубь южного континента, где находилась серебряная гора (сегодняшняя Боливия), план компании предусматривал движение в клещи с обоих побережий — из Бразилии со стороны Атлантики и из Перу со стороны Тихого океана.

Евреи не участвовали в формировании Компании, но были полностью за нее и быстро в нее вступили. Хотя мотивы Компании были полностью корыстными и политическими, у евреев была другая, более насущная цель. В Португалии в 1618 году инквизиция арестовала более сотни богатых торговцев-конверсо, у которых были агенты в Амстердаме, и конфисковала их грузы из Бразилии, перевозившиеся в голландский порт. Амстердамские евреи, которые были родственниками многих из арестованных и удерживали их деньги, подали протест в Генеральные штаты. Официальное Жалоба была должным образом отправлена королю Филиппу, но она не возымела никакого эффекта.³⁹ Аресты в Португалии совпали с судебным слушанием дела инквизиции в Бразилии, где были арестованы девяносто конверсо.

были осуждены.⁴⁰

В течение столетия бразильские «новые христиане» жили в относительном мире, превращая колонию в самого богатого в мире производителя сахара. Из-за ее обширности и малочисленности населения Португалии, *conversos* (вместе с мелкими преступниками) были вынуждены эмигрировать туда. К 1623 году, по оценкам, 15 процентов из пятидесяти тысяч поселенцев колонии были *conversos*. Власти знали, что это включало в себя тайную общину из почти тысячи иудействующих, но пока ее члены не выставляли напоказ свои убеждения, никто поначалу не был особенно обеспокоенный.⁴¹

Эта политика невмешательства изменилась после объединения Португалии и Испании в 1580 году. Инквизиционные разбирательства были начаты по всей объединенной империи, и в течение следующих десятилетий слушания инквизиторов из Лиссабона регулярно были направлены против иудействующих колонии. Четвертое слушание в 1618 году, на котором были обвинены девяносто конверсо, в сочетании с арестами в Португалии, было явным предупреждением тем, кто не был теми христианами, за которых себя выдавал.

Хотя многие из конверсо колонии были искренними христианами, а небольшой процент оставался верным иудаизму, к 1600-м годам большинство бывших евреев стали безразличны к религии. Выбирая между верой, навязанной их предкам, и сохранением верности запрещенным верованиям, большинство выбрало мамону. Ведущий специалист по новым христианам Бразилии Анита Новински полагает, что это был не столько вопрос религиозности, сколько «экономический процветание колонии, [которое] пробудило жадность инквизиторов».⁴² Конверсо составляли большую часть богатого класса. Слушания показали, что они доминировали в торговле сахаром и в 1618 году владели двадцатью из тридцати четырех крупнейших сахарных заводов.

Производство сахара, подпитываемое африканскими рабами, было основным бизнесом Бразилии и специальностью конверсо. Чтобы оценить роль подсластителя

в их приветствии в Новом Свете, нам нужно сделать экскурс в историю, чтобы объяснить эту связь.

Связь бразильских конверсо с этой самой ценной и спорной отраслью промышленности можно проследить с 1503 года, через три года после португальского исследователя Педру Альварес Кабрал, в сопровождении своего еврейского лоцмана Гаспара да Гамы, открыл Бразилию. Как уже сообщалось, король Португалии Жуан сдал колонию в аренду предприимчивому торговцу-конверсо Фернанду ди Норонья для экспорта бразильского дерева, красного красильного дерева, которое там росло в изобилии, и в честь которого и была названа колония. От продажи этой древесины, высоко ценимой текстильной промышленностью Европы, консорциум Нороньи получал ежегодную прибыль в пятьдесят тысяч дукатов. Однако его власть над колонией закончилась, когда у него возникла блестящая идея пересадить корень тростника с островов Сан-Томе и Мадейра. Успех его урожая и его потенциальная прибыль убедили короля расторгнуть контракт Нороньи и вернуть колонию. В 1516 году начал работать первый сахарный завод в Бразилии. Чтобы стимулировать промышленность, новым поселенцам были предоставлены необходимые инструменты и другое оборудование для производства сахара.

В 1534 году король назначил Дуарте Коэльо феодалом Бразилии и поручил ему нанять экспертов по сахару с Мадейры и Сан-Томе для создания крупных плантаций. Сахар выращивали в Новом Свете с тех пор, как Колумб привез первые корни с Канарских островов, но не в таких огромных масштабах, как тогда, когда его производила определенная группа конверсос в Сан-Томе, небольшом острове у западного побережья Африки. То, что они делали в Сан-Томе, король хотел, чтобы они делали в обширных саваннах северо-восточной Бразилии. Так что в 1534 году, в том же году, когда Карл V отправил португальских конверсос спасти Ямайку, Коэльо привез португальских конверсос — бригадиров, механиков и квалифицированных рабочих, в основном из Сан-Томе — в Бразилию. В Сан-Томе они превратили выращивание сахара в агроиндустрию, использующую рабский труд, и собирались сделать то же самое в Бразилии, стране площадью в три миллиона квадратных миль, что больше, чем Европа и все остальные колонии Нового Света вместе взятые.

Со времен Крестовых походов, когда корень тростника был пересажен из Азии в Средиземноморский бассейн, «производство и продажа сахара находились под контролем Евреи».43 В 1400-х годах Марокко было основным производителем сахара, товара, который был настолько дорогим, что позволить его себе могли только королевские особы. Но средиземноморский климат — слишком прохладный зимой и слишком сухой круглый год — не был оптимальным для выращивания сахара. В конце пятнадцатого века виноградари Мадейры, атлантического острова Португалии, известного своим одноименным вином, обогнали Марокко по производству сахара.

Виноделы Мадейры, в основном конверсос, приобрели корень тростника у своих марокканских собратьев и вскоре превзошли их по производству.

Успех Мадейры вдохновил короля на то, чтобы ввести эту культуру на Сан-Томе, необитаемый остров у берегов Африки, который его моряки открыли в 1470 году в Гвинейском заливе. Пышная тропическая растительность острова подходила для производства сахара. Более того, его расположение обеспечивало неограниченный запас рабского труда. Порабощение африканцев не было чем-то новым. Португалия занималась работорговлей с тех пор, как ее корабли впервые достигли тропической Африки полвека назад. На Сан-Томе впервые было введено использование рабов в крупном сельскохозяйственном предприятии.

Но сначала королю нужно было обустроить свой необитаемый остров. Это оказалось непросто. Никто из его соотечественников не был заинтересован в переезде на изолированный остров, вдали от дома, населенный в основном змеями и комарами. Однако вскоре король нашел ответ, когда его страну заполонили перемещенные лица, чьи навыки выращивания сахара уже были доказаны.

В августе 1492 года десятки тысяч еврейских беженцев из Испании были остановлены на границе с Португалией. Король Жуан, предупрежденный о приказе своего соседа о высылке, приказал своим стражникам разрешить им въезд при условии, что они заплатят восемь крусадо и согласятся уйти через шесть месяцев. 31 марта 1493 года, когда шестимесячный срок истек, король приказал своим солдатам схватить семьсот еврейских детей и объявить их рабами короны в качестве примера для всех, кто задержится. Как отметил летописец короля Жуана:

Вырванные из рук родителей, дети были насильно обращены и отправлены на Сан-Томе. Все юноши были взяты в плен из числа кастильских евреев, которые не ушли в назначенное время согласно условиям их прибытия... чтобы, будучи отделенными, они стали лучшими христианами; в результате этого остров стал более густонаселенным и чрезвычайно процветающим.⁴⁴

Если их средний возраст при поимке составлял от восьми до десяти лет, то в 1534 году, когда Коэльо отправил своих рекрутов, им было около сорока пяти. Большинство из них, вероятно, были слишком уравновешены, чтобы принять его предложение, но некоторые из их детей, несомненно, приветствовали бы шанс занять свою нишу в Новом Свете. В последующие десятилетия, когда на рынок вышел бразильский сахар, плантационная модель

Рабочие Коэлью, созданные стали стандартом Нового Света. Португалия доминировала в торговле, и Коэлью считается первым человеком, который занялся «систематическое и интенсивное развитие сахарной промышленности».45

Слушания инквизиции в Бразилии начались с вывешивания на церковных дверях «Эдикта веры», в котором перечислялись еретические обряды и церемонии иудействующих и предлагался тридцатидневный льготный период с обещанием конфиденциальности и милосердного обращения для тех, кто явился. Многие конверсо сделали это, либо чтобы признать свою вину, либо, как это обычно бывало, чтобы обвинить других в иудаизме. Хотя немногие из обвиняемых были отправлены в Лиссабон на суд, вся община конверсо, искренние новые христиане и тайные иудеи, были встревожены и рассматривали слушания как прелюдию к созданию постоянного места пребывания

Инквизиция.46

Такие страхи еще больше усилились летом 1623 года, когда из Лиссабона прибыл епископ Маркос Тейшейра с полномочиями заключать в тюрьму обвиняемых иудействующих и конфисковывать их имущество. Судебный процесс больше не требовался; анонимного обвинения было достаточно, чтобы разрушить чью-то жизнь. Неизвестное количество тайных евреев уехали в более безопасный климат соседних стран, включая остров Колумба, Ямайку. Некоторые из тех, кто остался, предприняли более радикальные действия: в закодированном послании своим братьям в Голландии они поклялись служить пятой колонной в поддержку

Голландское вторжение с целью освобождения колонии.47

Вероятным курьером диссидентов был друг пирата-раввина, работоторговец из Амстердама Диего Диас Керидо. Пять лет назад, в 1618 году, король Филипп IV предупредил губернатора Бразилии, что Керидо — известный контрабандист контрабанды, и что ему следует внимательно следить за его судами. Губернатор не предпринял никаких действий. Так уж получилось, что Керидо ранее одолжил ему тридцать тысяч крузадо «из запасы его кораблей».48 Это не было прямой взяткой — заем был возвращен, — но он служил той же цели: Керидо продолжал свою треугольную торговлю, перевозя промышленные товары в Африку, рабов в Бразилию и сахар в Амстердам... и во время одной из своих поездок он, возможно, спрятал в своей каюте сумку с обещанием мятежных евреев о вторжении.

Если, как утверждается, курьером был Керидо, он бы доставил сообщение

Братству евреев Голландии, тайной группе, посвятившей себя борьбе с инквизицией. Тайная организация была основана через десятилетие после смерти раввина Палахе,

чтобы продолжить его борьбу за права евреев и против Испании. Ее существование было раскрыто в пыточных признаниях четырех осужденных Иудействующих.⁴⁹ В отдельных судебных процессах инквизиции в Картахене и Лиме они описали La Cofradia de los Judios de Holanda как подпольную организацию со штаб-квартирой в Амстердаме, с ячейками по три-пять человек в каждой в различных колониях в Новом Свете, которые переправляли разведданные и средства в Голландию для покупки оружия в помощь военным усилиям против Испании. Они свидетельствовали, что ячейки также отправляли деньги от местных конверсо, желающих переехать в Голландию, которые Братство инвестировало и перечисляло владельцу, когда он обосновался Амстердам.⁵⁰

Считается, что Бенто Осорио, самый богатый торговец в Амстердаме, был лидером Братства.⁵¹ Он импортировал оливковое масло из Турции, мускатный орех и перец из Индии, а сахар из Бразилии. В городе, который облагал налогом ослепительные дома торговцев (которые посетители называли «дворцами»), роскошный особняк Осорио Самым высоким налогом облагалась улица Йоденбреестраат.⁵² Хотя Голландская Вест-Индская компания была основана без участия евреев, документ инквизиции обвиняет Осорио в сговоре с Компанией: «[Поддерживая] шпионов во многих городах Кастилии, Португалии, Бразилии и других местах, [Осорио] отдает приказы и планирует грабежи... думая таким образом уничтожить христианство».⁵³

Несмотря на огромную территорию Бразилии, Компания посчитала, что для обеспечения колонии достаточно будет завоевать прибрежную провинцию Баия. Заручившись поддержкой пятой колонны от Братства, принц Морис согласился на политику религиозной свободы на завоеванной территории, и что еврейские солдаты могли формировать их собственная компания.⁵⁴ 8 мая 1624 года вторглись силы вторжения численностью 3300 человек, Среди них было «несколько десятков» евреев, прибывших в Баию на двадцати шести кораблях.⁵⁵ В первом штурме вице-адмирал Пит Хейн легко захватил два главных форта, охранявших порт. Его быстрая победа напугала защитников, которые вскоре дезертировали.

На следующую ночь епископ Тейшейра, враг конверсо, собрал свою рясю и поспешно ретировался. Его описывали как «самого встревоженного человека в городе», бежал со своими жрецами в лес.⁵⁶ Как и обещал принц, с победой была провозглашена политика религиозной терпимости, и голландские захватчики обязались уважать права собственности португальцев. На следующий день двести конверсо вышли вперед, чтобы заявить о своей приверженности вере предков, и приветствовали голландские евреи, участвовавшие во вторжении.⁵⁷

Пока Баия подвергалась нападению, флотилия голландских кораблей обошла мыс

Горн и поднялась по тихоокеанскому побережью к перуанскому порту Кальяо и осадила Лиму. Когда в Португалии дошли новости о том, что Баия пала, а Лима блокирована, правящий совет, как и следовало ожидать, встревожился. В их быстро составленном послании Филиппу отмечалось, что голландским захватчикам помогали «Hebrea da Nação...не столько для того, чтобы стать хозяевами бразильского сахара, сколько серебро Перу».58

Король Испании, убежденный, что голландцы настроены на дальнейшие завоевания, собрал огромные силы, чтобы снять осаду. Ему не стоило беспокоиться. Усилия голландцев уже были напрасны. После трехмесячной блокады порта у них закончились припасы, и они отступили. Тем временем в Бразилии епископ Тейшейра, восстановив мужество, организовал партизанский отряд, который окружил город и помешал голландцам продвинуться вперед. 29 марта 1625 года объединенная армада из пятидесяти двух испанских и португальских военных кораблей высадила 12 566 человек на побережье Баии и оцепила порт. Поражение было неизбежным, но голландцы держались две недели, их сопротивление поощрялось евреями. Как отметил в своем дневнике испанский солдат:

Голландский пленный сообщил, что враг был очень силен и что многие евреи и еврейки, прибывшие с ними из Голландии, подбадривали их защищали себя и поддерживали их большими суммами денег.59

1 мая голландцы сдались. Чтобы обеспечить благоприятные условия для своего еврейского контингента, вице-адмирал Хейн в коммюнике вражескому командующему потребовал, чтобы «португальцы еврейской нации, остававшиеся в Баие во время оккупация не должна быть нарушена».60Испанский лидер отказался и потребовал, чтобы вице-адмирал назвал их имена; но Хейн был тверд. После противостояния вопрос был закрыт. Хотя условия капитуляции предусматривали, что уйти могут только голландцы, большинство еврейских солдат и их пособников ушли

с ними. Те немногие, кто остался, не должны были. После реконкисты испанский командующий повесил четверых из них как предателей. Отчет инквизитора о вторжении возложил вину за поражение Баии на евреев:

Тайные евреи написали в Голландию и попросили голландцев освободить их... инициировали планы вторжения и согласились разделить его издержки. [Эти] еретики вскормили себя грудью Матери-Церкви [и когда пришли голландцы] позволили себе обрезать и открыто исповедовали иудейскую веру вера.61

Позже осведомитель опознал двоих из скрывшихся коллаборационистов:

Баия была взята по приказу и плану некоего Нуно Альвареса Франко, еврея из Голландии, проживавшего в Баии более 12 лет, и по приказу некоего Мануэля Фернандеса Драго. Оба жили в указанной Баии. Их отцы жили в Амстердаме и получали от Штатов 200 фунтов в год за свои

поддерживать.⁶²

Голландцы оккупировали Баию в течение года и так и не взяли Лиму. Амбициозный план захвата Бразилии и серебряной горы провалился. Обескураженная армия похромала домой в почти обанкротившуюся страну, обедневшую из-за расходов на вторжение и оккупацию.

Два года спустя дух и удача нации внезапно возродились, когда вице-адмирал Пит Хейн и его молодой советник Мозес Коэн Энрикес вошли в гавань Амстердама, ведя за собой испанские галеоны, трюмы которых были заполнены серебром и золотом. Это был самый большой улов в истории. Впервые с момента открытия Нового Света испанский серебряный флот был захвачен, и голландцы снова перешли в наступление.

В авангарде будут Моисей и другие молодые воины-евреи. Под влиянием таких, как пиратский раввин, первое поколение, рожденное на свободе, доминировало

Зарождающаяся община Амстердама. Их численность говорит сама за себя: в 1620-х годах, когда в городе было менее двухсот еврейских семей, «несколько десятков» из них приняли участие во вторжении в Бразилию, а в следующем десятилетии шпион инквизиции обвинил сотню голландских евреев в планировании вторжения в Португалию и сожжения в тюрьме инквизиции.⁶³ Нет никаких записей об этом событии, но обвинение информатора дает представление о мышлении этих мятежных юношей — у них был маккавейский образ себя как воинствующих еврейских освободителей, полученный от их родителей, их общины и раввина Палахе. Когда вокруг бушевал Святой Террор, этих юношей призывали и поощряли стать поколением воинов Сиона.

ВОИНЫ СИОНА В НОВОМ МИРЕ

Антонио Ваэс Энрикес, он же Моисей Коэн, всего лишь шпион, который следит за тем, когда приходит и уходит флот и когда можно предпринять атаку... как он сделал при захвате флота Питом Хейном, в компании которого, как говорят, находился Антонио Ваэс.¹

Свосход, 8 сентября 1628 г.: На борту флагманского корабля адмирала Амстердам, а в нескольких милях к западу от Гаваны Мозес Коэн Энрикес, ставя на карту свою репутацию, смотрел на запад, осматривая море. Неожиданно над северным горизонтом показались марсели испанского серебряного флота, флот, появились: двенадцать кораблей, нагруженных девяносто двумя тоннами серебра, и сундуки с сокровищами, наполненные жемчугом, рубинами и золотом стоимостью 16 миллионов гульденов, или в переводе на сегодняшнюю валюту почти один миллиард долларов.

Приближаясь к ничего не подозревавшему флоту, двадцать пять кораблей голландской армады отрезали и захватили девять кораблей без происшествий; но три ведущих галеона, включая галеон великого адмирала, бежали вдоль побережья в близлежащий порт Матансас. Голландцы, преследуя их по горячим следам, смело вошли в гавань и поравнялись с двумя кораблями. Их солдаты, вооруженные саблями, пистолетом и мушкетом, быстро вскарабкались по бортам.

Как только мы поднялись на борт, испанцы перебрались через борт, плывя и грести к берегу. Через несколько минут флаг Соединенных провинций развевался там, где были львы и замки. Затем мы подошли к кораблю адмирала. Мы атаковали его мушкетной атакой и взяли на абордаж, крича им «Буэна Герра».²

Вице-адмирал Пит Хейн, оставаясь в своей каюте во время своего победоносного плавания домой, отмечал, что это саркастическое приветствие («Хорошая война») настолько деморализовало защитников, что «услышав [его], они отложили свои мушкеты и спустились под палубу».

Одинокий моряк, прыгнувший за борт в надежде доплыть до берега, был вытащен из моря и доставлен к вице-адмиралу.

Я спросил его, сколько испанцев на борту. Он сказал, что около 150... Я сказал ему вернуться и сказать им, что я обещал им пощаду и высажду их на берег. Он спросил меня, что я за человек. Я сказал, что я генерал флота, на что он попросил меня отпустить одного из наших людей с ним, чтобы он не будет убит нашими людьми на борту, на что я дал согласие.*6 —

На следующий день:

Мы выгрузили серебро как можно быстрее и распределили его между всеми нашими кораблями. Мы подсчитали, что там было около 46 ласт серебра, состоящих из чеканных реалов по восемь, и слитков серебра и столового серебра, всего 2851 штука.

Флотилия была захвачена чуть более чем за три часа, не потеряв ни одного голландца. Быстроходная яхта доставила эту новость в Голландию. В начале января Хейн вернулся домой, ведя свой флот в порт Амстердама с галеоном великого адмирала замыкающим. Потребовалось пять дней, чтобы выгрузить добычу на тысячу повозок с мулами, которые затем были провезены триумфальной процессией по улицам Амстердама за каретой вице-адмирала. «Хейна приняли так, как могли бы принять приехавшего с визитом принца».3Страна пылала кострами. После поражения при Баие финансы страны были в отчаянном положении. Правительство исчерпало свой кредит. Государственные долги были невыплачены. Теперь Голландия внезапно снова стала богатой. Компания объявила дивиденды в размере 50 процентов и, обладая новым богатством, подготовила флот для повторного вторжения в Бразилию.

Моисей Коэн Энрикес, отпраздновавший свою бар-мицву в 1616 году, некоторое время спустя после смерти своего наставника, научился у раввина Палахе жить так, как он мечтал. Моисей не был королевской крови, но его амбиции были столь же велики, как у любого честолюбивого дворянина. Один из первых и ценимых членов Братства, он был отправлен под прикрытием в Севилью, где вскоре получил информацию, убедившую Компанию, что разумнее атаковать в море испанский флот, который вез руду в Севилью, а не организовывать сухопутное вторжение, чтобы захватить серебряную гору. В свои двадцать пять Моисей был вдвое моложе адмирала, но он проявил себя во время вторжения в Баию четырьмя годами ранее, и поэтому был приглашен Хейном плыть с ним.

Флот сокровищ Испании состоял из двух хорошо охраняемых армад из двадцатитридцати кораблей.Tierra Firmeгруппа собрала богатства испанского

Майна; флот забрали серебро из Мексики в порту Вера-Крус, вместе с богатствами Азии, привезенными манильскими галеонами. Получив свою добычу, два флота встретились в Гаване для совместного возвращения в Испанию. В 1628 году, когда Tierra Firme отплыл на север в Гавану, чтобы встретиться с флотом, он прибыл слишком поздно. За исключением галеона великого адмирала, все корабли были там, но их трюмы были пусты; разграбленный груз направлялся в Голландию.

Отправление флота с сокровищами из Испании было торжественным событием, но по соображениям безопасности дата отплытия радикально менялась из года в год и была тщательно охраняемой тайной, в которую каким-то образом был посвящен молодой Мозес Коэн Энрикес. Как он получил эту важную информацию, неизвестно. Возможно, он узнал ее от агента Бенито Осорио, который был прикрытием для Братства незаконная торговля лидера.4 В любом случае, Моисей смог предупредить Компанию о флоте предполагаемая дата отплытия. Это дало достаточно времени для того, чтобы укомплектовать и оснастить двадцать пять кораблей под командованием вице-адмирала, чтобы отправиться на Кубу и ожидать прибытия флота.

Чтобы избежать сезона ураганов, флот покинул Испанию через месяц после Земля Фирме. Как всегда, его прибытие в июле 1628 года превратило болотистый порт Вера-Крус в карнавалый город, переполненный торговцами, игроками, мошенниками и гуляками. Торговцы со всех концов съезжались в порт, желая не столько флот груз европейских товаров, таких как сокровища Востока, шелка, нефрит, ковры, слоновая кость, фарфор и специи, которые были доставлены галеонами Манилы в Акапулько, а затем на мулах в Вера-Крус. Город процветал до начала августа, когда флот отплыл на Кубу, его трюмы были заполнены серебром из мексиканских рудников и щедрость Азии.5 Гавана находилась всего в нескольких сотнях миль к западу, но в тот год встречные ветры, северные, заставили флот чтобы следовать течениям к Флорида-Кис и приблизиться к Кубе с севера. Пит Хейн и его встревоженный молодой соратник ждали, прибыв на две недели раньше. В течение двух столетий было предпринято пятьдесят попыток захватить галеоны с сокровищами. Только их попытки увенчались успехом.

Когда победоносный флот вернулся в Амстердам, молодые еврейские авантюристы, которые несколько лет назад с радостью участвовали во вторжении в Баию, но были удручающе вытеснены, приветствовали триумф Моисея с энтузиазмом, который отражал их возрождающийся моральный дух так же, как и его необычайный подвиг. Его победа, последовавшая за их горьким поражением, показала им, что неудачи и успехи лучше всего измеряются временем. Это был урок, который они могли бы извлечь из своих родителей, которые преодолели испытания инквизиции, прежде чем обрести свободный воздух Амстердама, или из раввина Палаче, который сначала бежал в отступление в дом французского дипломата, прежде чем возобновить свою борьбу.

Моисей не задержался надолго в Амстердаме. Следующий год застал его в Ресифи, столице бразильской провинции Пернамбуку, где он вместе с местным подпольем готовился к новому голландскому вторжению. Затем Моисей вернулся в Амстердам, чтобы присоединиться к флоту. Это выяснилось четыре года спустя на мадридском трибунале, расследовавшем вторжение. Перебежчик, плававший с голландцами, дал следующие показания:

Евреи Амстердама были ответственны за захват Пернамбуку, и главным был Моисей Коэн Энрикес, который пошел с голландцами, инструктировал их и дал им планы, показывающие, как взять это место, поскольку он провел много дней в Пернамбуку и был хорошо знаком с входами и выходами. Голландцы сделали это с помощью его секретного совет.⁶

Историки упустили из виду смелую роль этого бесстрашного молодого человека, который (1) участвовал в первом вторжении в Баию; (2) замышлял и принимал участие в флотзахвате; (3) проник в Ресифи в качестве передового шпиона для координации поддержки пятой колонны; и (4) вернулся в Амстердам, чтобы сопровождать флот для второго вторжения. Ученые отмечают только, что в 1630 году Моисей был приглашен в качестве

«гость Компании», но не поясняет, за что ему была оказана такая честь.⁷Если бы не рассказ предателя, процитированный выше, роль Моисея в военных авантюрах Холланда осталась бы неизвестной. Однако это был не более чем первый залп его насыщенной жизни, в которой он правил собственным пиратским островом, а позже был советником знаменитого ямайского пирата Генри Моргана.

14 февраля 1630 года голландский флот высадил семь тысяч солдат в Ресифи. На следующий день Моисей, названный только «гостем» Компании, вывел еще три тысячи человек на берег на пляже к северу от порта. Там его встретил Антонио Диас Папарробалос, местный подпольный лидер, который привел «два «местные мулаты» должны были направлять захватчиков.⁸Не встретив почти никакого сопротивления, голландцы в течение двух недель стали хозяевами северо-восточной Бразилии, территории, охватывающей провинцию Пернамбуку, порт Ресифи и прилегающие районы.

Во второй раз за десятилетие бразильские конверсос вышли из шкафа. Это отметил португальский священник отец Мануэль Каладо, который жил в голландской Бразилии с 1630 по 1646 год и ненавидел кальвинистов так же, как и евреев: «[Конверсос] приветствовали

голландцев, испытывая огромное облегчение от того, что их двойная жизнь подошла к концу, и они могли перестать притворяться преданными католицизму». В своем духовном отчете отец Каладо описал первоначальный порыв свободы:

У евреев, прибывших из Голландии, было много родственников в Пернамбуку, которые жили в соответствии с законом Христа. Однако после того, как голландцы завоевали страну, они сняли маску, которая их скрывала, и обрезали себя, и публично объявили себя евреями... Я слышал, как евреи много раз говорили, что в Пернамбуку нет ни одного человека из их народа [т. е. конверсо], который не был бы евреем, и если они не объявляли себя евреями, то это из-за страха, что мир может перевернуться, и Бразилия может вернуться в Португалию, иначе все они уже публично объявили себя евреями.⁹

Один конверсо имел основания сожалеть о своем необузданном энтузиазме. Как голландские офицеры, надменный победой, прошествовал мимо своего магазина, виноторговец Симон Драго распахнул двери своего погреба и приветствовал их внутри. С гордостью он объявил себя евреем, и в честь их победы и своей личной свободы он предложил офицерам ящик своего лучшего вина. Выпив его, они захотели большего. Заявив, что они имеют право на освобождение его «рода», они ушли с восьмьюдесятью бочками вина. Этот инцидент был раскрыт много лет спустя, когда Драго подал иск в Амстердаме, в котором он обвинил офицеров в опустошении его склада.¹⁰

После завоевания Моисей поселился в Ресифи и сделал успешную карьеру в качестве лицензированного пирата, капера. На свою долю добычи, оцениваемую в одну тонну серебра, он купил корабли, боеприпасы и пустой остров у берегов Ресифи, чтобы использовать его в качестве базы. В качестве укола против своей родной страны он назвал остров, который сегодня является сердцем Ресифи, Антонио Ваз, цинично окрестив редут именем

его старое имя конверсо.¹¹ К нему присоединились в качестве офицеров и команды другие еврей-бунтари, которые, отвергнув удушающие объятия Амстердама, разделили его стремление к необузданным приключениям за счет империи зла. Неизвестно, сколько вражеских кораблей захватил Моисей, но голландские каперы в Новом Свете были очень успешны. За период с 1623 по 1636 год (год, когда Моисей продал свой остров губернатору Маунсу) голландские каперы захватили 547 иберийских кораблей, в среднем

почти по одному в неделю.¹²

В отличие от Моисея, который был первенцем, большинство еврейских поселенцев были младшими сыновьями. Таким образом, они не приобрели долю в семейном бизнесе. Сообщалось, что они обычно прибывали «только с рваной одеждой, которую носили на

посадка,¹³ чтобы обнаружить, что их статус быстро изменился к лучшему. Свободно владея голландским и португальским языками, они преодолели языковой барьер между недавно прибывшими голландцами и укоренившимися португальцами. Вскоре многие заняли прибыльную нишу в колонии Голландии в качестве посредников в коммерческих сделках между двумя группами. Видным среди них был младший брат Моисея Авраам, который поднялся до должности закупочного агента колонии и пользовался таким всеобщим уважением, что в трудные времена все стороны обращались к нему за посредничеством в своих ссорах.

Компания назвала захваченную колонию Новой Голландией. Несмотря на это тщеславие, новые владельцы не были настолько провинциальны, чтобы выгнать людей, ответственных за богатство региона. Португальские производители сахара, возможно, презирались как паписты-идолопоклонники, но, как и в случае с евреями, их призывали оставаться и богатеть. И снова принц Морис издал указ о религиозной терпимости, пообещав

что «свобода испанцев, португальцев и туземцев, будь то католики или иудеи, [будет] уважаться, [и никому] не будет позволено подвергать их расследования по вопросам совести». ¹⁴

По его указу Новая Голландия официально стала землей свободы: католики, новые христиане, евреи, кальвинисты и индейцы жили и работали бок о бок. Большинство евреев жили в Ресифи, где они образовали первое законное поселение евреев в Новом Свете и управляли своей общиной как самостоятельным правительством. Португальские католики приняли новичков, но считали предателями местных конверсов, которые с приходом голландских евреев сбросили свои христианские одежды, чтобы принять свою исконную веру. Тем не менее, по сравнению с религиозной нетерпимостью в других местах, в колонии царил относительная гармония. Каждая группа имела долю богатства и внесла свой вклад в превращение голландской Бразилии в самый богатый в мире регион по производству сахара.

Большая часть успеха Новой Голландии была обязана ее губернатору, Йохану Морису ван Нассау, который прибыл в январе 1637 года со свитой ученых, художников и естествоиспытателей и правил в течение семи лет. Принц Нассау (как он любил, чтобы к нему обращались) был культурным человеком, знавшим толк в искусстве и науке, и выдающимся дипломатом, который хорошо ладил со всеми фракциями. Португальцы чувствовали его симпатию к своей ситуации; кальвинисты знали его как своего, и Евреи называли его «мудрым», и это была их высшая похвала. ¹⁵

Через несколько недель после прибытия губернатор получил жалобу от делегации торговцев-кальвинистов на то, что в Нью-Йорке слишком много евреев.

Холланд: "Страна наводнена евреями. Каждая лодка заполнена ими". ¹⁶
Просители просили, чтобы христиане, а не евреи, были призваны прийти, приводя

все исторические причины, по которым «убийцы Христа» должны быть подавлены. Губернатор прервал их. Размахивая копией устава колонии, он сказал кальвинистским жалобщикам, что не будет никакого фаворитизма: «Статья 32 гарантирует защиту лицам иудейского и католического вероисповедания».17

Хотя губернатор отклонил петиции, это была не вся правда. Как и в Амстердаме, были ограничения: евреям не разрешалось занимать государственные должности, занимать должность, проводить публичные религиозные службы или завести любовника-христианина.¹⁸ Но, опять же, эти ограничения были относительно незначительными в мире диаспоры семнадцатого века. Люди Книги могли быть презируемы, но те, кто был в Бразилии, имели

основополагающие права. Что еще важнее, они были нужны. Они называли свою общину Zur Israel, Rock of Israel — каламбур на Recife, что означает «скала Бразилии». Но это также передало мессианское послание из книги Исайи (30:19–29): «Ибо народ будет жить на Сионе в Иерусалиме... когда они придут к Скале Израиля».19

Из соображений безопасности губернатор хотел основать свою резиденцию на острове Антонио Вас, так как он господствовал над входом в гавань. Моисей согласился продать. Живя в диаспоре как чужаки в чужой стране, еврейский народ давно усвоил важность хороших отношений, особенно финансовых, с правящим классом. Моисей не нуждался в деньгах губернатора, но приветствовал возможность снискать расположение самопровозглашенного принца Нассау. Случайно или нет, губернатор затем нанял брата Моисея Авраама и племянника Иакова в качестве агентов по закупкам для колонии.

Когда губернатор приобрел остров, это было бесплодное место. Моисей построил причал и несколько хижин, которые назывались «хижинами контрабандистов», и там были развалины заброшенного монастыря.²⁰ Губернатор немедленно привлек рабочие бригады для развития острова, который он теперь назвал Маурикой в соответствии со своими княжескими вкусами. Был построен великолепный замок из бразильского дерева, а также вольер, зоопарк и пруд для разведения рыбы («Он привез туда все виды птиц и животных»). Он также создал парки с эстрадами и посадил тысячи кокосовых пальм и сады фруктовых деревьев. Был возведен новый город Мавритания, и два моста соединили его с материком. «Сюда приезжали дамы и друзья, чтобы провести летние каникулы, насладиться пикниками, попойками, концертами и азартными играми... Принц любил, чтобы все приходили и смотрели на его редкости, и был в восторге показывая и объясняя их».21

Когда голландцы впервые прибыли, Ресифи был деревней из 150 домов; когда они покинули город два десятилетия спустя, это был оживленный порт с двумя тысячами домов.²² В годы расцвета колонии в Амстердаме редко встречалась семья, у которой не было родственника или

друга, живущего в Ресифи. Бразильское еврейство насчитывало около 1500 человек; амстердамское еврейство — 1200 человек. Работая вместе как финансисты, брокеры, грузоотправители, импортеры и страховщики, они доминировали в торговле между двумя странами.²³

В 1640-х годах у евреев было сто кораблей, занимавшихся торговлей сахаром, а семья Перейра в Амстердаме владела заводами, которые превращали коричневый сахар в коричневый.

подсластитель в белые кристаллические зерна, которые все желали. Ресифи стал известен как «порт евреев», а его главной магистралью была Руа-душ-Худиос,

Улица евреев.²⁴

Хотя их число в Ресифи было лишь немного больше, чем в Амстердаме, по отношению к христианскому населению последнего разница была огромной. В 1640 году евреи Амстердама составляли менее 2 процентов населения, в то время как в Ресифи они составляли 30–40 процентов белого населения. Учитывая их торговую направленность, «христианские торговцы вскоре обнаружили, что их свели к роль наблюдателей израильского бизнеса».²⁵ Однако, как только они выучили португальский язык и больше не нуждались в евреях как посредниках, их лидеры возразили: «Почти вся торговля сахаром находится во власти евреев, [которые] лгут, используют фальшивые гири и занимаются ростовщичеством».²⁶

Конкурирующие торговцы призвали руководящий орган колонии, Верховный совет, заставить евреев, если их нельзя выслать, хотя бы носить красные шапки или желтые знаки различия: «Во всем мире эта лживая и бесчестная раса вынуждена носить отличительные знаки на своей одежде, чтобы их можно было идентифицировать и показать свою неполноценность».²⁷

От зависти и враждебности кальвинистов и неохотного принятия португальских плантаторов, La Nação защищали правящие власти, принц Нассау, Компания и Генеральные штаты Голландии, все из которых признавали и ценили свою незаменимую роль в превращении Ресифи в самый богатый порт в Новом Свете за пределами Гаваны. Кроме того, они осознавали, что, находясь под угрозой инквизиции, евреи больше, чем любая другая группа, могли быть рассчитывали на защиту колонии.²⁸

В то время как Компания удерживала монополию на работоторговлю и получала 240 процентов прибыли с каждого раба, еврейские торговцы, как посредники, также имели прибыльную долю, покупая рабов на аукционе Компании и продавая их плантаторам в рассрочку — без

первоначального взноса, три года на выплату по процентной ставке 40–50 процентов. Поскольку долги обычно выплачивались сахаром, евреи стали основными сахарными

брокеры. С их большой прибылью — наценка на рабов составляла 300 процентов, а на сухие товары — 700 процентов — они построили величественные дома в Ресифи и владели десятью из 166 сахарных плантаций, включая «некоторые из лучших плантаций в речной долине

Пернамбуку».29

Учитывая их командное положение и давнее предубеждение против них, неудивительно, что конкурирующие торговцы роптали. «[Евреи] стали хозяевами всего торгового бизнеса», и производители сахара сетовали:

они «не могли процветать, потому что негры были слишком дороги, а проценты слишком высоки».30

Эти жалобы были отмечены голландским путешественником в Бразилию в 1640-х годах, который заметил: «По большей части евреи [занимаются] бизнесом, который был бы выгоден, если бы их торговля ограничивалась обычными делами».

правил ведения бизнеса и не доходили до таких эксцессов».31

Хотя их прибыли и процентные ставки кажутся чрезмерными, в их защиту следует принять во внимание, что Новая Голландия была пограничным обществом, форпостом Нового Света, окруженным врагами. Несмотря на кажущееся богатство колонии, капитал был скудным, а инвестиции высокорискованными. Евреи, составляющие примерно треть населения, имели право на треть брокерских лицензий. Чтобы компенсировать это ограничение, они продавали акции своих лицензий другим евреям. Это вызвало гнев их конкурентов, которые возражали губернатору, что «[евреи] покупают весь груз торгового судна и делят его в соответствии с оплаченными акциями». Отвергнув их жалобу, он напомнил им, что «в первые дни голландские брокеры и торговцы потеряли доверие людей из-за спекуляций и беспечности,

что дало преимущества евреям».32

За время существования Новой Голландии Компания перевезла 26 000 рабов Бразилия.33В течение следующих двух столетий это число увеличилось в тысячу раз, и работорговля распространилась на все колонии Нового Света и охватила все европейские страны, имевшие океанские суда. Вдоль западноафриканского побережья мужчины из Швеции, Франции, Дании, Португалии, Германии, Голландии, Англии и Испании плавали на рабских судах и служили в рабских фортах.

В то время как арабы контролировали восточноафриканскую работорговлю, западноафриканская торговля была по сути европейско-африканским предприятием — африканцы продавали африканцев европейцам, чтобы те обслуживали других европейцев. Роль евреев в коммерческом процессе показывает, что они не были ни лучше, ни хуже других в эпоху, когда

Мораль рабства не была проблемой. Цвет не был критерием: белые также покупали и продавали других белых, а африканцы порабощали африканцев. Рабы были монетой в каждом королевстве, и морские державы Европы претендовали на право продавать африканцев в христианский Новый Свет и ревностно его охраняли. Как историк Эли Фабер документирует евреи и работоторговля, после упадка Новой Голландии, Участие евреев в торговле было незначительным.³⁴

Бразильские евреи были более либеральны в своих обрядах, чем голландские. В то время как в Амстердаме синагоги могли править десятилетиями железной рукой, в Ресифи они служили только год и не могли баллотироваться на переизбрание. Споры в колонии решались большинством голосов Махамада, и любой член общины мог попросить альтернативного судью, если он считал, что председательствующий был предвзятым. В Голландии евреи должны были ждать три года после обрезания, чтобы присоединиться к общине; в Ресифи ожидание составляло один год. Ашкеназские евреи не могли присоединиться к сефардской синагоге Амстердама или вступить в брак с ее членом; в Ресифи ко всем евреям относились одинаково. хазан(духовным лидером) был Исаак Абоаб, раввин, практикующий Каббалу, который позже вернулся в Амстердам, проголосовал за отлучение Спинозы от церкви и впоследствии последовал за лжемессией Саббатаем Цвеем в Салоники.

Zur Israel финансировал ряд благотворительных программ: комитет по выкупу захваченных братьев; приданое для бедных незамужних женщин в Голландии, желающих найти себе пару в Бразилии; фонд, который отправлял деньги в Израиль; и еще один, который служил банком последней инстанции для долгов христианам. Для финансирования этих инициатив члены переводили часть каждой коммерческой сделки в Махамад и могли быть отлучены от церкви, если они этого не делали. Моисей и другие каперы не были освобождены от постановления, которое предусматривало выплату 3 процентов от чистой прибыли **доходы от их добычи**.³⁵

Эти платежи составляют большую часть записей в книге протоколов Zur Israel. Другие касаются законов и постановлений, принятых Махамад для управления общиной. Два из них, запрещающих социальные послабления, представляют особый интерес, поскольку они освещают то, что должно было быть слишком распространенными пороками: азартные игры и разврат. Махамад запретил азартные игры по пятницам после обеда, так как слишком много членов опоздали на субботний ужин, и в попытке остудить чрезмерное

либидос, наложил колоссальный штраф в пятьдесят флоринов на любого члена, пойманного купающимся с христианкой **вмиква**(ритуальное омовение).³⁶

Большинство членов были из Голландии, но в общину Цур Исраэль также входили сефарды из Турции, Испании, Португалии и Северной Африки, а также Ашкенази из Германии, Польши и Венгрии.³⁷ Если они слишком много флиртовали и играли в азартные игры, ну, это был Новый Свет. Мало кто из поселенцев был слишком озабочен моралью. Индийские и африканские наложницы были обычным явлением, но христианские женщины, какими бы соблазнительными они ни были, были вне досягаемости. Не все еврейские поселенцы были торговцами, но независимо от их призвания, их иудаизм всегда был на первом плане. Однажды во время праздника Симат Тора они громко маршировали по улицам, неся Тору. Их празднование было настолько восторженным, что кальвинисты обвинили их в «бесстыдной дерзости» и клевете на христианскую религию. В ответ принц Морис приказал им проводить свои церемонии в частном порядке, «так тайно чтобы их не было слышно».³⁸

Представление о характере этих пионеров можно получить из дальнейших показаний информатора, который раскрыл роль Моисея Коэна Энрикеса.

Шпион, капитан Эстебан де Фонсека, был ренегатом-евреем, который покинул Амстердам, чтобы вернуться в Испанию. В Мадриде в апреле 1634 года он предстал перед инквизицией. Свидетельствуя об «ущербе, нанесенном Его Величеству евреями Холланд»,³⁹ он утверждал, что восемнадцать кораблей тогда готовились в Амстердаме для перевозки сотни евреев в Бразилию. Но сначала они намеревались сойти на берег около Коимбры, Португалия, резиденции инквизиции, где недавно были сожжены двести иудействующих: «Люди должны отправиться в Коимбру... чтобы разграбить инквизицию и освободить ее заключенных, а также разграбить монастырь Санта-Крус».

Фонсека утверждал, что средства для экспедиции были «собраны по подписке среди всех евреев Голландии», и что армадой «управлял еврей, который берет в свою компанию 100 евреев... Я назову только главных, потому что я никогда не дозвонюсь, если назову их всех». Затем Фонсека назвал имена десяти евреев — миньян, — включая близкого друга Моисея Авраама Израиля, которого он назвал адъютантом (административным офицером) флота. Помимо подробного описания пиратства и шпионажа Моисея, Фонсека также обвинил его в придумывании особенно смелого плана захвата Гаваны с африканскими воинами, замаскированными под рабов: «Высадка должна быть произведена под белым флагом, притворяясь, что они сбежали от голландцев, и [войдя в город] под покровом ночи, они вооружались и убивали солдат».

Ни одно из событий не произошло: нет никаких записей о флоте, направлявшемся в Бразилию, который останавливался в Португалии, чтобы разгромить инквизицию, или о троянском коне, чтобы захватить Гавану. Возможно, покровители армады под руководством евреев узнали, что их планы были раскрыты, и отменили их. Или, возможно, обвинения

Фонсеки были не более чем разговорами в баре — он утверждал, что был бывшим членом команды. В любом случае его заявление подтверждает храбрость Моисея и его товарищей. За карточными играми они пили ром, курили сигары и обсуждали свои различные предприятия — доставку сахара, продажу рабов, контрабанду серебра из Потоси — и замыслили свержение империи инквизиции.

Пока губернатором был Йохан Морис, Новая Голландия процветала. Разрозненные группы колонии регулярно осуждали друг друга, но в конечном итоге поладили. Годовое производство сахара удвоилось, с пятнадцати тысяч тонн в начале семнадцатого века до тридцати тысяч тонн во время правления Мориса. В ходе этого процесса розничная цена сахара снизилась вдвое, тем самым распространив потребление от банкетного стола богачей до прилавка с дешёвыми сладостями.⁴⁰

Пока братья Коэн Энрикес и их друзья прокладывали себе нишу в Бразилии, их кузены в Амстердаме богатели, импортируя и экспортируя товары со всего известного мира. Голландские капитаны, незаконно торгуя с агентами *converso* в портах по всей Испанской империи, доставляли грузы прямо в Амстердам. В Перу, где евреи контролировали торговлю серебром, руда, добытая в шахтах, обменивалась на шелк из Китая через Мексику; специи пименто с Ямайки попадали в копченую сельдь Голландии; жемчуг из Венесуэлы был жизнеспособной валютой почти везде. Испанские торговцы не могли сравниться ни по цене, ни по качеству товаров контрабандисты (бесплатно торговцы) могли предложить.⁴¹ Евреи Амстердама, контактировавшие с сефардскими торговцами в Европе, Средиземноморье и на востоке, передавали им ресурсы Нового Света, а их товары — в Новый Свет. Будучи посредниками в этой торговле, амстердамские евреи получали прибыль туда и обратно.

В 1640 году, после шестидесяти лет союза с Испанией, Португалия снова добилась своей независимости, результат бескровного переворота в Лиссабоне последователей герцога Браганса. Герцог, теперь правящий как король Жуан IV, отправил делегацию в Голландию, чтобы подписать мирный договор и сформировать союз против Испании.

В результате этого договора в Бразилии сложилась своеобразная ситуация. Теперь Голландия была союзницей Португалии, но при этом оккупировала большую часть ее колонии в Новом Свете. Вместо того чтобы признать эту аномалию и, возможно, предоставить португальцам Бразилии определенные привилегии в знак признания их нового статуса, Генеральные штаты вместо этого приказали принцу Морису захватить как можно больше прилегающих территорий. Принц не терял времени, выполняя этот макиавеллиевский ход. Пока он якобы вел переговоры о перемирии с лидерами соседних провинций, находящихся под контролем Португалии, его солдаты

оккупировали их территорию. В то же время он отправил военно-морские силы в Африку, чтобы захватить Сан-Томе и порт Луанда в Анголе.

К 1642 году Нью-Холланд управлял большей частью северо-восточной Бразилии и Африки. перевалочные пункты, через которые переправлялась большая часть рабского труда колонии.⁴² Колония достигла своего апогея, но ненадолго. Когда контракт принца закончился, Генеральные штаты решили, что его администрация слишком затратна, и не стали его продлевать. По общему признанию, Новая Голландия стала самой дорогой колонией в Голландской империи, но она также приносила больше всего денег. Тем не менее, в сентябре 1643 года принцу было приказано немедленно вернуться в Голландию. Лидеры религиозных общин Новой Голландии официально просили его остаться, но это не принесло результата. В письме евреев хвалили его «мудрое и счастливое правление» и благодарили за «защиту, которую он им предоставил». Если он останется, они обещали утроить его доход с ежегодным аннуитетом.⁴³ Но если он должен был уйти, они хотели купить его замок и сделать его своей синагогой. Кальвинисты решительно возражали против этого и убедили губернатора отказаться.⁴⁴

Какие бы веские причины ни были у Генеральных штатов, решение отозвать Мориса было недальновидным. Оглядываясь назад, Генеральные штаты, по-видимому, не учли, что Португалия не будет соблюдать мирный договор, который сами голландцы аннулировали. Как только принц разместил войска в соседних провинциях, португальские подданные в Новой Голландии начали плести заговоры с целью вернуть себе свою колонию, и за два месяца до его отъезда он получил известие о том, что пограничное государство пало под натиском португальских мятежников. Это был март 1644 года, начало конца Новой Голландии.

Восстание возглавил Жуан Фернанду Виейра, лидер португальской общины, который поклялся посвятить свою жизнь и имущество служению «государству восстановление нашего отечества».⁴⁵ Он, вместе с восемнадцатью соотечественниками, придумал заговор с целью убийства. Они должны были пригласить «наших голландских вождей» на июньский банкет в доме Виейры, чтобы отпраздновать день рождения святого, а затем убить их всех. Среди заговорщиков был тайный еврей Себастьян Карвалью, который передал весть о заговоре лидеру Махамада, доктору Аврааму де Меркадо. Доктор, в свою очередь, передал Аврааму Коэну письмо с подробным описанием заговора и подписал его «A Verdade Plus ultra» (Высшая истина). Когда Коэн сообщил принцу Морису о смертельном плане, бывший губернатор попросил его помочь в поимке

предателя.⁴⁶

Виейра, узнав, что его план был раскрыт, собрал своих людей и скрылся в лесистой местности. Коэн вооружил нескольких товарищей, чтобы они пошли за ними. В короткой стычке были убиты два еврея. Коэн и другие зажиточные евреи, пообещав, что «за мертвых нужно отомстить», финансировали правительственную экспедицию по выслеживанию

партизан. Шестьсот голландских солдат и триста индейцев вскоре вышли на след Виейры. Уверенно они строем двинулись в кусты, но попали в засаду мятежников и были разгромлены. Так началась гражданская война, которая была спровоцирована серией плохих урожаев сахарного тростника в 1642, 1643 и 1644 годах, что дало восстанию финансовую поддержку крупных португальских плантаторов. Столкнувшись с экономической разрухой, они отказались от своих долгов и встали на сторону мятежников.

Летом 1645 года произошел ужасный инцидент, имевший серьезные последствия. Солдаты-мятежники, напавшие на остров у берегов Ресифи, захватили голландское ополчение, в состав которого входил отряд из тринадцати евреев во главе с капитаном-евреем. Отделив евреев от других голландских пленников, они повесили их всех. Для командира-мятежника евреи были больше, чем вражеские солдаты: они были предателями. Поэтому португальский лидер не испытывал никаких угрызений совести, вздергивая их и сжигая своего капитана заживо.⁴⁷

Когда известие о зверстве достигло Ресифи, Верховный совет направил португальскому командующему официальное коммюнике, в котором едко спрашивал: «Почему еврейские военнопленные подвергаются мученической смерти таким зверским образом? Они хуже людей, чем мы?»⁴⁸

В Амстердаме еврейский совет Парнасим во главе с Уриэлем да Коста Младший брат Авраам обратился с петицией в Генеральные штаты: «Со слезами крови, текущими из [наших] сердец, прикажите правительству Бразилии гарантировать, что во всех соглашениях с врагом члены еврейской нации будут рассматриваться как другие голландские подданные». Еврейские солдаты, писали они, были добровольцами, «бдительными в своих усилиях против мятежников [и] их неизменная преданность была доказана их осуждением заговора, возглавляемого Иоганном Виейрой, который провалился благодаря Аврааму Коэну и доктору Меркадо».⁴⁹

Обращаясь к искренней вере кальвинистов в Ветхий Завет, в котором Израиль назван народом Божьим, заявители напомнили Генеральным штатам, что Господь любит и защищает Свой народ «во все времена и будет помогать и избавлять от всякой опасности тех, кого Он назвал Своим народом... потому что Бог вознаграждает тех, кто действовал добросердечно по отношению к этой бедной, рассеянной нации». Они завершили свой меморандум, процитировав мольбу царицы Эсфири к царю Ахашверошу: «Если угодно царю, отдай мне мою жизнь — вот моя просьба! Даруй мне мой народ — такова моя просьба!»⁵⁰

В ответ на Парнасим Генеральные Штаты издали *Patenta Onrossa* (Почетную хартию), объявляющую евреев Голландии голландскими подданными, имеющими почти все права,

принадлежащие бюргерскому классу. Этот указ от 7 декабря 1645 года представляет собой первую хартию равенства, которую суверенное государство предоставило

Еврейская нация в Западном полушарии.⁵¹ В связи с этим Верховному совету Новой Голландии было поручено:

Еврейская нация в Бразилии [должна] быть защищена от любого ущерба личности или имуществу, так же, как и все граждане Соединенных Нидерландов... [и] мы будем оказывать предпочтение... еврейской нации во всех случаях... не... делая никаких различий... между ними и нашими другими гражданами... Еврейская нация будет, таким образом... воодушевлена и поощрена к содействовать службе в этом штате и в Вест-Индской компании.⁵²

Из-за гражданской войны к осени 1645 года многие голландские колонисты вернулись в Голландию, и 1450 оставшихся евреев теперь составляли почти половину белых поселенцев. Ресифи оказался в осаде. Немец, работающий на

Рота, проинформированная о том, что среди защитников города находится полк из 350 евреев, рассуждала так: «Евреи, более чем кто-либо другой, находились в отчаянном положении и предпочли умереть с мечом в руках, чем встретить свою судьбу под португальским игом:

пламя».⁵³

Главный раввин позже напишет: «И богатые, и бедные не могли достать еды... мы голодали... ничего не осталось. Любой засохший хлеб считался деликатес».⁵⁴ Мятежники дали голландцам три дня на сдачу и пообещали евреям «пощаду, если они примут Господа Иисуса Христа как своего спасителя». Предложение было отклонено после «ожесточённого спора», когда Авраам Коэн сказал своим товарищам не обманывать себя, что мятежники будут обмануты фиктивным обращением, и предупредил, что «если они попадут в руки португальцев, то будут сожжены на костре».

кол».⁵⁵ Позже четверо голландских беглецов, покинувших город, рассказали мятежникам: «Никто не был против сдачи больше, чем евреи... [которые поклялись] продать свои жизни».

очень дорого.»⁵⁶

Несмотря на лояльность евреев, некоторые священнослужители продолжали их обвинять. Когда началась осада, они пожаловались Верховному совету, что «в день Господень» евреи держат свои магазины открытыми, отправляют своих детей в религиозную школу и заставляют своих рабов работать. Евреи, вместо того чтобы утверждать, что они соблюдают субботу, решили умиловить мелочные умы министров и согласились также почитать

воскресенье как день отдыха. Когда город находился в осаде, у них были более важные заботы, чем спорить о дне Господнем.

Коэн начал собирать деньги, которые поддерживали военные усилия до следующей весны, когда из Голландии прибыли долгожданные корабли с помощью. Не все были довольны его поступком. Те, кто выступал за капитуляцию, обвиняли Коэна в подкупе Верховного совета, чтобы продолжить то, что они считали еврейским войной.⁵⁷(После осады обвинения были сняты, и Коэн был удостоен чести от Совета за свой поступок.)

Патента Онросса подверглась испытанию два года спустя, когда мятежники захватили десять Евреев с голландского корабля приговорили к смерти как «богохульных вероотступников».⁵⁸ Генеральные штаты выразили протест королю Португалии Иоанну, требуя, чтобы с евреями обращались так же, как с другими голландскими подданными. В августе 1649 года король ответил, что мятежники заверили его, что те голландские евреи, которые не были крещены, будут освобождены, но добавил, что он не может вмешиваться в «еретические дела, связанные с ложными

конверсос».⁵⁹Среди последних был двоюродный брат братьев Коэнов Энрикесов, Авраам Буэно Энрикес. Родившийся и крещенный в Португалии, он был объявлен еретиком и передан инквизиции; его приговор неизвестен.

Король Жуан в то время отрицал поддержку восстания, хотя и готовился сделать именно это. Более того, в 1649 году он заручился поддержкой португальских «новых христиан», пообещав им всеобщее прощение и торговые концессии. Предвкушая победу, один из самых богатых португальских конверсо, Дуарте да Силва, договорился с королем об учреждении Companhia du Brasil по образцу голландской Вест-Индской компании. После победы над голландцами компания будет заниматься бразильским сахаром, красильной древесиной и другими импортными товарами, а также поставлять в колонию вино, масло и муку. О работоторговле не упоминалось. Взамен король Жуан пообещал, что поместья акционеров конверсо будут освобождены от конфискации инквизицией, и простил им прошлые преступления.

Одной из печальных ироний в истории этого осажденного народа является то, что расходы на отвоевание и уничтожение первой открытой еврейской общины в Новом Свете легли на плечи Португалии.народ нации((люди Нации). Да Силва предполагал, что возглавит новую компанию, но так не вышло. За год до того, как была выиграна «война божественной свободы», он был заключен в тюрьму как иудаист, и дела Бразилии стали прерогативой короля.⁶⁰

Финальная битва началась 20 декабря 1653 года, когда португальская армада, оплаченная ее Новыми христианами, вошла в Ресифи. Хотя у немногих оставшихся поселенцев было достаточно еды и боеприпасов, чтобы продержаться до тех пор, пока Холланд не пришлет подкрепление,

моральный дух был, как и следовало ожидать, низким. За два месяца до этого Холланд отозвал домой два военных корабля, охранявших Ресифи, чтобы защитить свои порты от возможного морского нападения Англии.

В начале января Авраам Коэн сообщил военному командиру Новой Голландии, что он подслушал, как голландские солдаты говорили, что они скорее разграбят дома богатых евреев города, чем продолжат сражаться. Это событие так разозлило командира, что он немедленно мобилизовал всех в городе и призвал их «защищать себя от своих собственных войск». Это было бесполезно двигаться. Все знали, что дезертирство войск означало конец.⁶¹

Исторические записи Новой Голландии подтверждают идею о том, что ничего из Последствия произошло в колонии без ведома и поощрения Авраама Коэна. Когда Верховный совет решил схватить лидера партизан Виейру, они наняли Коэна, чтобы тот захлопнул ловушку; когда у голландцев закончились деньги на оплату войск, Коэн выдал средства авансом; когда торговцы решили бежать, он заставил Верховный совет выдать оружие евреям, которые поклялись остаться. Сонет, написанный еврейским поэтом Амстердама Даниэлем Леви де Барриосом (1625–79), прославлял Патриотическое поведение Коэна.⁶²В нем, в частности, говорится:

Сегодня Авраам Коэн находится в центре внимания Империи... в течение девяти лет подряд он с великим великодушием помогал бесчисленному количеству евреев и христиан, находившихся в ужасной нищете, предоставляя им все необходимое.

26 января 1654 года сдалась Новая Голландия. Через два дня был занят Ресифи; агенты инквизиции обосновались в замке принца Мориса, а Цур Израиль был превращен в армейские казармы.⁶³Евреям дали три месяца, чтобы уехать или быть переданными инквизиции. Среди 650 евреев, которые оставались до самого конца, были братья Коэн Энрикес и их товарищи из Амстердама. В течение двадцати четырех лет Ресифи был Скалой Израиля. Теперь, под угрозой Святого Огня, евреи были вынуждены снова отправиться по знакомой дороге диаспоры. Вопрос, который их беспокоил, был: куда дальше?

Пока Скала Израиля все еще твердо стояла на Скале Бразилии, в других местах Нового Света полыхало пламя инквизиции. В Перу и Мексике в конце 1630-х и 1640-х годах лидеры двух крупнейших тайных еврейских общин империи были арестованы за заговор

с целью свержения испанского правления. В каждом случае иудействующие обвинялись в участии в La Complicidad Grande, Великом заговоре. Еврейские лидеры Перу были заключены в тюрьму на три года, прежде чем их сожгли на костре, в то время как в Мексике их заключали в «секретные камеры» на срок до восьми лет, прежде чем их постигла та же участь.

Уничтожение двух крупнейших тайных колоний евреев в Новом Свете тяжело отразилось на тех, кто собирался бежать из Ресифи. Чтобы реализовать Святой террор влияние на психику всех евреев-пионеров, нам нужно рассмотреть рост и фискальное господство этих торговых преступников. Следующие отчеты сжато взяты из трудов известного историка Сеймура Либмана о Великом Заговоре в Перу и Мексике.⁶⁴

Самая богатая еврейская община в самой богатой колонии в Новом Свете началась, когда пастух, выдергивавший куст сорняка, к своему удивлению увидел, что камни, прилипшие к корням, на самом деле были кусками серебра. Была обнаружена гора серебра, и в ее тени возникла община евреев, чтобы управлять ею. Со всего Нового Света они приезжали, чтобы торговать драгоценным металлом, который обращался в виде восьмерок, основной валюты того периода. Лучшими стали торговцы серебром из Потоси.

С его серебряной горой и бандами рабов-индейцев, которые заставляли шахту работать без остановки, Потоси представлял собой сюрреалистическое сочетание Калифорнии времен золотой лихорадки и Египта фараонов. В 1622 году город был крупнейшим в Новом Свете (население 120 000 человек, в основном индейцы) и, как сообщалось, был «наводнен» евреями. В отчете инквизиции говорилось: «Потоси заполнен португальцами, всей еврейской нацией... экспорт серебра почти исключительно находится в руках криптоиудеев».

В 1630-х годах, до прибытия Великого инквизитора и его приспешников в белых капюшонах, евреи в Ресифи, Перу и Мексике регулярно общались друг с другом, их сделки подпитывались торговцами серебром. Еврейское богатство и власть в Новом Свете достигли пика. Но к концу десятилетия гора серебра привлекла святош, кричащих о ереси, и тайные евреи Перу стали объектом преследования. Тысячи имен содержатся в протоколах судебных процессов инквизиции Лимы. Главный инквизитор Андрес Хуан Гайтан, который председательствовал на процессах, сказал, что ересь и заговор, а не жадность, заставили его действовать. Другие подвергали сомнению его мотивы, когда он начал путешествовать в серебряной карете, запряженной шестью лошадьми в серебряной упряжи, щеголяющими серебряными подковами.

Тем не менее, учитывая то, что произошло в Бразилии, где фальшивые конверсо помогали голландскому вторжению, нет причин сомневаться в том, что свержение испанского правления в союзе с голландцами было вариантом, который рассматривали

тайные евреи Перу. Как уже отмечалось, когда португальские власти получили эту новость, они немедленно предупредили испанского короля, что захват Бразилии голландцами и евреями был «не столько для того, чтобы стать хозяевами сахара Бразилии, сколько серебра Перу».

В Лиме, столице Перу, агенты торговцев серебром вывозили из страны серебро, добытое на рудниках, и вскоре стали такими же богатыми, как и их поставщики. Не желая играть по правилам меркантилизма, они избегали Севильи и вели дела напрямую с Европой. Во время Великого заговора Перу 1636 года их контрабандная торговля с Европой была больше, чем законная торговля Перу с Испанией. Письмо осведомителя инквизитору Гаитану, цитируемое Либманом, содержало обвинения:

Город полон ими. Все проходит через их руки. Они полностью контролируют торговлю товарами, начиная от парчи и мешковины, от бриллиантов до семян тмина... до самого драгоценного жемчуга и самого отвратительного черного гвинейского золота. Они — хозяева торговли.

Еврейские торговцы, как сообщается, считали испанских христиан «чужаками», чьи интересы «ограничивались добычей серебра», и позволяли им выходить на рынок серебра только в том случае, если они брали еврейского партнера, одобренного Мануэлем Батистой Пересом, описанным в отчете инквизитора как «самый богатый и культурный еврей города». Родившийся в Севилье в 1593 году, Перес переехал в Лиму со своей женой и тремя детьми и солидным капиталом для инвестирования в пользу своих зятьев в Испании. Хотя Мануэль был испанцем, он называл себя португальцем, потому что, как уже отмечалось, испанские новые христиане не допускались в Новый Свет.

Инквизиторы сообщали, что у Переса была огромная библиотека, «[был] хорошо сведущ в теологии... прежде всего в соблюдении Закона Моисея, [и] считался оракулом еврейского народа». Он владел магазинами серебра, инвестировал в банковское дело и владел несколькими караванами мулов, которые перевозили слитки серебра в тысячемильное путешествие через Анды в Лиму (и тайком, через Рио-де-ла-Плата, на юг в Буэнос-Айрес).

Перес, которого евреи называли «Великим капитаном», предстал перед судом как глава La Complicidad Grande. Его обвинили в сборе средств для финансирования голландского вторжения и в заговоре с целью помочь голландской армии. Заговор начал раскрываться, когда торговцу из Лимы было предъявлено обвинение в «соблюдении Закона Моисея» за отказ торговать в субботу. Под пытками он раскрыл имена; последовали дополнительные аресты и пытки, в результате которых были раскрыты еще больше имен.

За два дня было арестовано более сотни евреев. Было бы арестовано больше, если бы, как сообщала инквизиция, «тюрьмы переполнены. Из-за недостатка места мы не приводим в исполнение ряд ордеров в этом городе... люди больше не доверяют друг другу, но ходят в постоянном изумлении от обвинений против друга или товарища, о котором они так много думали». Были арестованы «христианнейшие господа» города:

Ни один из обвиняемых иудействующих не будет взят под стражу, если он не ходил с четками, реликвиями, иконами, лентой Святого Августина, поясом Святого Франциска и другими предметами поклонения, а многие — с рубашками из конского волоса и наставлениями; они знают весь катехизис и всегда читают молитву на четках.

На городской площади Лимы 23 января 1639 года аутодафе осудило шестьдесят одного еврея и отправило Переса и еще одиннадцать человек на очищение огнем. Многие из остальных были приговорены к службе гребцами на испанских галерах, что фактически было смертным приговором, поскольку гребцы обычно умирали до истечения своего срока.

Поместья Переса были проданы с аукциона за современный эквивалент почти 20 миллионов долларов. И эта сумма была недооценена: инквизитор Гаитан заставил своих агентов делать ставки на имущество, и, вероятно, было не самой лучшей идеей оспаривать их ставки. Когда ведущие торговцы обвинили Гаитана в использовании своих полномочий в корыстных целях, он оправдал аресты: «Во-первых, потому что они иудейские еретики. Во-вторых, они сговорились с вторгшимися голландцами взорвать город Гваделупе, с помощью которого они начали проделывать дыру в пороховом погребе».

Какова бы ни была правда обвинения, известный исследователь пришел к выводу, что главным мотивом Гаитана была жадность: «Настоящим преступлением против них и двух тысяч португальцев, проживавших в то время в стране, было то, что они нажили огромные состояния... заговор, приписываемый им с целью отнять у Испании королевство Перу, был политическим предлогом в дополнение к религиозному предлогу. Заклейменные как еврейские революционеры, они не имели возможности спастись».

После великого аутодафе 1639 года денежный мир Перу был перевернут, ведущий банк Лимы обанкротился, и «Старые христиане» стали новым

влиятельные дельцы. Гаитан и его помощники «спекулировали деньгами Священной канцелярии и разбогатели на этом, заводили любовниц и одевались, как молодые особы, в шелка и кружева».

Некоторые из евреев Лимы бежали в Мексику, включая кузена Мануэля Переса, который женился на «первой семье» тамошних евреев во главе с Симоном Ваэсом и его женой Хуаной Энрикес. Но побега не было. В следующем году инквизиция обрушилась на Мексику.

В период относительного мира, до их восьмилетнего кошмара, около трех тысяч евреев тайно расселились по всей Мексике. В Мехико было три конгрегации, которые можно условно классифицировать как ортодоксальную, консервативную и реформаторскую. Между ними были контакты, но у каждой была своя социальная структура и деловые отношения, которые перешли в тюремное заключение. Их падение произошло, когда слуга священника заявил, что однажды летней ночью он подслушал разговор четырех португальцев на городской улице. По сообщениям, они сказали: «Если бы в городе было еще четыре таких же смелых человека, как они, они бы подожгли Дом инквизиции, и инквизиторы сгорели бы».

7 июля 1642 года в результате расследования было объявлено: «Королевство Мексика находится в руках иудействующих!» Власти опечатали границы, и еврейские лидеры начали исчезать. Схваченные после полуночи, они были заключены в «секретные камеры». В конечном итоге более четырехсот евреев были заключены в тюрьму, переполнив тюрьму инквизиции и монастырь по соседству (монахиням пришлось переехать).

Шпионы и пыточные допросы спортузаклученные изо всех сил старались, чтобы их признания соответствовали признаниям других членов общества. портубыла мексиканская версия дыбы: голый заключенный лежал лицом вверх на железной раме кровати, привязанный веревками, прикрепленными к ручкам по бокам кровати. Каждый поворот ручки усиливал тиски давления веревок. Мучитель был ограничен шестью поворотами ручки, так как большее количество поворотов привело бы к тому, что веревки прорезали бы кость, а пускать кровь было против правил инквизиции. Сначала каждая группа сопротивлялась, уверенная, что они будут выпущены, что их связи или план сработали бы. Но время шло, а их ожидаемое освобождение не произошло, признания были сделаны. Отдельные файлы, собранные за десятилетие, достигли сотен страниц. Мучительные годы привели к экстремальным последствиям, включая предполагаемого Мессию; когда же оказалось, что это не так, другая группа обратила взоры на младенца, рожденного в камере инквизиции; другие говорили, что прелестный ребенок, которого они называли «Голубкой», должен был стать Мадонной.

В 1646 году, через четыре года после первого ареста, начались судебные процессы. Каждый год, с 1646 по 1649 год, проводилось аутодафе, и несколько десятков евреев были судимы и приговорены. Аутодафе рассматривались как фиеста, и вся страна выходила на эти Судные дни в столице. Ни один заключенный не знал до кануна аутодафе, будет ли он

или она судимы завтра. Некоторые из обвиняемых провели восемь лет в секретных камерах, прежде чем предстать перед судом. Только четыре еврея были оправданы. Обычный приговор составлял двести ударов плетью и пожизненное заключение. Почти сто были сожжены на костре.

В течение этого кошмарного десятилетия заключенные не переставали добиваться освобождения: ходили горячие слухи — «португальцы посылают армаду, чтобы завоевать Новую Испанию и освободить нас». Сюжеты были запутанными — дядя одного из лидеров был женат на сестре жены королевского адвоката... и немного больше «Джорджа» (денег) сделали бы свое дело. Мечты были в порядке вещей — «Святейший Понтифик и король пошлют всеобщее помилование следующей флотилии, потому что они не позволили бы таким важным семьям выезжать на автомобилях». Но они это сделали.

Независимость Португалии в начале десятилетия остановила проникновение португальский, поток португальских евреев в испанские колонии, и в 1640-х годах те, кто там находился, подвергались все более пристальному вниманию. Король Филипп больше не полагался на евреев в своих колониях, и без его вмешательства аресты и аутодафе после Великого заговора в Мексике уничтожили общину.

К моменту исхода из Бразилии, ликвидация этих двух анклавов снова сделала Новый Свет недоступным для евреев. Накануне их изгнания, у них было немного вариантов: они могли поселиться на одном из небольших островов Карибского моря,⁶⁵ вернуться в Голландию или отправиться дальше на север в колонию, известную как Новый Амстердам. Моисею Коэну Энрикесу в то время было пятьдесят три года, а Аврааму сорок девять. Они и их товарищи отстаивали права евреев большую часть своей жизни. Взяв пример с раввина своего детства, который показал, что возраст не имеет значения, когда дело доходит до продолжения борьбы, старые ребята раввина Палаче были подстрекаемы к действию. Хотя они потерпели поражение в Бразилии и были достигнув среднего возраста, они благодаря своей решимости, креативности и смелости в течение следующих двух десятилетий завоевали большую часть свобод, которыми сегодня пользуются евреи на Западе.

ИСХОД НА ОСТРОВ ЕРЕТИКОВ

ЯВ феврале 1654 года Авраам Коэн торжественно попрощался с друзьями и семьей. в порту Ресифи. После десятилетней гражданской войны голландской Бразилии больше не было; евреи должны были до апреля покинуть страну или быть переданными инквизиции. Коэн и оставшиеся сто или около того еврейских семей отправятся в следующем месяце на борту четырнадцати кораблей, отправленных из Голландии, чтобы доставить их в Амстердам. Все надеялись снова встретиться в другом убежище Нового Света, но пока их будущее было неясным.

В тот день отплыли два корабля — один на Кюрасао, голландский остров к северу от Бразилии, другой на далекий остров в северных краях, купленный голландским поселенцем тридцать лет назад за безделушки стоимостью двадцать четыре доллара и названный его оптимистичным владельцем Новым Амстердамом. На борту судна, направлявшегося на Кюрасао, находился двадцатичетырехлетний сын Коэна Якоб, который должен был присутствовать на свадьбе двоюродный брат-тезка,*⁷и его брат Моисей, который намеревался вернуться к своим морским путям. Взяв курс на другой корабль,СоколВ более амбициозном путешествии участвовали двоюродный брат Коэна Бенджамин Буэно Мескита и двое его сыновей, а также давний друг, вдовец Авраам Израэль и его сын Исаак.

Плавание на Кюрасао прошло без происшествий. Не такСокол's. Намереваясь пристать к французскому острову Мартиника, чтобы высадить пассажиров и пополнить запасы провизии, корабль попал в жестокий шторм. В течение десяти дней штормовые ветры, завывающие с северо-востока, дули наСоколдалеко от курса в западную часть Карибского моря. К тому времени, как шторм утих, беженцы оказались во вражеских водах, «загнанных против их воли встречными ветрами на остров Ямайка».1

Ямайка находилась в середине судоходных путей, связывающих Новый Свет со Старым. С окружающими ее водами, часто посещаемыми пиратами, подстерегающими Нагруженные сокровищами корабли и грузовые суда Испании, все иностранные суда были подозрительными. В конце апреляСоколбыл замечен у юго-восточного побережья Ямайки, и вооруженная эскадра была отправлена, чтобы доставить его в порт. Хотя его капитан Ян Крек объяснил, что его пассажиры — несколько десятков евреев и небольшая община кальвинистов — были беженцами, покидающими Бразилию, власти Ямайки отказались разрешить им отплыть.

Несмотря на очевидную истинность заявления капитана, местные испанские лидеры были заинтересованы в его отклонении. За несколько лет до этого они разработали гнусную схему свержения владельцев острова, наследников Колумба, и получения законного права на их земли. Поскольку остров принадлежал потомкам великого исследователя, независимо от того, насколько большим или процветающим было поместье поселенца, оно не было его. Семья первооткрывателя владела каждым дюймо́м, что делало скотоводов не более чем легализованными сквоттерами. Чтобы получить право собственности на свои эстансии, им сначала нужно было договориться с испанской короной о возвращении острова. Прибытие вражеского корабля с «подозреваемыми еретиками» на борту позволило им привести в действие свой план по изгнанию семьи.

Задержанные пассажиры не могли знать, что они стали пешками в вековом конфликте, который кипел с тех пор, как остров был отдан. В то время как обращенные евреи, работая с семьей Колумба, использовали остров как прибыльную промежуточную станцию для кораблей любой страны и как перевалочный порт для грузов, идущих в Новый Свет и из него, местные идальго кипели от недовольства своим правовым статусом и были полны решимости положить этому конец любыми средствами. Защищенный статус евреев должен был измениться, но не так, как это сделали местные испанцы предполагалось.²

С момента основания Ямайки в 1511 году ее обращенные евреи мирно жили под защитным крылом семьи Колумбус. Они называли себя «португальцами», и хотя их религиозность была под вопросом, никто не мог серьезно усомниться в их добросовестности, пока семья держала остров в недоступном для инквизиции месте. Этот запрет закончился в 1622 году, когда церковный переворот передал местную власть над церковью архиепархии Санто

Доминго.³ С иностранным епископом, связанным с идальго Ямайки, диктующим политику, Священная инквизиция получила доступ на остров. Крупные ранчо Ямайки вслед за этим назначили себя фамильяры инквизиции, и терпеливо ждал возможности заявить, что остров пронизан ересью. Такой

Обвинение дало бы Короне необходимый повод расторгнуть договор с семьей и вернуть Ямайку.

Король Филипп IV был предупрежден с самого начала своего правления, что семья Колумба тайно добывает золото и, работая с португальцами, управляет островом как крупным контрабандным портом. Таким образом, захват еретического судна предоставил идальго повод вызвать Святого инквизитора из Колумбии, чтобы расследовать дело подозреваемых еретиков и также разоблачить португальцев как иудействующих. Ямайка больше не будет подчиняться феодалу, и скрытый золотой рудник вернется к королю.

После объединения иберийских наций в 1580 году ямайские конверсос почувствовали себя в безопасности. Семья Колумбов не только не дала инквизиции омрачить берега Ямайки, но и не пускала туда всех высокопоставленных церковных чиновников. В 1582 году приезжий священнослужитель заявил, что он был первым аббатом, когда-либо посетившим остров. Учитывая наследие Ямайки, остров привлекал мало постоянных поселенцев. В последние десятилетия шестнадцатого века, когда население острова находилось на низком уровне, почти половина была португальцами, а два последующих губернатора сами были конверсос.⁴

Когда столетие подходило к концу, то же самое происходило и с безмятежными днями тайных евреев. В 1596 году судебный процесс между двумя соперничающими наследниками Колумба приостановил право собственности на Ямайку. Поскольку ни один из претендентов не имел права назначать нового губернатора, король Испании назначил своего человека. Последствия были ужасными. Через несколько дней после прибытия губернатор Дон Мельгарехо де Кордова доложил королю, что Ямайка — остров-изгой, существующий исключительно за счет «незаконной торговли»: «Остров — как краеугольный камень, удобное место остановки для корсаров и торговцев, которые наводняют побережье, чтобы оснастить свои корабли и получить провизию из его обильных запасов». Он был также шокирован отсутствием религиозной верности: «Храмы подвергаются жестокому обращению. В главной церкви не служат мессы, потому что она везде протекает, а

стены рушатся».⁵

Португальцы не испытывали угрызений совести, ведя дела с врагами Испании. Торговля с голландскими и английскими судами была прибыльной, а их товары были более доступны, чем промышленные товары и текстиль, перевозимые из Испании, чьи корабли останавливались на Ямайке только для того, чтобы пополнить запасы провизии по пути в богатые города на испанском Майне. Одним из нелегальных торговцев был пират

известный как Мотта Португалец, чьи еврейские потомки сегодня известны на Ямайке и в Панаме. Губернатор обвинил Мотту и его партнера Авраама, «фламандца», в том, что они регулярно посещали Ямайку с базы на Кубе, где они «открывали магазины и [играли] в боулинг, и люди приезжали туда из страны, чтобы вылечиться». По-видимому, Мотта и португальцы разделяли иудейский интерес к литературе, поскольку губернатор обвинил пирата в торговле «запрещены книги, сеющие дурное семя среди туземцев и негров».⁶

Мельгарехо, преследуя незаконную торговлю, инициировал морское патрулирование бригаантиной и двумя военно-морскими катерами, чтобы отпугнуть иностранные суда. Португальцы, столкнувшись с лидером, который намеревался уничтожить их средства к существованию, отвернулись от него. Губернатор пожаловался Его Величеству:

На меня нагло пишут пасквилы, говоря, что я должен позволить им жить и не притеснять их. Они говорят, что однажды ночью они пошлют 100 англичан, чтобы взять меня в плен. Вся эта вражда возникает из-за того, что я защищаю репутацию и приказы Вашего Величества. Я бы наказал этих людей, но нет сильной тюрьмы, и нет никого, у кого я мог бы попросить помощи, кроме самих преступников и их родственников, потому что они повсюду страна... Я в большой опасности, что эти люди могут лишиться меня жизни.⁷

Чтобы обезопасить себя, он набрал четыреста солдат из Пуэрто-Рико и разместил пятьдесят из них у себя дома. Его действия были одобрены Кабильдо Ямайки, руководящим органом из пяти богатых плантаторов. Хотя они также получали прибыль от того, что было известно как «тихая торговля», они видели в ее подавлении возможность дискредитировать семью Колумбус. В конечном итоге расходящиеся интересы португальцев, лояльных семье Колумбус, и скотоводов Кабильдо, которые могли получить право собственности на свои земли только в том случае, если испанский король вернет Ямайку, сделали столкновение между двумя группами неизбежным.

Мельгарехо правил десять лет и добился многого: он заново заселил остров, укрепил его оборону, подавил пиратство и незаконную торговлю, отводя взгляд от обвинений, он был этим активно занят.⁸ Но он оказался ни с чем в своих поисках золотого рудника Колумба. В своем последнем послании королю он написал, что уверен, что рудник был спрятан в Голубых горах, но двое

Посланные им экспедиции не нашли его.⁹

В 1622 году неподходящий наследник Колумба, Дон Нуньо Колон, был утвержден в качестве правителя острова. Однако, прежде чем он смог восстановить контроль своей семьи над Ямайкой, два лидера Кабильдо организовали церковный переворот, который грозил разоблачить португальцев как евреев. Действуя при попустительстве Корона, их лидер, Франсиско де Лейба, самопровозглашенный «король Ямайки»,¹⁰ вместе со своим двоюродным братом Санчесом Исасси, вступил в заговор со старшим сыном Исасси, членом церковной иерархии в Санто-Доминго, с целью захватить контроль над

Ямайская церковь. Поводом послужил Синод Карибских Церквей 1622 года.¹¹ Филипп III умер годом ранее, и после коронации его сына Филиппа IV прелаты региона призвали нового короля спонсировать церковную конференцию в Санто-Доминго для переосмысления политики по вопросам христианского вероучения.

В течение последующего четырехмесячного синода были приняты сотни указов, включая один на заключительном заседании, который — в отличие от других — не получил

комментариев. Подробности неизвестны, но результатом этого конкретного постановления стала передача юрисдикции над ямайской церковью архиепископу Санто-Доминго и его суффрагисту (помощнику епископа), который оказался сыном Исасси. Когда конференция закончилась, главные заговорщики, Лейба и Исасси (которых Мельгарехо восхвалял как «ведущих колонистов, которые поддерживают, защищают и обороняют государство»), были приведены к присяге в качестве офицеров инквизиции.¹²

С этим в политику Ямайки вошла новая сила, которая противостояла семье Колумба и ее главным союзникам, португальцам. Под носом у Дона Нуньо Колона, некомпетентного правителя, который, возможно, даже не посещал остров, члены Кабильдо начали использовать свою власть для поддержки тайных действий Короны по возвращению Ямайки. Их маневры получили импульс после потери королем в сентябре 1622 года его золотого судна, Нуэстра Сеньора де Аточа. Возвращаясь из Гаваны, галеон был потрепан ураганом у берегов Флорида-Кис и затонул с сорока семью тоннами золота и серебра, которые были так необходимы Филиппу, чтобы заплатить свой долг кредиторам. Какую бы ценность Ямайка ни имела, он теперь хотел.¹³

Португальцы, чувствуя, что их дни сочтены, искали помощи в первую очередь в Голландии. Голландские каперы были активны в Карибском море и регулярно останавливались в портах Ямайки. Но, как и Мозес Коэн Энрикес, они были отдельными корсарами

чьей специальностью был захват кораблей, а не стран. Единственная голландская группа, которая могла осуществить полномасштабное вторжение — Голландская Вест-Индская компания — была тогда занята мобилизацией для своего вторжения на два фронта в Бразилию и Перу в следующем году.

Хотя голландцы не были заинтересованы в захвате Ямайки, Англия была заинтересована. В 1597 году сэр Энтони Ширли, капер, чье мародерство частично финансировалось королевой Елизаветой, вторгся на Ямайку. В течение двух недель он занимал столицу Ла-Вегу и грабил сельскую местность, а затем написал: «Мы не нашли в Индиях более приятного и полезного места. Оно изобилует говядиной и маниоккой, и самыми приятными фруктами. Это чудесный плодородный остров, и это сад или склад для испанского Майна».¹⁴ Английские торговцы, часто посещавшие порты Ямайки, разделяли энтузиазм Ширли. Но как бы ни было заманчиво завоевание, потребовалось обещание португальцев заполучить золотую легенду Ямайки, чтобы соблазнить англичан на вторжение.

В начале века англичане стали пионерами северных территорий Нового Света, поддерживая едва сохранившиеся колонии в Вирджинии и на Бермудских островах, а также диссидентское поселение

пилигримов в стране, которую они называли Новой Англией. Но в этих местах не было ни золота, ни серебра, и они находились далеко от торговых путей, по которым богатства Нового Света везли испанскому королю. И поэтому они обратили свой взор на юг. Как писал сэр Уолтер Рэли, «Именно его индейское золото подвергает опасности и беспокоит все

нации Европы».15Рэли был еще одним сыном Девона, родины Джона Хокинса и сэра Фрэнсиса Дрейка, английских героев, которые раскрыли уязвимость Испанской империи и богатство, которое ждало отважного авантюриста. Но, в отличие от них, сэр Уолтер не интересовался контрабандой или пиратством. Растратив свое состояние на колонизацию Вирджинии, он искал индейское золото.

Главной среди золотых легенд был Эльдorado, мифический город в Андах, превосходящий по богатствам Мексику и Перу. Говорили, что он находился у большого озера, за которым стоял золотой холм. Дважды во время правления Елизаветы Рэли отправлялся на поиски эфемерного королевства. Как и десятки авантюристов до него, все, что он нашел, были джунгли, болота, эпидемия и враждебные туземцы.

Когда в 1603 году королем стал Яков I, Рэли был отправлен в Тауэр по сфабрикованному обвинению в измене, но из-за своей популярности Джеймс отказался от смертного приговора. Следующие тринадцать лет Рэли томился в Тауэре и мечтал снова попытаться найти Эльдorado. Двое молодых королевских особ, которые часто навещали его и разделяли его фантазии, были сын Якова Чарльз и Джордж Вильерс, любимец короля, которым вместе удалось добиться свободы своего героя, чтобы он снова мог искать золотой город.

Когда экспедиция Рэли отплыла, король Джеймс, совершив одно из величайших предательств в истории, доверился испанскому послу Гондомару, что задумал Рэли. Делая это, он надеялся наладить отношения с послом, поскольку отношения были напряженными после суда над Палаче три года назад. Если бы Рэли осуществил свою мечту, Джеймс не отказался бы от своей королевской пятой, но все равно он считал благоразумным дистанцироваться от этого деяния, вручив Гондомару «точный перечень кораблей Рэли, вооружения, портов захода, даже карту его предлагаемый маршрут».16Когда Рэли прибыл к верховьям реки Ориноко на северном побережье Южной Америки, испанцы ждали его с заряженными пушками и разбили его экспедицию. Сэр Уолтер хромал обратно в Англию сломленным человеком. Гондомар потребовал аудиенции у Джеймса. Разъяренный, он выплюнул: «Я буду краток. Рэли и его капитаны — пираты и должны быть отправлены в цепях в Испанию, чтобы

будет повешен на площади Пласа-Майор в Мадриде».17Король обещал удовлетворение. Пять недель спустя он отправил Рэли на плаху.

Рэли потерял голову, но его поиски легендарных богатств в Новом Свете были подхвачены молодыми королевскими особами, которые подружились с ним. Вместо Эльдорадо они предпочли другую позолоченную фантазию, о которой шутили в придворных кругах с тех пор, как Адмирал Океанского моря вернулся из своих исследовательских походов. О Новом Свете ходило множество необычных легенд, и было достаточно оснований верить в них, поскольку земля была полна богатств. К 1600 году Испания получила в три раза больше золота, чем было в обращении до путешествия Колумба, а серебряная гора Перу добывалась в течение ста лет в возрастающих объемах, и ее превзошло только открытие в Мексике еще одной горы серебра.

Так вот, легенда о потерянном золотом руднике Колумба была подхвачена сыном короля и Джорджем Вильерсом. Возможно, не столь соблазнительна, как Эльдорадо Рэли, не столь задумчива, как Фонтан молодости Понсе де Леона, и не столь неуловима, как

Семь золотых городов Коронадо, скрытая шахта Колумба, «еще не открытая король Испании или любой другой»,18имел собственную магнетическую привлекательность. Говорили, что он находится где-то на горном острове Ямайка, где великий первооткрыватель провел год в заточении. Его привлекательность была такова, что когда Рэли готовился к своему последнему путешествию, Гондомар (пока Джеймс не сказал ему обратного) подумал, что Ямайка стала целью, и уведомил Мадрид, чтобы тот предупредил остров об укреплении и подготовке к вторжению.

Летом 1623 года Джордж Вильерс с молодым принцем Чарльзом на буксире был в Мадриде с фантастической супружеской миссией, которую он и Гондомар вынашивали, чтобы женить принца на инфанте Испании, семнадцатилетней принцессе Марии. Когда стало очевидно, через череду злодеяний, что так называемый испанский брак не осуществится, придворный шпион, находившийся в контакте с португальцами Ямайки, передал Вильерсу: в обмен на успешное вторжение на остров они будут откормить своему освободителю тайное местонахождение легендарной шахты.19

Предложение испанского шпиона пришлось по душе Вильерсу, чей эгоизм не знал границ. Десять лет назад он был представлен королю Якову в лондонском театре и стал любовником и доверенным лицом как короля, так и его сына Чарльза, сдержанного принца Уэльского. Он поднялся от королевского чашника до герцога Бекингема, и его быстрый взлет не связывал его ни с кем, кроме короля.

«Секретная увертюра» была сделана во дворце Эскориал, где Вильерс и Чарльз разместились в соседних апартаментах во время своей миссии по осуществлению испанского брака — брака, который предотвратил бы надвигающуюся войну с Испанией и сделал бы Вильерса крестным отцом объединенной Европы. К сожалению, когда Чарльз попытался ухаживать за инфантой в королевском саду — куда был строго запрещен вход всем, кроме королевской семьи, — нежная, почтительная девушка убежала с криками, что она «скорее войдет монастырь», чем выйти за него замуж.²⁰

В последующие дни герцог утешал Чарльза. Они вернутся домой, объявят войну Испании и отправятся на поиски сокровища, о котором говорили с момента его открытия: затерянного золотого рудника Колумба. Он почерпнул эту идею из тайного доклада, полученного от секретаря испанского короля Дона Хермина, который увидел в очевидном провале матча возможность приобрести для себя долю в руднике.

Секретная записка Гермина герцогу содержала подробный отчет о его опыте годом ранее, когда он был отправлен под прикрытием на Ямайку королем и его первым министром, графом-герцогом Оливаресом, чтобы разузнать о шахте у португальцев, единственных людей, которые, как считалось, были посвящены в ее тайное местонахождение. Как только он завоевал их доверие, его отвезли в изолированную долину в суровой внутренней части Ямайки: «где земля черная, ручейки обнаруживают источник шахты». Золото, как он заметил, «находится у поверхности Земли и скатывается вниз по рекам... Вейн между скалами всего два дюйма ширины». В качестве доказательства того, что он был на шахте, Гермин выгравировал свои инициалы на камне, который спрятал у входа в шахту.

Обрадованный своей находкой — ему обещали десятую часть прибыли, — он вернулся в Испанию и сообщил о своем открытии Оливаресу. Чтобы заполучить рудник, он предложил, чтобы Корона разоблачила португальцев Ямайки как еретиков-предателей, чтобы оправдать возвращение острова. К его удивлению, вместо того, чтобы приветствовать эту новость, Оливарес заключил его в тюрьму, и он был освобожден только после того, как министр поклялся молчать, предупредив, что если он расскажет кому-либо о руднике, это будет означать его смерть.

Оливарес редко отходил от Филиппа. С того момента, как его королевскому подопечному исполнилось тринадцать, он руководил его обучением. В 1621 году, когда шестнадцатилетний Филипп стал королем, Оливарес стремился сформировать его в великом стиле Карла V. Было одно серьезное препятствие: Испания была в долгах. Чтобы восстановить ее финансовое благополучие, ему нужно было подружиться с теми самыми людьми, которых Гермин предлагал разоблачить.

Граф-герцог Оливарес был искренним *converso*, набожным католиком, который носил на шее часть Истинного Креста и хранил другие реликвии, с которыми он регулярно молился. Однако его вера не мешала его главной цели: оживить экономику Испании, заигрывая с теми, кого он позже назовет, защищая сам от инквизиции, «самый коварный из всех еретиков — иудеев».21

Серебро Нового Света питало Империю. Нуждаясь в промежуточных займах до прибытия ежегодного серебряного флота, Оливарес заключил контракт с генуэзскими банкирами, которые, к его огорчению, регулярно повышали процентную ставку. После одного чрезмерного скачка Оливарес заявил, что не позволит Испании быть взятой в заложники из-за их сговора, и обратился к финансистам-конверсо в Лиссабоне, которые предложили более низкие процентные ставки. Хотя их преданность Христианство вызывало подозрения — некоторые из них тайно жили как иудеи на протяжении столетия или даже больше — Оливарес уговаривал их переехать в Испанию, обещая всеобщее прощение и другие поощрения.

Лиссабонские банкиры были одной частью плана Оливареса по финансированию империи; другой частью было привлечение тех, с кем они имели дело: торговцев, трейдеров, бухгалтеров, страховщиков и покупателей товаров, все *conversos*, которые со своими иностранными агентами доминировали в торговле империи. Оливарес видел в этом изгнанном предпринимательском классе непревзойденных создателей богатства и верил, что их присутствие в Испании принесет новые доходы. В Новом Свете они помогли внедрить систему, которая направляла всю зарегистрированную торговлю через Испанию, одновременно создавая параллельную торговую сеть, которая незаконно переправляла большую часть богатства Нового Света за пределы империи. Во времена Оливареса эта незарегистрированная торговля, называемая «тихой торговлей», откачивала свыше 25 процентов потока серебра для оплаты европейских товаров и рабов, незаконно ввезенных в Новый Свет. Взамен предприниматели-конверсо отправляли товары из Нового Света напрямую в Амстердам, Бордо, Ливорно и другие порты, где еврейские торговцы были желанными гостями, пока они сохраняли христианский фасад. Побуждая этих изгнанных конверсо вернуться, Оливарес надеялся сделать Испанию базой для этой прежде незаконной торговли.

Его генеральный план по привлечению конверсос включал тех, кто находился на Ямайке. Помимо связи острова с сетью «тихой торговли», его стратегическое положение было неотъемлемой частью его оборонительного плана для Карибского моря. Как писал Хермин, «Ямайка лежит в чреве Нового Испанского моря и господствует над Мексиканским заливом... все флоты, которые приходят с материка, должны проходить в поле ее зрения». Чтобы защитить судоходные пути, Оливарес призвал разместить четырнадцать военных кораблей, базирующихся в основном на Ямайке, для патрулирования моря. Поэтому не предвещало ничего хорошего осуществление его карибской обороны и его ухода за конверсос путем принятия плана Хермина разоблачить тех конверсо, которые живут на Ямайке.22

Отвергнутый и заключенный в тюрьму своими бывшими покровителями, Хермин обратился к Вильерсу, который согласился предоставить ему «те же условия, которые обещал ему король». Но теперь, вместо того, чтобы разоблачить португальцев, Хермин предложил Вильерсу объединиться с ними, чтобы завоевать остров для Англии. Скрытые евреи Ямайки, давно и надежно обосновавшиеся как португальские конверсос, сообщили Хермину, что теперь им угрожает разоблачение инквизицией, и предложили помочь вторгшимся

армия. Успех был обеспечен, потому что португальцы составляли «большую часть 800 человек оборонительной силы острова... [и] ничего так не жаждали, как освободиться от испанского ига». Их ненависть к испанцам «была столь велика, что они никогда не смогли бы открыть им свои секреты», но открыли бы своему освободителю местонахождение «секретной золотой шахты, которая еще не была открыта королем Испании или кем-либо другим».

Хермин сказал Бекингему, что отправится на Ямайку, чтобы подготовить почву для вторжения, но когда англичане ушли, амбиции перебежчика были нейтрализованы, когда Оливарес отравил его.

После мадридского фиаско и смерти короля Якова в 1625 году герцог был вовлечен в череду неудачных авантур, которые закончились его убийством. В течение четырех лет (1625–28) он проектировал внешнюю политику Англии таким образом, чтобы отомстить за личные обиды и продвинуть сиюминутные интересы. Герцог думал, что сможет достичь своих иностранных целей, смело нападая. Он мог застать врасплох мадридский двор и скрыться с инфантой, вторгнуться в Кадис, родной порт Испании, и захватить флот с сокровищами, освободить Ла-Рошель и освободить гугенотов. Его видение было героическим, но его кампании были плохо оснащены и плохо спланированы. После каждой неудачи его побежденные люди хромали домой.

Историки сходятся во мнении, что во время его убийства в 1628 году герцог собирался отправиться в еще одну экспедицию, чтобы освободить протестантов Ла-Рошели. Однако есть убедительные доказательства того, что эта миссия была фиктивной. Это раскрывается при изучении тайника государственных документов, составленного в 1668 году главным министром Карла II лордом Кларендоном и хранящегося в Бодлианской библиотеке. Эта коллекция, никогда не упоминаемая историками более чем сносками, включает в себя транскрипцию Кларендона четырнадцатистраничного «Секретного открытия... герцогу Бекингемскому» Гермина, пошагового плана завоевания Нового Света с использованием Ямайки в качестве базы.

Дополнительные доказательства можно найти в переводе Кларендона подписанного договора Вильерса и шведского короля Густава Адольфа, который раскрывает план Вильерса захватить Ямайку, завладеть золотым рудником и провозгласить себя абсолютным монархом. Договор в форме контракта, написанный на латыни и подписанный в Стокгольме, датирован 28 марта 1628 года, всего за два месяца до убийства Бекингема. Он касается обещанной

Густавом помощи в завоевании и его доли в доходах от

«секретная золотая шахта».23Швед обязуется признать герцога «абсолютным принцем и сувереном» Ямайки и послать «четыре тысячи футов и шесть

Военные корабли по пятьсот тонн с пушками и боеприпасами». Расходы флотилии должны быть оплачены «из доходов Территории и Золотых рудников». Густав обязуется защищать герцога не только от испанских нападений, но и, что интересно, «от всех пуритан с Барбадоса или других мест». Взамен «герцог Бекингем ежемесячно выплачивает нам десятую часть прибыли [подлежащей выплате]».

За двенадцать дней до убийства герцога новый военный корабль Густава, Васа, который должен был принять участие во вторжении на Ямайку, был «накренён сильным ветром сразу после спуска на воду». С открытыми орудийными портами корабля, гордо демонстрирующими его шестьдесят четыре бронзовых пушки, Васа затонул в Стокгольмской гавани, утонув при этом в воде пятьдесят членов экипажа.

Тем временем на Ямайке угроза инквизиции несколько ослабла. В 1626 году новый наследник Колумба, известный как Адмирал, был утвержден в своей должности и назначил Франсиско Террилла, сильного губернатора, который выступал против Кабильдо. Его «высокомерные манеры» привели к его отзыву, поэтому в 1631 году Адмирал назначил того, кому он мог доверять: Хуана Мартинеса де Арана, потомка еврейской любовницы Колумба Беатрис Энрикес де Арана, матери Фернандо. Хотя власть Кабильдо ослабла, прежнее господство короля над Ямайкой в первой четверти семнадцатого века подогрело его аппетит к возвращению острова. В 1635 году он поручил Королевской Аудиенсии Санто-Доминго «секретно доложить, какие выгоды Адмирал имеет на острове Ямайка и целесообразно ли Его Величеству принять их». В отчете, выпущенном в 1638 году, рекомендовалось:

Ваше величество [должно] захватить остров [потому что Ямайка] является выходом для всех кораблей, которые достигают его и обманывают Королевскую казну Вашего Величества... это большой остров с большим запасом продовольствия... он расположен так, что все корабли и флоты проходят в пределах его видимости... Если враг обоснуется там, ни один из НАШИ корабли вырвутся из их рук, и флот подвергнется большому риску.24

Отчет отражал точку зрения Кабильдо и был подготовлен с их помощью. Отношения между ними и верными сторонниками семьи Колумба еще больше обострились в 1640 году, когда после шестидесятилетнего союза Португалия

вернули себе независимость. Когда новость достигла Ямайки, она расколола колонию. Испанские скотоводы, верные Испании, выступили против португальцев, верных наследнику Колумба, который по воле судьбы был дальним родственником нового короля Португалии. По мнению Кабиљдо, защитник евреев теперь находился во вражеском лагере. Благодаря вмешательству скотоводов, беспокойных португальцев начали изгонять с острова.

К 1643 году ситуация настолько обострилась, что португальцы приветствовали английского пирата как своего освободителя. Капитан Уильям Джексон, капер в традициях сэра Фрэнсиса Дрейка, разграбил Ямайку и вернулся домой, убежденный, что Англия может рассчитывать на евреев, которые помогут во вторжении. В его отчете Комитету по делам колоний отмечалось:

Во время нашего пребывания на борту в городе, несколько португальцев, которых испанцы не пускали к нам, выразили большую привязанность к англичанам и предложили отвезти нас туда, где испанцы спрятали всю свою посуду и сокровища, которые, как они утверждали, были больше, чем мы могли себе представить, но мы сочли неуместным нарушать наш прежний договор... Мы понимали, какое внутреннее желание у них было сменить своих старых хозяев, и, казалось, очень обрадовались, когда мы сказали им, что намерены вскоре прийти и выбить испанцев с этого острова, что вполне соответствует старой традиции, давно укоренившейся в **ЧТО ОДНАЖДЫ** они попадут под власть англичан.²⁵

Португальцы Ямайки были готовы тут же помочь в захвате острова, курс, подтвержденный командой Джексона: «Все наши люди прельстились желанием обосноваться здесь, и с этой целью наш генерал поручил нашему заселению» (двадцать три человека из команды дезертировали и остались на Ямайке). Но Джексон хотел добычи: «По настоянию Балтазара, португальца с Ямайки, мы отплыли в Рио-де-ла-Ача [Колумбия], место, очень богатое жемчугом и жемчугом. Балтазар убедил нашего генерала предпринять этот замысел, который был очень обнадеживающим, если бы успех оказался столь же удачным». Но удача была не на их стороне. Плохая погода вынудила Джексона вернуться на Ямайку. Балтазар, не желая, чтобы англичане ушли с пустыми руками, предложил им захватить корабль в гавани. «По указанию Балтазара мы взяли испанский фрегат в гавани рядом с тем местом, где мы раньше стояли на якоре, нагруженный шкурами, сахаром и другими провизии и направлялся с пассажирами в Картахену».²⁶

Бальтазар действовал при поддержке других португальцев. Его помощь в захвате испанского корабля была рассчитана на то, чтобы внушить англичанам, что их лояльность не была привязана к Испании. Этот маневр не ускользнул от внимания Кабильдо, которое фактически управляло островом. После набег Джексона колония едва не самоуничтожилась. В октябре 1643 года губернатор «умер пленником без охраны в своем собственном доме».²⁷ В течение нескольких часов Кабильдо предпринял попытку переворота и снова обратился к королю, чтобы вернуть себе остров. В одном из рассказов упоминается гражданская война.²⁸ Обвинения не детализированы, но ранний историк отметил, что вследствие предательского поступка Бальтазара «внутренние разногласия вскоре оказались... катастрофическими. Испанские поселенцы поссорились с португальскими, и некоторые из последних были изгнаны из колонии».

Среди них был Бальтазар, который впоследствии стал известным пиратом, чьи подвиги и смелые побеги были описаны «Босвеллом пиратов», автором пиратских романов Джоном Эсквемелином. Цифры о числе изгнанных евреев варьируются от тринадцати семей до «почти всех колонистов того нация».²⁹ Десять лет спустя, когда британцы завоевали Ямайку и вошли в Ла-Вегу (где проживало большинство португальцев), они увидели больше домов, чем жильцов: «Заброшенные дома в столице свидетельствовали о нехватке жильцов...

Город был малонаселенным по сравнению с предыдущими годами».³⁰

Капитан Джексон представил свой отчет в Комитет по делам колоний, среди видных членов которого был будущий завоеватель Ямайки Оливер Кромвель. Историки утверждают, что Ямайка не была частью его плана вторжения в Индию, поскольку Ямайка не упоминается. Но, учитывая то, что произошло во время рейда Джексона, и его восхваление Ямайки как «Рая на Земле... с наслаждением и изобилием всего необходимого, дарованного природой», трудно понять, почему Кромвель не нацелился на Ямайку. Действительно, как показывает следующая глава, испанцы не сомневались, что завоевание Ямайки было приоритетной целью «Великого Западного Замысла» Кромвеля, чтобы закрепиться в сказочно богатом Новом Свете.

Такова была ситуация в апреле 1654 года, когда «еретический корабль» из Ресифи был доставлен в порт на Ямайке. Кабильдо задержал еврейских и кальвинистских беженцев на борту Сокол, и отправил гонца в Картахену, ближайший Святой

Офис, запросив слушание, чтобы определить, что делать с подозреваемыми еретиками. По-видимому, их ответ был, чтобы избежать проблем с Голландией: освободить кальвинистов и всех евреев, которые не были крещены, поскольку юрисдикция инквизиции была ограничена рецидивы — *conversos*, которые открыто вернулись в иудаизм. В июле Кабильдо освободил кальвинистов и двадцать три так называемых рожденных еврея (из них семнадцать были детьми). Среди освобожденных были Авраам

и Исаак Израиль, а также два сына Бенджамина Мескиты, Иосиф и Авраам, но сам Бенджамин был задержан. Сколько еще семей было разлучено, неизвестно, как и неизвестно число тех, кто все еще находится в заключении.

Расширенная семья Иссасси доминировала в Кабильдо и занимала влиятельные позиции в Пуэрто-Рико и на Кубе. Но на своей родной базе, на Ямайке, семья Колумбус загнала их в тупик. Фамильяры инквизиции, они надеялись использовать ее силу, чтобы вызвать беспорядки — достаточно, как они надеялись, чтобы корона вмешалась и назначила своего лидера, Франсиско де Лейбу, эквивалент того, что он уже называл себя «королем Ямайки». Захват еретического корабля предоставил им повод вызвать Святого инквизитора из Колумбии, чтобы расследовать подозреваемых еретиков и, оказавшись там, также разоблачить португальцев острова как иудействующих. Они больше не будут подчиняться феодалу, и ямайский золотой рудник вернется к королю.

Задержав евреев, Кабильдо перегнул палку. Их действия оказались смертельным просчетом, который вызвал возобновление усилий со стороны португальцев Ямайки по свержению испанского правления. Опасаясь, что любое расследование беженцев перерастет в расследование их собственной жизни, евреи Ямайки снова попытались соблазнить иностранного освободителя обещанием золота. Поскольку ни одно судно не ходило напрямую из Ямайки в Голландию, их послание было доставлено сначала в Новый Амстердам, а затем в Голландию Авраамом Израилем, который убедил Кабильдо он «родился евреем».³¹

The Сокол, получив разрешение покинуть Ямайку, отплыли в близлежащий мыс Св. Антония на Кубе, известный порт, часто посещаемый судами в Мексику и из Испании. Пребывание беженцев там не было сопряжено с риском, поскольку они были допущены на Ямайку и имели необходимые документы, подтверждающие это. Через несколько недель они получили проход в Новый Амстердам на небольшом французском фрегате, Святая Екатерина.

7 сентября 1654 года, когда корабль беженцев бросил якорь в Нью-

В порту Амстердама их встретила странная фигура, пышно одетая, как павлин, и разгуливающая «с большой торжественностью и помпой» на деревянной ноге, обмотанной серебряными полосами. Это был Питер Стайвесант, губернатор колонии. Местные жители подшучивали над его претенциозными манерами, называя его «Великим князем Московским», но он двигался среди них с демонстрацией силы, которая давала им понять, что он человек, которому следует подчиняться.

Губернатор Стайвесант приветствовал кальвинистов, но не евреев. Он хотел, чтобы они ушли. Семимесячное путешествие — из Ресифи на Ямайку, на Кубу, в Новый Амстердам — оставило их без средств. Они были должны капитану корабля Жаку де ла Мотту больше, чем стоили их вещи. Стайвесант написал Компании: «Почти все прибывшие евреи хотели бы остаться, но опасаясь, что изза своей нынешней нужды они могут стать обузой в грядущем Зимой мы любезно потребовали от них уйти».32

Стайвесант продолжил раскрывать свои истинные чувства, которые не имели ничего общего с их финансами. Из-за их «обычного ростовщичества и обманной торговли с христианами», — писал он, «мы молимся, чтобы эта лживая раса — такие ненавистные враги и богохульники имени Христа — не была допущена к дальнейшему заражению и беспокойству этой новой колонии». Его письмо, датированное 22 сентября 1654 года, соответствует дате отплытия первого судна, направлявшегося в Амстердам с тех пор, как Св. Екатерина прибыл. Вместе с письмом на борту был и Израиль.

Через девять месяцев после того, как Авраам Коэн проводил своих кузенов в Ресифи, он ничего не слышал ни о них, ни о других Сокол. Среди его коллег из Амстердама царило ощущение, что корабль затерялся в море. Получив предупреждение от начальника порта о том, что разгружается корабль из Нового Амстердама, Коэн поспешил на пристань. Тревога сменилась облегчением, когда Израиль высадился и заверил его, что все живы. Но остальные новости были не очень хорошими: племянники Коэна, мальчики Мескита, были освобождены, но их отец, Бенджамин, и другие все еще находились в заключении на Ямайке, а те, кто добрался до Нового Амстердама, были разорены, в долгах и находились под угрозой высылки.

На следующее утро, после богослужения, воссоединившиеся друзья встретились с шестью офицерами синагоги Парнассим. Поскольку их братья на Ямайке были гражданами Нидерландов, было решено, что их задержание было незаконным. После этого они подали петицию правительству, утверждая, что инцидент был «международным возмущением... [и что] освобождение еврейских заключенных следует обратиться к королю Испании, а голландским консулам в Кадисе и Сан-Себастьяне следует вмешаться в это дело».33

Ответ Генеральных штатов был и немедленным, и прямым. 14 ноября они написали своим консулам: «Это дело [считается] нами очень серьезным», и продиктовали «срочную просьбу» Государственному совету короля Испании, «чтобы испанские власти не позволяли инквизиции или кому-либо еще приставать [к евреям]... и разрешили им вернуться домой... Эта просьба соответствует мирному договору, существующему между королем Испании и

Правительство Нидерландов».34Нет никаких записей об ответе короля, но он, очевидно, приказал Ямайке освободить задержанных, поскольку через шесть месяцев, когда английские войска захватили остров, никого из них там не было.

После успешного протеста по делу Ямайки Коэн и четыре члена Парнассима, включая Бенто Осорио, вышеупомянутого лидера Братства, и брата Уриэля да Косты Авраама, были уверены, что Компания в Новом Амстердаме отменит решение Стайвесанта и разрешит еврейское поселение. Годами Компания поощряла других селиться там, даже предлагая бесплатный транспорт, земельные наделы и налоговые льготы. На основании прав, предоставленных им в Бразилии Патентой Онросса, и того факта, что все они были основными акционерами Компании, они предполагали, что их люди также будут желанными гостями.

Но хотя Генеральные штаты действовали быстро и решительно, чтобы выразить протест против задержания евреев на Ямайке, прошло три месяца, прежде чем директора Компании с опозданием и неохотно отклонили просьбу Стайвесанта. 15 февраля 1655 года они написали ему: «Мы хотели бы исполнить ваши пожелания, чтобы новые территории не были заражены еврейской нацией», но, ссылаясь на давление со стороны еврейских акционеров и «значительные потери, понесенные этой нацией в Бразилии», го-
Была рекомендована мягкая политика.³⁵

В следующем году (1655–56), в свете вялой поддержки Компании, Стайвесант, его шериф и лидеры кальвинистов колонии выступали против евреев на каждом шагу. В серии судебных исков сыновья Авраама да Косты, Авраама Израиля и Авраама Коэна — Иосиф, Исаак и Якоб соответственно — продолжили борьбу своих отцов. В конечном итоге суды встали на их сторону, добившись основных прав для евреев в том, что в будущем будет считаться землей

бесплатно.³⁶

Во время своего заключения на Ямайке Израиль и Бенджамин Мескита узнали о шахте Колумба от португальцев. Полагая, что истинным намерением Кабиљдо, пославшего за инквизитором, было заставить его разоблачить их собственный тайный иудаизм, португальцы доверились Израилю, что остров созрел для захвата, и предложили раскрыть секретное местонахождение шахты в качестве стимула. Поэтому Израиль не только передал новости о том, что на Ямайке находятся голландские евреи и что Стайвесант хочет их выселить, но и рассказал Коэну о шахте. Это стало очевидно восемь лет спустя, когда трое из них — Израиль, Мескита и Коэн — заключили партнерство с королевскими сыновьями принца Карла I и Джорджа Вильерса, чтобы выполнить задачу своих отцов по поиску золота Колумба.

СЕКРЕТНЫЕ АГЕНТЫ КРОМВЕЛЛЯ

АПозвольте евреям вернуться в Англию, и Мессия придет». Это, по сути, было провидческое обещание, которым амстердамский раввин поделился с новым правителем Англии, цитирующим Библию. Это было в сентябре 1654 года, в том же месяце, когда двадцать три еврейских беженца из Новой Голландии наконец прибыли в Новый Амстердам, только чтобы узнать, что им здесь не рады. В декабре предыдущего года Оливер Кромвель стал лордом-протектором Содружества, положив конец двенадцатилетней гражданской войне в Англии.

Вскоре после победы пуритан Кромвель завершил двухлетнюю войну своей страны с Нидерландами. Хотя исход того, что известно как Первая англо-голландская война, был неопределенным (морские соперники сражались еще дважды в последующие два десятилетия голландцы потеряли 1500 кораблей.¹ Этот удар по морской мощи республики, в сочетании с потерей бразильской колонии, не оставил Голландию в состоянии войны с Испанией, не говоря уже о вторжении на Ямайку. Поэтому, пока Коэн и Парнассим убеждали Генеральные штаты официально выразить протест против задержания Ямайкой ее еврейских граждан, голландцы не собирались начинать войну из-за инцидента.

Израиль и Коэн, зная об этой *realpolitik* и о беседе раввина с Кромвелем, обратили взоры на Англию. Они были посвящены в план Кромвеля по вторжению в Новый Свет и считали, что две цели — возвращение евреев в Англию и освобождение евреев Ямайки — могут дополнять друг друга. Несмотря на их преданность Голландии, национальная лояльность отошла на второй план по сравнению с возможностью обеспечения двух новых родин для своего народа — в Англии и на Ямайке.

После окончания голландской войны Кромвель провел лето 1654 года, разрабатывая то, что он назвал своим Великим Западным Планом, амбициозным планом создания

Протестантская империя в испанском Новом Свете. Таким образом, была подготовлена сцена для его положительного приема Израиля и предложения Коэна вторгнуться на Ямайку. Была только одна загвоздка: они опоздали. В конце ноября 1654 года, когда они собирались отправиться в Англию, один из тайных разведчиков Кромвеля и возможный родственник,

Поэтому Израиль и Коэн обратили свое внимание на более непосредственную цель — обеспечить еврейское поселение в других местах Нового Света. В течение следующих пятнадцати месяцев, пока они были таким образом успешно вовлечены, усилия Кромвеля по разрешению евреям вернуться в Англию будут подстегнуты ролью евреев в завоевании Ямайки и обещанием их ценной помощи в развитии его империи Нового Света. Будучи чужаками в чужой стране, кочевое племя Авраама приобрело особые навыки, которые были нужны Кромвелю. Чтобы понять это развитие, мы оставим Израйла и Козна в Амстердаме, крепко держащимися за секретное местонахождение шахты Колумба до кончины Кромвеля, когда сыновья королевских особ, которые первыми искали ее, — Джордж Вильерс и Карл I — были восстановлены у власти.

В августе 1654 года Кромвель вызвал испанского посла и прямо заявил ему, что дружба с Испанией может продолжаться только в том случае, если англичанам будет предоставлена свобода торговли и вероисповедания в Новом Свете. Посол был потрясен: «Это невозможно», — сказал он. «Просить об этих правах — значит требовать от моего господина его два глаза».3Позволить Англии торговать в Новом Свете было равносильно признанию права Англии селиться там. Монополия торговли и распространение Истинной Веры были краеугольными камнями, на которых Испания развивала свою колониальную империю, и Его Католическое Величество не собирался делиться этим ни с кем, и меньше всего с пуританским дьяволом.

Кромвель, как сообщается, ошеломленный ответом посла, резко отпустил его. Это была чистая театральность. Месяцами ранее он начал тайно подготовка к отправке вооруженного флота в Карибское море.4Свобода вероисповедания и торговли были заявленными причинами, но обеспечение значительной части Нового Света было его непреодолимым желанием. Тридцать лет назад Англия колонизировала несколько небольших, пустых островов в восточной части Карибского моря, за пределами морских путей. Барбадос, Невис и Сент-Китс процветали, но нужна была более стратегическая база, если Кромвель заключалась в том, чтобы положить конец господству Испании над богатствами Нового Света.

Для Кромвеля, правителя, который каждое свое решение принимал в соответствии с Писанием, успех вторжения был предопределен: «Корабли поплывут в соответствии с Божьим повелением... Его триумф будет означать Божью милость... подробнее Божья милость обеспечила успех».5Однако Кромвель был слишком самоуверен — его хваленый план провалился бы, если бы не советы его еврейских разведчиков. Пока другие советники продвигали Эспаньола, Кубу, Пуэрто-Рико или Тринидад,

лидер тайных евреев Лондона Антонио Карвахаль, чье знание карибских дел было непревзойденным, посоветовал Кромвелю продолжить рейд капитана Джексона.

Английский пленный, захваченный на Ямайке, признался: «Гранд Вестерн Дизайн был разработан и профинансирован евреями, которые планировали переселить Англию, купить собор Святого Павла и превратить его в синагогу». Хотя нет никаких веских доказательств того, что это правда, испанские защитники верили в это, «поскольку пример Бразилии демонстрирует подобные измены и несправедливости, совершенные этим слепым народом их отвращения к нам».6Заключенный, Николас Пейн, был переводчиком генерала Роберта Венейблса, сопредседателя вторгшихся сил. Он сделал это признание, записанное испанским нотариусом, после того, как «умолял сохранить ему жизнь на испанском языке». Где Пейн услышал это? Это были сплетни среди команды или что-то, что он подслушал от генерала? Если так, то где генерал это услышал?

Как бы ни было искажено признание Пейна, Кромвель не принял бы решения о том, где атаковать, не посоветовавшись сначала с Карвахалем, который рекомендовал Ямайку. Один из видных торговцев города, Карвахаль, владел судами, которые бороздили семь морей. У него были агенты в большинстве крупных портов, а собранная им политическая разведка сделала его одним из самых ценных советников Кромвеля. Но поскольку раскрытие его роли могло привести к аресту соратников и родственников в землях инквизиции, его консультации с Кромвелем через доверенного секретаря правителя Джона Терлоу держались в секрете.

Хотя король Иоанн официально изгнал евреев из Англии в 1290 году, к середине 1600-х годов горстка богатых еврейских семей сумела переселиться туда и стать крупными игроками в международной торговле. Они называли себя португальцами, посещали мессу в доме посла (также тайного еврея) и не были обрезаны.

Карвахалю было сорок шесть лет в 1635 году, когда он подъехал к городским воротам Лондона верхом на белом арабском жеребце, одетый в «прекрасные доспехи» и ведя за собой вереницу вьючных мулов, везущих золотые слитки. Остановленный королевской стражей, он объявил, что он торговец с Канарских островов и приехал в Лондон, чтобы присоединиться к своей сестре, муж которой был послом Португалии. Учитывая его впечатляющую внешность, ему разрешили продолжить путь. Позже выяснилось, что он покинул столицу островов Тенерифе на шаг раньше Святых инквизиторов, посланных для расследования его дела.

Подобно Паше Синану и раввину Палахе, Карвахаль был человеком «великолепной и яркой» личности, который вскоре утвердился в качестве лидера тайной еврейской общины Лондона, состоявшей из тридцати или около того семей. Хотя Карвахаль торговал многими товарами, его

специализацией было серебро. В то время, когда серебро Нового Света управляло мировой валютой, его транспортировка была еврейским предприятием. Карвахаль импортировал серебряные слитки от торговцев-конверсо в Севилье, которые в свою очередь получали их от торговцев-конверсо в Перу и Новой Испании. С того времени, как руда покидала шахты и переплавлялась в слитки, его собственные были отмечены особым штампом. Он также ежегодно импортировал около 1 миллиона долларов (в сегодняшних деньгах) серебра

штук восемь.⁷

Ямайка ознаменовала первое завоевание Британской империи, и Карвахаль, который надеялся убедить нового правителя Англии разрешить евреям легально вернуться в Англию, сыграл важную роль. Пока планы вторжения продвигались вперед, его соратник Саймон де Касерес, который активно торговал в Индии, доверился ему, что тайный еврей на Ямайке, Франсиско Карвахаль, возглавляет там армию и на него можно положиться, если он поможет в нападении. Хотя нет никаких доказательств того, что два Карвахаль были родственниками, Карвахаль с Ямайки помог закрепить английское завоевание, и когда весть о победе достигла Лондона, разведчик Кромвеля был щедро вознагражден.

В декабре 1654 года флот отплыл из Портсмута под совместным командованием адмирала Уильяма Пенна — отца будущего основателя Пенсильвании — и генерала Венейблса с армией в 2500 человек. В отличие от дисциплинированных солдат, которых вел Кромвель в гражданской войне, эти рекруты были спешно собраны, и, по мнению одного наблюдателя, в основном были «обычными мошенниками, ворами, карманниками и такими распутными людьми, которые долго жили ловкостью рук и ловкостью ума».⁸ Их лидеров также описывали как «ленивых тупиц, обладающих большой долей гордости, но не имеющих ни ума, ни доблести, ни авторитета».⁹

Первой остановкой был Барбадос, где Венейблс утроил размер своей армии, ударив в барабан на городской площади и пообещав: «Любой раб, который добровольно согласится, получит свободу». Не имея возможности что-либо потерять и многого добиться, четыре тысячи наемных слуг, составлявших пятую часть населения, подписались. Еще двенадцать сотен были набраны из Сент-Китса, Невиса и Монтсеррата. К тому времени, как флот погрузился, армия Венейблса увеличилась почти до восьми тысяч человек, но везли припасы лишь для половины этого числа.¹⁰ План вторжения предусматривал, что армия сначала должна атаковать Санто-Доминго. Примечательно, что флот остановился на небольшом острове Невис, где адмирал Пенн завербовал Кампоэ Сабаду, еврейского лоцмана, который ранее плавал с Джексоном.

Эта неряшливая армия в основном состояла из слуг, которые подписались на свободу и грабеж; соответственно, когда генерал объявил, что не будет взятия добычи, они пригрозили мятежом. Столкнувшись с «неуправляемой и невежественной массой», он отменил приказ. Между тем, было очевидно, что адмирал не уважал генерала, который, к всеобщему раздражению, взял с собой свою новую молодую жену и редко покидал свою

каюту. Говорят, что Пенн, всегда боровшийся за командование, хихикал всякий раз, когда Венейблс совершал ошибку, что Венейблс имел обыкновение делать всякий раз, когда отдавал приказ.

Вместо прямого нападения на Санто-Доминго Пенн предпочел внезапное нападение и высадил армию в тридцати милях от побережья. К сожалению, это место было пустынным, и поскольку зять Кромвеля, ответственный за снаряжение армии, забыл упаковать фляги, солдатам пришлось идти без воды по жаркой, бесплодной земле без тени. Они так и не добрались до столицы. Многие рухнули от жажды; другие были сражены кавалерийской атакой из трехсот конных испанцев, которые пронзали их, как рыцарей в старину, двенадцатифутовыми копьями. После этого их лидер хвастался, что если бы у него было больше «убийц коров» (как называли его людей), он бы убил всех захватчиков. Эта необычная порода закаленных испанцев была ковбоем наоборот, экспертом не в выпасе коров, а в их убийстве. Позже сообщалось, что во время атаки Венейблс спрятался за деревом, «настолько одержимый ужасом, что едва мог говорить». Без воды, без дисциплины и преследуемая копьями-убийцами коров, армия вторжения отступила к побережью. Поскольку родственник Кромвеля также не собрал палатки, деморализованным войскам пришлось ютиться на открытом воздухе, когда последовали дни проливных дождей. За одну неделю Венейблс потерял тысячу человек, в то время как испанские потери их было сорок.¹¹

Два командира теперь были настолько недоверчивы друг к другу, что генерал отказался позволить адмиралу и его команде сесть на корабли раньше своих солдат, подозревая, что они могут уплыть без них. На совете на борту корабля офицеры отвергли дальнейший штурм города, утверждая, что любую атаку им придется отбивать в одиночку, поскольку «они не могли доверять своим людям следовать».¹²

Что теперь? Нападение на укрепленные места, такие как Картахена или Гавана, было исключено, и если бы они просто отступили в Лондон, они могли бы потерять голову. Исторические отчеты утверждают, что после унижительного поражения на Эспаньоле впервые было упомянуто решение о вторжении на Ямайку. Однако это оспаривается рядом английских пленных. Первый, передовой разведчик, захваченный через день после высадки англичан, признался: «Наша цель — захватить эту землю... а затем перейти на Ямайку». Пленные, взятые позже, подтвердили эту последовательность. Согласно испанскому отчету:

[После того, как убийцы коров]... убили более 800 человек и заставили противника отступить... двое пленных англичан [сказали], что они намеревались отправиться на другой остров, на котором они уже были раньше. Учитывая расположение заключенных... Его

светлость немедленно распорядился направить предупреждение на Ямайку, поскольку именно этот остров был назначен заключенными.^[курсив добавлен] Он со всей тщательностью отправил его губернатору, посоветовав ему форму ведения боя, которую мы использовали [и] использовать ее... Он сказал ему, что враг сильно истощен, потерял много людей и испытывает нехватку продовольствия, чтобы Ямайка могла **знайте факты и будьте готовы**.¹³

Поскольку ни в одном из отчетов о плане вторжения Ямайка не упоминается, историки неукоснительно следуют утверждению, что Ямайка была «запоздалой мыслью». Является ли это просто случаем исторической путаницы или же здесь замешано что-то более запутанное? Расположение острова в центре Карибского моря сделало его естественной целью. После рейда Джексона двенадцать лет назад местный священник изложил это в письме королю Филиппу, в котором он призвал корону вернуть Ямайку:

Защита острова очень слаба... Если враг овладеет им, то не может быть никаких сомнений, что он быстро заполонит все порты, став хозяином их торговли и коммерции. Поскольку он лежит на пути флотов, путешествующих из этих королевств в Новую Испанию, и галеонов в Гавану... можно понять, насколько это будет вредно для кораблей в этой торговле. **если враг овладеет этим островом**.¹⁴

Отчет капитана Джексона Комитету Кромвеля по колониальным делам, составленный в предыдущем десятилетии, выявил разделенную, слабо защищенную колонию с еврейским населением.

пятая колонна, которая приветствовала бы вторжение.¹⁵С разведданными Карвахалю, подтверждающими этот анализ, Кромвель был полностью осведомлен о стратегическом положении Ямайки, слабой обороне и обещанной поддержке местных евреев. Эти факты, наряду с признаниями заключенных и вербовкой еврейского лоцмана Джексона, который ранее привел его корабли в гавань Ямайки, указывают на то, что Ямайка была целью *prima facie*. Почему же тогда это держалось в секрете?

Вероятный ответ показателен: когда флот покинул Портсмут, командиры были в неведении относительно их цели. «Мы не будем связывать вас методом каких-либо конкретных инструкций», — сказал им Кромвель, но приказал держать план атаки в тайне, чтобы открыть его только тогда, когда армия достигнет Барбадоса. Кромвель, уже обвиняемый в продаже евреям, по-видимому, чувствовал, что он был бы еще больше запятнан, если бы даже его советники узнали об их роли в его предопределенном Христом Великом Западном Замысле. Его далеко идущий план состоял в том, чтобы позволить евреям вернуться в Англию, как по экономическим причинам, так и из-за его убеждения, что их

возвращение и массовое обращение ускоряют Второе пришествие Христа. Но для теперь лучше было сохранить в тайне их роль в его империалистических планах.¹⁶

10 мая 1655 года, через четыре дня после отплытия с Эспаньолы, Мартин, пилотируемый Сабодой с двумя соперничающими командирами на борту, повел тридцать восемь кораблей флота в гавань Ямайки. Захватчики потеряли тысячу человек, но армия все еще была подавляющей силой, более чем в четыре раза превышающей население Ямайки, состоявшее из 1500 испанцев, 750 рабов и около сотни евреев. (После рейда Джексона многие евреи были изгнаны с острова.) Если бы они могли высадиться без происшествий, завоевание было бы обеспечено. Защищал порт небольшой гарнизон с тремя установленными орудиями. После первого залпа, когда корабли все еще были в море, защитники бежали. Их отчет пахнет ужасом: тридцать восемь кораблей стали пятьдесят-

шесть кораблей, а численность семитысячной армии, как сообщалось, была вдвое больше.

Не встретив сопротивления, армия Венейблса двинулась в ряд по широкой дороге, соединяющей порт со столицей Вилья-де-ла-Вега, и разбила лагерь за городом. На следующее утро два ямайских офицера подъехали под белым флагом. Они заявили, что приехали вместо губернатора (старого сифилита с гноящимися язвами по всему телу), чтобы узнать, чего хотят англичане. Они представились как нынешний и бывший мэр Саргенто (командующий армией). Но еще кое-что, что разделяли эти двое, оказалось более существенным. Офицеры Франсиско Карвахаль и Дуарте Акоста были тайными евреями.¹⁷

«Мы пришли не грабить, а сажать», — сказал им Венейблс. После некоторых торгов Карвахаль спросил Венейблса: «По какому праву вы претендуете на остров? Испанцы владеют им уже 140 лет, и он был подарен им Папой Александром». Прежде чем генерал успел ответить, его адъютант вмешался:

«Она наша по праву силы. Так же, как испанцы отняли Ямайку у индейцев, так и мы, англичане, пришли отнять ее у них. Что касается Папы, он не мог ни даровать земли другим, ни делегировать право их завоевывать». Кроме того, добавил он, только слабые бывают завоеваны: «Генрих VIII предлагал Англию любому, кто захочет завладеть ею, но никто не соизволил принять этот дар». На это английские офицеры «долго и весело смеялись».

от всей души». ¹⁸

На следующий день губернатор Рамариес, которого несли в гамаке африканские рабы и сопровождали Акоста и Карвахаль, вошел в английский лагерь, чтобы обсудить

условия. Он был там ради показухи. Его португальские офицеры подписали договор о капитуляции и, как сообщается, также составили его. Они получили то, что хотели: португальцев призвали остаться, в то время как испанцев должны были перевезти в Новую Испанию. Венейблс позже доложил Кромвелю, что «португальцы [приняли] наши приглашение остаться».¹⁹

Ни в одном из отчетов о завоевании не упоминается предварительное предупреждение с Эспаньолы, которое «его светлость... со всем тщанием отправил губернатору... для того, чтобы Ямайка могла узнать факты и подготовиться». Однако именно это предупреждение подтолкнул португальских офицеров первыми встретиться с захватчиками. С океанским течением, благоприятствующим судам, плывущим на запад из Санто-Доминго на Ямайку, расстояние в 480 миль было бы преодолено за четыре-пять дней. Таким образом, губернатор Рамариес должен был получить предупреждение более чем за неделю до английского вторжения. То, что он этого не сделал, является доказательством того, что сообщение было перехвачено. Учитывая то, что выяснилось, похоже, что когда прибыло судно, португальские торговцы, контролировавшие порт, завладели письмом и вместо того, чтобы доставить его Рамариесу, раскрыли его содержание двум офицерам, которые затем заняли позицию для переговоров о капитуляции Ямайки.

Армия Кромвеля захватила Ямайку, но Кабиљдо во главе с Франсиско де Лейбой, самопровозглашенным королем Ямайки, вместе с его кузеном Санчесом Исасси и его сыном Арнольдо, собрали своих сторонников и отступили в сахарное поместье к западу от столицы. Они повесили двух слуг, которых Карвахаль и Акоста послали с договором, и, громко отвергнув условия капитуляции, прокляли двух офицеров как предателей.²⁰ Арнольдо повел повстанческий отряд в горы, где они сформировали партизанский отряд и устраивали засады на солдат, которые выходили за пределы столицы, чтобы охотиться на скот.

Ямайка была английской, но в июле, когда Кромвель также получил известие о катастрофе на Эспаньоле, он был недоволен. Позже в том же месяце, когда сначала Пенн, а затем Венейблс вернулись в Англию, обвиняя друг друга в СантоДоминго, Кромвель назвал их сварливыми некомпетентными и заключил их в Тауэр за дезертирство своих войск.

Противоположный прием был оказан «большому другу» Антонио Карвахалю, Симону де Касерес, вернувшийся на корабле с Венейблсом.²¹ Международный торговец из Амстердама с офисами в Европе и на Барбадосе, он навещал своих двух братьев на Барбадосе, когда прибыл английский флот. Когда значительно увеличившаяся армия отплыла, он вызвался обеспечить дополнительные необходимые припасы и был с судами снабжения, которые догнали флот на Ямайке через две недели после завоевания. Встретившись с Карвахалем, который взял на себя ответственность за армейский

комиссариат, они вдвоем обсудили, что было необходимо. Вернувшись в Англию, он представил Кромвелю меморандум «о вещах, которых не хватает на Ямайке».

В его «Предложении по восстановлению и укреплению Ямайки» подчеркивалась необходимость завершения строительства форта в гавани для защиты от ожидаемой контратаки со стороны

Картахена. Отчет читается как большой список покупок: 1500 лопат, 1000 кирок, 100 тачек, 2000 топоров и так далее. Далее, «в качестве поощрения» для рабочих форта, он рекомендовал отправить «много бренди и вина... и льняных чулок и красивых ботинок [для офицеров]». Вероятно, в этих дополнительных запросах сыграл свою роль личный интерес, так как среди Предметами его торговли были «обувь, белье, вино и бренди».²²

Де Касерес рассказал Кромвелю, что перед тем, как он покинул Ямайку, некий капитан Хьюз начал укреплять оконечность полуострова у входа в гавань. (Это было начало города Порт-Ройял, который в следующем десятилетии станет известен как «самый порочный город в мире».) Получив его отчет, Кромвель отправил необходимые припасы и приказал командующему Ямайки «изучить вашу безопасность укрепляя».²³

17 августа 1655 года, когда Пенн и Венейблс находились в Тауэре, Кромвель почтил память единственного человека, который дал ему верный совет по плану вторжения. Вызвав Антонио Карвахалья и его двух сыновей в свой кабинет, Кромвель наградил их английскими гражданство, что сделало их первыми законными евреями страны за 365 лет.²⁴ Позже Карвахаль предупредил Кромвеля, что изгнанный принц Чарльз подписал секретный договор с испанским королем, обещая вернуть Ямайку за помощь в свержении Содружества, и что Испания снаряжает флот, чтобы вернуть остров. Так что, будучи предупрежденными, морские силы Кромвеля смогли разбить флот в Гавань Кадиса перед отплытием.²⁵

В 1658 году импорт Карвахалья составлял 8,3 процента таможенных сборов Лондона. доход.²⁶ Описание его того года показывает, что (как и Паша Синан и раввин Палахе) возраст не смягчил его. Поводом стал его арест. Таможенники конфисковали одну из его партий. Чувствуя, что его товары несправедливо конфискованы, он ворвался на их склад и, держа охранника на прицеле меча, угрожал пронзить его, пока его слуга опустошал помещение. В полицейском отчете он описывался как «человек с седой бородой и вспыльчивым нравом... и не подмастерьем в обращении с рапирой», в то время как его слуга Мануэль Фонсека «мог совладать кулаком с любым англичанином». Обвинения были сняты, когда человек, известный как Великий еврей умер в том же году.²⁷

Осенью 1655 года лидер Англии объявил о политике заселения Ямайки, которая примечательна тем, что в ней не упоминается следующее: его прокламация открыла Ямайку для каждый

«плантатор или авантюрист» независимо от религии или национального происхождения.²⁸ Он также предоставил гражданство Барбадоса известному еврейскому беженцу из Ресифи, Доктор Авраам де Меркадо.²⁹ Как и братья Коэн Энрикес, де Меркадо был одним из старых парней раввина Палаче. Считавшийся первым еврейским врачом в Новом Свете, он с гордостью носил звание доктора, но в шпионских кругах пользовался кодовым именем Plus Ultra, как, например, когда он сообщил голландским властям в Бразилии, что португальский банкет, на котором они должны были присутствовать, станет вечеринкой покушений.

Действия Кромвеля дали евреям сигнал, хотя и окольный, что отныне они могут смотреть на него как на своего защитника. Кромвель, очевидно, чувствовал, что для успеха его Великого Западного Замысла ему нужны были евреи на месте. Говорят, что он с завистью смотрел на то, какой толчок они дали голландской экономике. Евреи помогли сделать Амстердам самым богатым портом Европы, и поскольку они помогли Голландии, он верил, что они могут сделать Лондон «общим складом Европы».

Предоставление особых льгот было способом Кромвеля продемонстрировать свои намерения. Колонии Англии были открыты для евреев. Но не метрополия, по крайней мере, пока. Однако, воздавая почести Карвахалю, Кромвель проявил свою склонность отменить запрет на еврейское поселение. Помимо их деловых навыков и торговли, существовал вопрос обеспечения разведки. Как он признался епископу Бернетту: «Они хорошие и полезные шпионы... опытные поставщики иностранной разведывательной информации».³⁰ С изгнанным принцем Англии, готовым нанести удар, и объявлением Испанией войны Ямайке, Кромвелю нужно было тесно сотрудничать с лондонскими евреями и их агентами. Они, в свою очередь, были благодарны за возможность продемонстрировать свою лояльность и экономическое влияние.

Середина семнадцатого века была временем, когда правили Истинные Верующие, и каждое действие было праведным и подкрепленным Писанием. Это была политика Святой Неизбежности, и Кромвель любил формулировать свою политику в этих терминах. Наряду с торговлей и интеллектом, религиозные убеждения Кромвеля представляли ему непреодолимый мотив для еврейского переселения: только когда евреям разрешат вернуться в Англию, верил он, вернется Мессия. Его публичное выражение этого религиозного обоснования принесло ему горячую поддержку английских филосемитов, которые считали это необходимым для искупления всего человеческого рода.

С 1607 года, когда король Яков опубликовал английский перевод Библии, Ветхий Завет стал обязательным для изучения среди пуритан. Его влияние проявилось в принятии ими библейских ссылок во время недавней гражданской войны: Лев Иуды был начертан на знамени пуритан; король Карл был назван фараоном, а его правление — египетским рабством. После победы Кромвеля мессианская группа, называемая Пятыми

монархистами, провозгласила Пуританское Содружество так называемой Пятой империей, предсказанной в книге Даниила, которая должна была возвестить о тысячелетнем правлении Иисуса Христа. (Другими четырьмя были Вавилон, Персия, Греция и Рим.) Они также цитировали Второзаконие (18:64), чтобы доказать, что Бог не явится снова, пока его избранный народ не будет вновь принят в Англию. В отрывке фактически предсказывается, что евреи будут рассеяны до «края земли», но пуританские священнослужители проповедовали, что поскольку французы называли Англию Angleterre, фраза, которую еврейская средневековая литература использовала для обозначения «угла» или «конца» земли, то было ясно, что воля Божья в том, чтобы они приняли израильтян, «чтобы они могли увидеть истину». Каковы бы ни были достоинства этого извращенного прочтения Писания, для Кромвеля послание было ясным: позвольте евреям вернуться в Англию, и Мессия вернется... и так

будет торговаться.³¹

Тем временем в диаспоре бездомные евреи отдавали предпочтение любому аргументу, который сработал бы. Их горизонты стремительно сужались: Новой Голландии больше не было; в Испании и Португалии инквизиция сжигала все чаще, а большие аутодафе в Мексике и Перу заставили остатки евреев в испанских землях искать возможности двигаться дальше. В Новом Амстердаме они боролись за то, чтобы остаться. В Восточной Европе скачущие орды казаков, вооруженных саблями, убивали польских евреев десятками тысяч.

В октябре каббалистический раввин из Амстердама прибыл по приглашению Кромвеля, чтобы обсудить божественный аргумент, предложенный в его книге. Надежда Израиля. Религиозным мудрецом был бывший вундеркинд Менассе бен Исраэль, который, как мы помним, допоздна засиживался в синагоге, погружаясь в мистицизм Каббалы, в то время как мальчики Энрикес и их мятежные друзья часто посещали доки, впитывая рассказы моряков об экзотических странах. Менассе считал, что Тора содержит божественные откровения, которые предсказывали пришествие Мессии, и Надежда Израиля он определил Англию как Землю Обетованную, в которую евреи должны вернуться до появления Мессии. (Он и Кромвель согласились с этим, разойдясь только в том, был ли Он здесь раньше.) Менассия, прагматичный ученый, приправил свой пророчества с рассуждениями о том, что евреи могут сделать для экономики Англии.³²

В декабре 1655 года Кромвель созвал конференцию ведущих деятелей для обсуждения этого вопроса. Конференция завершилась без каких-либо рекомендаций, за исключением согласия с тем, что не существует никаких юридических препятствий для переселения евреев. Все, что требовалось для реадмиссии, — это одобрение парламента. Кромвель пытался, но не смог заставить парламент действовать. Его это не остановило. Как сказал роялистский шпион принцу Чарльзу: «Хотя большинство против, евреи будут приняты способ попустительства».³³ Возможность представилась, когда вскоре после того, как Испания

объявила войну, парламент постановил, что испанская собственность будет конфискована. Лондонские евреи, хотя и называли себя португальцами, считались испанскими подданными, и их имущество, следовательно, подлежало конфискации. Ситуация достигла апогея в так называемом процессе Роблеса.

В феврале 1656 года таможенники захватили два корабля на Темзе, перевозившие вино с Канарских островов и сейф с сорока тысячами дукатов золотом. Лондонские евреи были встревожены. Корабли и сейф принадлежали Антонио Роблесу, члену их общины. Если бы его имущество можно было законно конфисковать, их активы также могли бы быть конфискованы. Что делать? Под руководством Карвахала и де Касереса было принято решение, что община конверсо должна выйти из тени и объявить себя евреями и верными Англии. 12 марта 1656 года они предъявили Кромвелю требование «или/или», фактически заявив: «Ваша конференция согласилась с тем, что нет никаких юридических препятствий для нашего приема. Поэтому вопрос стоит между вами и нами: как вы хорошо знаете, мы не португальские католики; мы евреи и хотим иметь право поклоняться и хоронить мертвых по-нашему». Не выраженная, но подразумеваемая, была угроза — «иначе мы будем смотреть в сторону Голландии».³⁴

Роблес последовал его примеру. Он подал в суд прошение о возврате своих кораблей и товаров на том основании, что он был «еврейского происхождения». Он рассказал, как скрывался от инквизиции, которая убила его отца, пытала его мать и сожгла на костре многих близких родственников. Он сказал, что приехал в Англию в надежде найти дом среди людей, которых также считали еретиками. В ходе судебного разбирательства десять лондонских евреев прислали письменные показания в поддержку его заявления; другие свидетельствовали, что знали Роблеса как «еврейского по нации и религии».³⁵ Когда шестинедельный судебный процесс закончился, суд объявил Роблеса «евреем, родившимся в Португалия» и вернул ему корабли, вино и сундук с золотом.³⁶

3 апреля 1656 года тридцать пять еврейских семей Лондона собрались в Большом Доме еврея для пасхального седера, чтобы отпраздновать освобождение израильтян от египетского рабства и их нынешнее освобождение. Спустя 366 лет евреи Англии больше не были нелегальными иммигрантами. Отныне, как последователи Закона Моисея, они будут открыто добиваться своих прав, а не прятаться за иностранной идентичностью и христианской мантией. Чтобы освятить этот новый день, главный разведчик Кромвеля с гордостью сменил свое имя на Авраама Исраэля Карвахала.

Хотя Кромвель, все еще сталкиваясь с оппозицией в парламенте, никогда официально не отменял запрет на прием евреев, его религиозные убеждения были искренними и только усиливали его желание получить торговые навыки и связи, которые могли бы принести еврейские поселенцы. Как прокомментировал епископ Бернетт в своем дневнике, «он дал им

больше по этой причине, чем в соответствии с принципом терпимости уйти строить синагогу».³⁷ Позднее тем же летом двое их лидеров, Карвахаль и де Касерес, арендовали участок на кладбище и здание для синагоги и отправили в Амстердам за Торой.

На Ямайке, тем временем, дела шли не так хорошо. Поскольку оккупационная армия Англии утроила население острова, еды не хватало, чтобы прокормить всех. Ослабленные голодом и «кровавым поносом», ряды страдали от малярии. Многие солдаты восстали, когда им приказали сажать продовольственные культуры. Им обещали свободу и добычу, а не рабство. Что касается офицеров, единственное, чего они хотели, — это вернуться в Англию. В октябре 1655 года, через шесть месяцев после завоевания, почти половина армии была мертва. Недавно прибывший комиссар Кромвеля Роберт Седжвик написал домой:

Что касается армии, я нахожу их в таком печальном, плачевном и отвлеченном состоянии, какое только можно себе представить; их командиры, некоторые ушли, некоторые мертвы, некоторые больны... солдаты, многие мертвы, их трупы лежат непогребенными на дорогах и среди кустов... Когда я шел по городу, многие из тех, кто был жив, лежали, стонали и кричали, хлеба ради Господа... Странно видеть молодых крепких мужчин, внешне здоровых, и через три или четыре дня в могиле, унесенных в один момент течением многих болезней. Правда в том, что Бог гневается, и чума началась, и у нас есть никто не встанет в проломе.³⁸

К январю 1656 года число смертей возросло до более чем пяти тысяч, а месяц спустя к ним присоединился и Седжвик. Только матросы на борту судна под командованием вицеадмирала Уильяма Гудсона, у которых были свои собственные запасы, оставались здоровыми. В этих суровых обстоятельствах еврейский лоцман, теперь именуемый капитаном Кампоз Сабада, и известный тем, что он был знаком с островом со времени, проведенного с Джексонсом, был отправлен на разведку западной оконечности. В феврале 1656 года он высадил сотню солдат в заливе Грейт-Педро и захватил двух разведчиков-повстанцев, которые следовали за ними. Они сказали, что губернатор Картахены передал Исасси, что два галеона с тысячей человек готовятся присоединиться к «армаде из Испании, чтобы прибыть в гавань Ямайки и выбить англичан с суши».³⁹

Сабада поспешил обратно, чтобы сообщить об этом адмиралу Гудсону, который написал Кромвелю (12 марта), что он отправляет корабли в Картахену, чтобы перехватить галеоны, и снаряжает другие для патрулирования армады. В письме Гудсона далее подчеркивались преимущества укрепления островных поселений и необходимость завершения укреплений:

Когда-то хорошо заселенная [Ямайка] так выгодна, находясь в середине страны испанцев, что имея здесь значительные силы для набегов на врага и флот для обеспечения морей, она могла бы стать складом всех богатств в Индии. Чтобы добиться этого, мы должны иметь значительный набор моряков, сухопутных жителей и некоторых командиров, чтобы придать жизни и энергии действию; кроме того, мы должны также надеяться на хороший запас провизии; той, что у нас есть, должно хватить еще на четыре месяца. Короче говоря, если ваше высочество продолжит ваши решения продолжать этот великий замысел, вам придется в некотором роде начать работу заново.⁴⁰

При угрозе испанского нападения извне и сражении с войсками Исасси изнутри было необходимо найти оборону, которая не зависела бы от набора подкреплений для недовольной и умирающей армии. Ответ можно было найти на небольшом острове у северо-западного побережья Эспаньола, где грубая порода людей когда-то зарабатывала на жизнь охотой на диких коров и свиней. Как это произошло и как эти люди превратились из охотников на скот в охотников на людей, стоит выделить время в этом повествовании. Начнем с человека, который, как считается, рекомендовал их набор, «близкого друга» Карвахалья, на которого Кромвель полагались на оперативную разведку о «чем-то недостающем на Ямайке».

Хотя поколение отстает от старых ребят раввина Палаха, Симон (Якоб) де Касерес был сделан из того же теста. Характер человека, который в На суде Роблес с гордостью свидетельствовал: «Я из еврейского народа, из колена Иудина».⁴¹ очевидно из дерзкого предложения, которое он представил Кромвелю вслед за своим списком покупок на Ямайке. В нем он предлагал завоевать испанскую империю Нового Света с «людьми моей нации» в качестве авангарда для английских войск. Если Кромвель даст ему четыре военных корабля и тысячу человек, он обогнет мыс Горн и нападет на Испанский Майн со стороны Тихого океана, как Дрейк, и вторгнется на континент через Чили. Тем временем, предвидя благоприятное решение Кромвеля, он отправился в Голландию, чтобы набрать «молодых людей моей нации, [которые] пойдут как англичане только на службу его высочества». Чтобы профинансировать смелое вторжение, потенциальный конкистадор намеревался захватить серебряный флот Испании. Хотя Кромвель не ответил на грандиозный план де Касереса, есть доказательства того, что он рассматривал стратегию еврея.⁴²

Де Касерес, яркий персонаж, был описан другом на суде над Роблесом как «гордый еврей, который не делал больше шума из того, что он не христианин, чем как он сражался с псами инквизиции на море и на суше».⁴³ Он назвал свой корабль Пророк Самуил. Подобно пророку, он считал своим божественным

долгом объединить всех евреев и часто посещал доки, надеясь убедить новообращенных принять иудаизм.

Де Касерес был успешным международным торговцем и другом Карвахалья (хотя и на двадцать пять лет моложе его). У него были офисы в Лондоне, Амстердаме и Гамбурге, два брата на Барбадосе и родственники на Мартинике и в Суринаме. Помимо лидера Англии, он был в дружеских отношениях с королем Дания и королева Швеции.⁴⁴Его план по завоеванию Нового Света показывает его как человека с воинственным видением, которому он, вероятно, следовал, дав дальнейшие рекомендации, которые определили курс на ближайшее будущее Ямайки.

С армией Англии, умирающей и окруженной вражескими силами, было недостаточно построить форт. Кромвель знал, что как только он выведет свою армию и флот, колонии понадобятся оборонительные силы, которые могли бы защитить колонию, вести войну с испанцами и в то же время прокормить себя. Будучи судовладельцем и нелегальным торговцем по всей Индии, де Касерес точно знал, где найти такой

сила: охотники Эспаньолы, общинное общество анархистов, состоящее исключительно из мужчин, которые переключились с охоты на говядину на грабеж лодок после того, как вышеупомянутые убийцы коров уничтожили их добычу. Собравшись на небольшом острове вдали от берега, и теперь называя себя Братьями Берега, они искали новые возможности.

Задача выживания Ямайки состояла в том, чтобы перехватывать испанские суда в открытом море и тем самым перерезать пуповину, питавшую Испанскую империю. Братья могли это сделать, а знающие евреи, как португальцы Ямайки, могли и оснащать, и направлять их атаки. Благодаря своей обширной торговле с собратьямиконверсо в каждой колонии они знали, какое судно плыло, когда оно плыло, что оно перевозило и что капитан спрятал в своей каюте.

Де Касерес считал завоевание Англией Ямайки первым шагом к освобождению своего народа. Вторым шагом было обеспечение того, чтобы Великий Западный Проект оставался на плаву. Привезите Братьев на Ямайку, легализуйте их как каперов, и их нападения на испанские суда и поселения на суше заставят испанцев обороняться (и обогатят их покровителей в процессе).

Такого рода игра не была новой для изгнанных евреев. Со времени своего изгнания сефарды в Северной Африке с выгодой поддерживали корсаров Берберийский берег.⁴⁵Друг де Касереса Карвахаль, родом из Лас-Пальмаса, пиратского порта на Канарских островах, где конверсо также выступали в роли спонсоров, наверняка одобрил бы его предложение.

«Именно с евреев началась связь с пиратами...» — так выдающийся историк Ямайки XIX века Роберт Хилл связывает два кочевых племени, союз которых превратил английскую колонию в пиратскую столицу Нового Света. Учитывая, чем занимался де Касерес, и

Что касается связи сефардов с берберийскими корсарами, то заявление Хилла звучит правдоподобно.⁴⁶

В любом случае, эта стратегия нашла поддержку у Кромвеля, и к 1657 году Ямайка стала домом для грозной сдерживающей силы, известной в истории как буканьеры Вест-Индии.

В первой половине шестнадцатого века, еще до того, как вымерли коренные жители Эспаньолы, out, уход за животными был работой индейцев. К 1550-м годам, когда индейцев осталось немного, животные разбежались на свободе, и многие поселенцы, привлеченные привлекательностью Мэйна, покинули остров. Те, кто остался, покинули сельскую местность ради жизни в городе. Крупный рогатый скот, свиньи и лошади, впервые завезенные Колумбом, вернулись в дикую природу, превратив северозападный регион острова в огромное царство животных.

К 1620-м годам огромные стада привлекли странный набор охотников, изгоев Нового Света, которые один за другим обосновались на небольшом прибрежном острове Тортуга. Это были неудачники всех мастей и цветов: беглые крепостные, бывшие солдаты, высаженные моряки, беглые рабы, еретики, преступники и политические беженцы. Здесь они нашли желанную анонимность: фамилии были отброшены; каждый считал свою прежнюю жизнь «утонувшей». Охотники, в основном французы и англичане, не были обязаны подчиняться Старому Свету.

Не имея возможности или желания вернуться туда, откуда они пришли, они смирились с жизнью, состоящей из самых необходимых вещей. Около года группы из шести человек охотились со стаями собак, пока не набрали достаточно шкур и мяса для продажи. Известные тем, как они жарили говядину на гриле из зеленого дерева, называемом букан, их называли буканьеры, позже англизированные в пиратов. Достаточно невинные, но для испанцев по ту сторону острова в Санто-Доминго они были опасными незванными гостями.

К 1640-м годам Тортуга стала процветающим поселением. Шестьсот буканьеры двигались между Эспаньолой и укрепленным портом Тортуги Каяно, где они обменивали говядину и шкуры на проходящие суда на ружья, пули и бренди. Имея надежную базу, они начали совершать набеги на ранчо на северном побережье и разбили там два постоянных лагеря. Для идальго на другой стороне острова ситуация была невыносимой. Буканьеры фактически аннексировали северо-западное побережье. Испанская гордость не позволила бы этого. Однако вместо прямого нападения они придумали, казалось бы, гениальный план: они уничтожили бы буканье уничтожив его добычу. Они рассуждали

так: если не будет дичи, на которую можно охотиться, охотники уйдут, и *raison d'être* Тортуги прекратится.

Летом 1650 года конный полк из трехсот испанцев, вооруженных двенадцатифутовыми копьями, развернулся веером по саванне, прогоняя скот на галопе и оставляя убитых животных стервятникам. Это были вышеупомянутые «убийцы коров», которые позже разгромили англичан на Санто-Доминго. В течение года огромные стада скота были уничтожены, и в 1653 году испанцы нанесли смертельный удар. Они вторглись на Тортугу в полном составе и депортировали буканьеры. Хотя многие вернулись, когда испанцы отступили в Санто-Доминго, чтобы противостоять вторжению Кромвеля, день буканье закончился; начался день пирата.

Испанская политика исправила проблему с неожиданным результатом. Уничтожив скот, они создали нацию грубых воинов, стремящихся к мести. Лишенные средств к существованию, охотники на скот стали охотниками на испанцев, и в течение года Тортуга стала процветающей пиратской столицей.

Пираты образовали гильдию, назвав себя Братьями побережья, и начали с захвата небольших прибрежных и межостровных торговых судов. С каждым успехом они становились смелее. Когда Пьер Ле Гранд и небольшая команда отправились в путь на каноэ и вернулись с галеоном с сокровищами, море было их. Наступило что-то вроде лихорадки сорок девятого года. Отчужденные авантюристы стекались со всех сторон, чтобы присоединиться к нации преступников. Но ситуация была шаткой. Тортуга была переполнена, и когда пришло приглашение переехать на Ямайку, они с радостью приняли его и вскоре нашли готовых рекрутов среди бедствующих солдат разношерстной армии Кромвеля.

Хотя по характеру пираты были незаконны, они приняли строгий кодекс дисциплины, который сплотил их в грозную боевую силу. Сначала они выбирали и распоряжались своими капитанами по своему усмотрению. Поскольку их корабль обычно захватывался, приз принадлежал всей компании, и братья были равными партнерами. Вся добыча делилась на доли и инвалидность — потеря правой руки приносила шестьсот кусков восьми или шести рабов; потеря пальца компенсировалась сотней кусков восьми или одним рабом; смерть в бою давала наследникам право на тысячу кусков восьми. Капитан получал пять или шесть долей, а офицеры — от одной до трех. Награды выдавались первому человеку, который замечал приз и первым поднимался на борт.

Позже, получив официальную лицензию каперов от правительства Ямайки, они попали под руководство суровых капитанов, таких как Генри Морган, а их корабли принадлежали и оснащались торговцами, которые получали большую часть добычи и

были первыми в очереди на покупку оставшейся части. Так начался золотой век пиратства.

Участие евреев в завоевании Ямайки и обещание их дальнейшей помощи в расширении сферы влияния Англии в Новом Свете убедили Кромвеля проигнорировать инакомыслящих и предоставить лондонским евреям

и несколько других, права на жительство. Но без формального заявления об их возвращении, его внезапная смерть в 1658 году оставила их уязвимыми и неуверенными в будущем.

ЗОЛОТАЯ МЕЧТА КАРЛА II¹

Вт здесь следующий?» Это была проблема, с которой столкнулись лидеры La Nação после покидая Бразилию, и Авраам Коэн помог определить ответ. Вернувшись в Амстердам, он взял вторую жену, Ребекку Палаче, внучатую племянницу раввина Самуэля Палаче, и стал отцом троих детей. Хотя он потерял большую часть своего состояния, когда португальцы «выбили голландцев из Бразилии», восстановив свой судоходный бизнес, он стал одним из главных архитекторов возрождения еще одной Скалы Израиля в Новом Свете.

Воодушевленные первоначальным успехом Голландии в Бразилии, Франция и Англия осторожно заняли несколько небольших островов на восточном краю Нового Испанского моря. Их выживание рядом с вражеской империей требовало особого типа колонизатора, и беженцы-конверсос подходили под эти требования. Хотя конверсос были радушно приняты этими новыми колониями, поскольку их метрополии все еще были закрыты для евреев, первоочередной задачей Коэна было заселение других владений Голландии в Новом Свете.

Естественным выбором стал Кюрасао, небольшой скалистый остров у побережья Венесуэлы, впервые заселенный голландцами в 1634 году. Коэн вернулся в Амстердам всего через несколько месяцев, когда его сын Якоб вернулся оттуда. Присутствуя на свадьбе своего тезки-двоюродного брата, он познакомился с Дэвидом Насси и Авраамом Драго, двумя евреями из Амстердама, которым Компания разрешила заселить остров. Им была выдана лицензия на их заявление о том, что они набрали пятьдесят семей пионеров, но это было пустым хвастовством. Когда Прибыв на место, Яков встретил менее дюжины еврейских семей.²Надеясь привлечь других поселенцев, Насси и Драго заручились его помощью.

Вернувшись в Амстердам, Якоб, под руководством своего отца, убедил Парнассим спонсировать дополнительных поселенцев в Кюрасао. Однако, пока планы продвигались вперед, Израиль и его сын прибыли с новостями, которые заморозили их предприятие. Поскольку друзья и семья, как сообщается, оказались в Нью-Амстердаме, бездомными, разоренными и находящимися под угрозой высылки, требовались немедленные действия.

В феврале 1655 года, после того как Компания неохотно одобрила еврейское поселение на северной территории, Авраам Израэль и Авраам Коэн приняли решение

отправить своих сыновей Якова и Исаака противостоять Стайвесанту. К ним присоединился друг Якова Джозеф да Коста, племянник Уриэля да Коста, который служил с ним на Махамате Цур Исраэля. Стайвесант боролся с ними на каждом шагу, но к середине 1657 года, при неохотной, но мощной поддержке Компании, они преодолели последнее препятствие и добились статуса бюргера для евреев в колонии. После этого они вернулись в Амстердам.

Авраам и его друзья теперь сосредоточились на заселении колонии Wild Coast в Голландии, малонаселенного региона к северу от Бразилии. До конца года Генеральные штаты, под давлением Коэна и еврейского лобби, предоставили «людям еврейской нации, которые должны отправиться в Wilde Cust... [все] привилегии и

«Имунитеты», которыми пользовались голландские поселенцы.³ Документация поселенческой деятельности Коэна из судоходных записей Амстердама показывает, что он вербовал поселенцев и покупали и перевозили рабов и товары в поселения вдоль «Уайлд Каста».⁴

Материальная заинтересованность Голландии в поощрении еврейского поселения там была раскрыта в конфиденциальном письме английского агента в Италии еврейскому разведчику Кромвеля Антонио Карвахалю:

Кажется, Штаты Голландии создают плантацию между Суринамом и Картахеной в Вест-Индии... нацеленную главным образом на торговлю с испанцами... которые крайне нуждаются во всех европейских товарах. Они отправили... около 25 семей евреев и предоставили им множество привилегий и имунитетов. Испанский язык - родной язык евреев... и они будут очень полезны голландцам... для общения с испанцами по причине своей вежливости. Если бы наши плантаторы в Суринаме пошли тем же путем, было бы гораздо лучше их преимущество.⁵

«Привилегии и имунитеты» евреев соответствовали тем, которые были предписаны

в Patenta Onrossa, с одним существенным дополнением: Генеральные штаты — как и при раввине Палахе и Мозесе Коэне Энрикесе — заявили, что еврейским поселенцам, которые того пожелают, будут выдаваться лицензии каперов, «чтобы захватывать и поставлять Компании португальские суда».⁶ Их имена не зафиксированы, но нет никаких оснований сомневаться в том, что ряд капитанов-евреев, получив законные полномочия каперов, отплывали с Дикого берега, чтобы грабить корабли вражеских стран.

Осенью 1658 года Карл II играл в теннис в Бельгии, когда прибыл гонец с известием, положившим конец матчу: Кромвель умер «внезапно», и Англия ликовала. Один из авторов дневника того времени прокомментировал: «Кричали только собаки».7В течение десятилетия пуританство подавляло все удовольствия — держание за руки осуждалось, театры закрывались, пение и танцы запрещались; даже Рождество было запрещено изза папизма. «Населению не оставалось ничего другого, как размышлять о своих грехах и моли о прощении».8

Протектор умер естественной смертью. Сначала мало что изменилось. Его сын Ричард принял власть, и в королевстве воцарилась неестественная тишина, так что Турлоу написал: «Нет собаки, которая болтает языком, настолько велико спокойствие мы в деле.»9

Общественная апатия не продлилась долго. При пуританах нравственный маятник нации достиг вершины, балансировал там некоторое время, а теперь качнулся назад с возрастающей скоростью. Молодой Кромвель ушел в отставку через девять месяцев, и неэффективный парламент, который его заменил, оказался под растущим давлением, требующим отозвать короля. Больше не готовое кротко принимать пуританские ограничения, население смотрело на своего отсутствующего монарха, который жил по аксиоме «Я думаю, что нет радостей выше удовольствий любви».10Десятилетнее изгнание Карла во Франции, Шотландии, Бельгии, Германии и Голландии было изгнанием странствующего короля без королевства. Помимо множества любовниц, у него было мало чего еще. Тем не менее, в какой-то момент он в шутку написал, что ему не хватает только «скрипачей и кого-нибудь, кто мог бы научить новому танцы».11

Его веселье было ложным. Когда власть Кромвеля была на пике, власть Карла Состояние было таким, что его экономка писала, что у него даже нет денег на стирку. В этот период он обратился к заклятому врагу Англии, Испании. За оружие и деньги он обещал присоединиться к войне Испании против Англии, а после своего восстановления отменить антикатолические законы и вернуть Ямайку.

Но смерть Кромвеля и шумиха общественности по поводу его возвращения изменили ситуацию. Чарльз, теперь находившийся в Голландии и ожидавший своего возвращения, поклялся, что не питает никаких предрассудков и что никто не будет «беспокоен или привлечен к ответственности» за религиозную практику, которая не угрожает миру. Его так называемая Декларация Бреды, обещающая «свободу для нежной совести», была зачитана вслух в Палате общин, и был одобрен грант в размере пятидесяти тысяч фунтов для содействия его возвращению.

28 мая 1660 года Чарльз высадился в Дувре и на следующий день въехал верхом в Лондон по усыпанному цветами маршруту. Это был его тридцатый день рождения, и «общая радость», как заметил наблюдатель, «была за пределами воображения. Звон Звон церковных колоколов, приветствовавший его прибытие, был едва слышен из-за общего шума».12 Это было великолепное возвращение домой, которое он сравнил с «возвращением евреев из Вавилонское пленение».13 Но при всей этой помпезности Чарльз был разорен. Несмотря на парламентский грант, он даже не мог заплатить матросам, которые привезли его домой. Долг страны был таким, что не хватало денег, чтобы управлять страной, не говоря уже о финансировании нищего короля.14 Все это способствовало его признанию евреев как готового источника капитала.

С 1657 года тридцать пять еврейских семей Лондона проводили службы в доме 5 Creechurch Lane (рядом с нынешней синагогой в Bevis Marks). Они встречались открыто, но их положение было шатким, поскольку в публичных записях не было ничего, что указывало бы на то, что указ об изгнании был отменен. Им напомнили об этом, когда вскоре после смерти Кромвеля лондонские торговцы подали прошение об их исключении.15 Никаких действий предпринято не было, но их статус оставался ненадежным. В декабре 1659 года, за шесть месяцев до возвращения Чарльза, Томас Вайолет, лондонский олдермен, предстал перед судом, утверждая, что еврейское поселение было незаконным. Когда судья отложил свое решение, сославшись на нестабильный политический климат в стране, Вайолет попробовал другую уловку. Он дал своему сообщнику кошелек с фальшивыми монетами, поручив ему передать их раввину, думая, что тот пустит фальшивые деньги в оборот. Затем он мог обвинить евреев в заговоре с целью экономического краха страны. Но заговор был раскрыт, когда его сообщник

признался в этой схеме властям.16

Чарльз вернулся всего через пару месяцев, когда лорд-мэр Лондона представил ему очередную петицию торговцев, в которой евреи были охарактеризованы как «стая саранчи, [которая] развратила английских женщин [и] разрушила торговлю» и требовали их удаления. Называя Кромвеля «покойным отвратительным узурпатором», торговцы обвинили его в незаконном допуске евреев к «свободному сожительству и торговле [и] праву практиковать свою Судебный суеверие». Они просили Карла применить прежние законы против евреев, «и рекомендовали парламенту принять новые законы об их изгнании... и запретить за ними дверь».17 Вайолет, «беспокойный, вмешивающийся человек», последовал за их петицией с другой. Он потребовал, чтобы евреи из-за их «преступных наклонностей» были заключены в тюрьму, а их конфискованное имущество, выкупленное богатыми собратьями за границей.18

Несмотря на подобные обвинения, личная репутация Карла среди еврейских лидеров была высокой, как отмечал их раввин в письме к другу летом 1660 года:

«Согласно тому, что все говорят, добрая воля короля такова, что никто необходим посредник».¹⁹ Терпимый характер Чарльза был одной из причин их оптимизма; другой причиной была нехватка средств. В августе он признался, что теперь у него меньше денег, чем когда он впервые вернулся: «Я должен сказать вам, что я не стал богаче, то есть, У меня в кошельке не так много денег, как когда я пришел к вам».²⁰ Зная о финансовом положении короны, в ноябре Вайолет, одержимая евреями, призвала обложить евреев высокими налогами:

Их ростовщические и мошеннические действия процветают настолько, что они пытались купить собор Святого Павла для синагоги во времена позднего узурпатора... предполагают введение высоких налогов, конфискацию их личного имущества, и изгнание тех, кто не имел лицензии.²¹

Эта последняя попытка их изгнания стала последней каплей, которая побудила вдову Карвахалю, Марию, принять меры. Поскольку ее муж взял на себя инициативу в подаче петиции Кромвелю, Мария теперь выступила вперед. Ее собственная семья была жертвами инквизиции, поэтому она хорошо знала, что поставлено на карту. Узнав о последней петиции Вайолет, она созвала своих единоверцев к себе домой, чтобы составить и подписать

ходатайство о «защите его величества для продолжения пребывания и проживания в его владениях».²²

Чарльз направил их просьбу в Палату общин с запиской, в которой просил их «совета... по защите евреев». Палата общин, чувствуя, что он хочет защитить их, а не изгнать, разрешила предоставить им привилегии, предоставленные Кромвелем стоять.²³

23 апреля 1661 года Чарльз был официально коронован в Вестминстере, и в последующие месяцы недвусмысленно продемонстрировал свою поддержку еврейской общины. До конца года он натурализовал девятнадцать евреев и одобрил торговые права братьев де Касереса на Барбадосе.

Когда местные торговцы возражали, что «евреи настолько хитры... что в скором времени они поглотят всю торговлю», Чарльз не обращал на них внимания. Его позиция больше соответствовала позиции плантаторов в его колониях, которые писали: «Допуск евреев и введение свободной торговли будет чрезвычайно способствовать выгоде колоний и Его Величества... Если бы не евреи, [торговцы] захватили бы всю торговлю, вынуждая плантаторов принимать любые цены, которые они считают

соответствовать».²⁴

Отношение Карла к евреям в его королевстве соответствовало терпимости, которую он выразил в Бредской декларации. Лондонские евреи, которым больше не нужно было маскироваться или прятать свое богатство,²⁵ Каждую субботу они собирались в шаткой синагоге на первом этаже на Кричерч-лейн. Их место в обществе было одобрено Джоном Гринхалхом, видным христианином, который, посетив синагогу в апреле 1662 года, заметил в письме другу:

Когда я был в Синагоге, я насчитал около сотни евреев... все торговцы... ни одного механика среди них; большинство были богаты в одежде, с различными сверкающими драгоценностями (ибо они самые богатые ювелиры из всех). Они, как правило, черные и их можно отличить от испанцев или коренных греков, их волосы более совершенного цвета воронова крыла; у них быстрый пронзительный взгляд и сильный интеллект; некоторые из них миловидны, галантны, правильны господа. Я знал многих, кого видел ежедневно на бирже.²⁶

За Северным морем, четырьмя месяцами ранее, Авраам Коэн и Авраам Исраэль решили, что настало время нанести визит королю. Их друг Бенджамин Буэно Мескита, только что вернулся с Ямайки.²⁷сказал им, что ямайские евреи, которые первыми обнаружили шахту, а именно Авраам Суарес и Якоб Вилхоа, последовали его примеру и держали ее в тайне все эти годы. Теперь, когда евреи легально обосновались в Британии и колониях, а король проявил себя союзником, партнеры отплыли в Англию, чтобы привести в действие свой давно отложенный план заполучить шахту Колумба. Именно в этой связи в феврале 1662 года агент Чарльза в Рединге предупредил его о прибытии из Амстердама «некоторых евреев, имеющих сведения о золотой шахте, о которых испанец рассказал Его покойному Величеству существовал на Ямайке».²⁸Они направлялись в Лондон и искали королевской аудиенции.

5 марта 1662 года сэр Уильям Дэвидсон, королевский агент в Голландии, представил Карлу трех голландских евреев, которые утверждали, что знают местонахождение потерянной шахты Колумба. Это были Авраам Коэн, Авраам Исраэль и сын последнего Исаак. Двое пожилых джентльменов, сказал он, пользовались большим уважением в Амстердаме, где они были крупными игроками в колониальной торговле Голландии, и были богаты сверх всякой нужды.

Израиль рассказал, как он узнал о шахте от тайных евреев Ямайки, когда он был заключен в тюрьму на тогдашнем испанском острове. Он сказал королю, что они доверились ему, потому что боялись, что их фальшивое христианство будет

разоблачено инквизиторами из Колумбии. Зная, что его вот-вот освободят, они попросили его использовать эти знания, чтобы поощрить иностранное вторжение. Но к тому времени, как он вернулся в Европу, армия Кромвеля уже отплыла, и Ямайка уже была целью. Но вместо того, чтобы торговаться с противоречивым парламентом, они ждали семь лет, пока король не будет восстановлен на своем троне, прежде чем выступить вперед.

Хотя Чарльз ранее обещал вернуть Ямайку Испании, перспектива предполагаемых богатств шахты изменила его мнение. Неизвестно, что сказали евреи, чтобы убедить его, известно только, что, как указано в их контракте, «возлагая доверие и уверенность в ваших способностях, [он] был очень доволен и удовлетворен [предоставить] [им] полную власть... и полномочия... на Ямайке... искать, открывать, копать и

поднять... королевский рудник золота... независимо от того, будет он открыт или нет».29

Евреи за свой счет должны были командовать двухлетней экспедицией по поиску и разработке рудника, за что король должен был получить две трети золота, «полученного в клиньях», а евреи — одну треть. Как только рудник был найден, им была предоставлена монополия на торговлю бразильским деревом и пименто, основными экспортными товарами Ямайки. Кроме того, каждый шахтер (включая рабов) получал тридцать акров. В знак доброй воли они стали гражданами Англии, и когда проект контракта был парафирован, Чарльз в приподнятом настроении снял золотое ожерелье, которое он носил, и надел его на голову сына Израиля. Со своим другом Джорджем Вильерсом младшим, вторым герцогом Бекингемским, одобрителем наблюдавшим за ними, он сказал своим еврейским партнерам, что «дарит золотую цепь за их поддержка».30

Вильерс, осиротевший сын несчастного первого герцога, был взят в королевский дом после убийства его отца и воспитывался как своего рода суррогатный брат молодого принца. С детства они оба знали о шахте, которую впервые предложили их отцам в качестве побуждения к вторжению. Они знали, что она находится где-то на Ямайке, но поскольку, как сообщается, золотая жила была всего «два дюйма шириной», найти ее на острове площадью 4500 квадратных миль с густыми лесистыми горами было все равно, что искать иголку в стоге сена. Сообщается, что семья Колумба спрятала шахту, чтобы другие не смогли ее найти. «от вторжения на столь слабо населенный остров, как Ямайка».31

Чарльз сопровождал своего отца в первые годы гражданской войны, но после того, как армия короля потерпела поражение в 1646 году, он отправился жить во Францию к своей матери-католичке. Бекингем, после трехлетнего отдыха в Италии, куда его послала семья, вскоре присоединился к Чарльзу, и они оба погрузились в

удовольствия Парижа. Епископ Солсбери, один из их шести наставников (среди них был Томас Гоббс), обвинил восемнадцатилетнего герцога в том, что он ввел шестнадцатилетний принц «всем порокам и нечестию века».32 Оба аристократа разделяли любовь к женщинам, приключениям и театру, особенно к актрисам. Они также были очарованы научными открытиями той эпохи. Чарльз основал Королевское научное общество в июле 1662 года, чтобы поощрять серьезных исследователей, таких как сэр Исаак Ньютон, в то время как участие Бекингема было более дилетантским. В одном из первых обращений к Обществу он обещал пожертвовать рог единорога.

Это был тот экстравагантный дуэт, который заключил с евреями контракт, чтобы осуществить мечту всей жизни, которая когда-то вдохновляла их отцов.

В марте 1663 года HMS Отличный подарок прибывших в Порт-Ройял с тремя отцами и сыновьями, которые отправились на поиски и разработку легендарной шахты. На берег сошли Авраам и Якоб Коэн, Бенджамин и Джозеф Буэно Мескита, а также Авраам и Исаак Израиль, последний из которых щеголял тяжелой золотой цепью.

С Англией, Голландией и Францией, конкурирующими на торговых путях, еврейские купцы-авантюристы, особенно из Амстердама, были обласканы, а иногда и пользовались большим доверием, чем им положено. Было ли это в случае с так называемыми «евреями, находящими золото»? Начальник порта думал так. Подозрительный с самого начала, Уильям Бистон написал в своем дневнике:

Шесть евреев прибыли (с богатым грузом) под благовидным предлогом, что они прибыли в поисках золотой жилы, известной им во времена испанского правления...

[но] это был подлый предлог, поскольку их замысел состоял только в том, чтобы

вкрадываются ради Торговли.33

Как и в случае с исключительной торговой политикой Испании, Закон о навигации Англии запрещал иностранцам торговать с ее колониями. Суждение Бистона подтверждается тем фактом, что партнерам не только было предоставлено гражданство, но и вторая часть их контракта предоставила им монополию на перевозку «перца полого молотого», также известного как пименто или душистый перец, которым остров до сих пор славится. Год спустя, когда не было найдено ни одной шахты, евреев обвинили в мошенничестве. Карл лишил их привилегий и приказал выслать их с Ямайки. В своей досаде он также потребовал, чтобы они вернули его золотое ожерелье. Но в мае 1664 года, когда его указ об изгнании достиг Ямайки, партнеры уже уехали. Президент Совета

Ямайки написал королю: «Еврей, нашедший золото, ушел отсюда месяц назад... он оставил здесь руду и указания, как найти золото, но мы все неверные, потому что чудо должно совершиться в нашей стране».34

Каждый историк, изучавший эту историю, одобрил насмешливое суждение начальника порта о том, что Коэн и его партнеры прибыли «ради торговли», и что поиски шахты были уловкой этих коварных евреев, которые околдовали короля обещанием сокровищ. Более поздние действия начальника порта показывают, что у него была личная причина для вынесения своего вердикта. Тем не менее, предвзятость Бистона не обязательно опровергала его обвинение. Дальнейшее подтверждение было замечено в обвинении в 1664 году, что Мескита занимался незаконной торговлей с Кубой, пока он и его партнеры якобы искали мину.35

Эта циничная точка зрения в значительной степени возобладала. Однако пачка документов семнадцатого века, обнаруженная автором в Island Record Office в СпэнишТауне, старой столице Ямайки, предполагает, что, напротив, единственное мошенничество, которое могли совершить партнеры, заключалось в заявлении, что они не нашли шахту. Эти архивные свидетельства лучше всего понимать в контексте событий на Ямайке в этот период, позже увековеченный как золотой век пиратства.

ОСТРОВ БУКАНИР

ЯВ течение десятилетия после английского завоевания умирало больше людей, чем прибывало на Ямайке. Либеральная политика Кромвеля, направленная на «поощрение тех, кто переселится на Ямайку», обещала английское гражданство каждому ребенку, родившемуся там, и надел в двадцать акров каждому мужчине старше двенадцати лет (десять акров на каждую женщину).¹Но его заявленное решение «заселить и засеять этот остров» мало кого поддержало, поскольку просочились слухи, что Ямайка — земля голода и болезней, а враги повсюду стремятся отвоевать ее. План Кромвеля отправить тысячу ирландских мальчиков и девочек оказался мертворожденным; другой — перевезти из Шотландии «всех известных бездельников, грабителей и бродяг, мужчин и женщин», — был отклонен когда его предупредили, что «это подожжет всю страну». ²Обращение Кромвеля к собратьям-пуританам в Новой Англии также не имело успеха, когда их Делегат вернулся с Ямайки «в ужасе от смертности среди солдат». ³

Даже его единственный успех был недолгим. В ответ на его предложение прибыл губернатор Невиса с отрядом из 1500 мужчин, женщин и детей и поселился на восточной оконечности Ямайки. Будучи фермерами, новички немедленно принялись за работу по расчистке и засеиванию многих акров. Вскоре у них был обильный урожай, но собирать его пришлось другим: за три месяца, которые потребовались для созревания урожая, тысяча из них умерли. ⁴Кромвель неохотно продолжал отправлять больше солдат и продовольствия (так называемые «запасы для выживания»). ⁵Но это не был ответ.

В 1657 году он поручил командующему Ямайкой полковнику Эдварду Д'Ойли направить официальное приглашение пиратам Тортуги назвать Ямайку своим домом. ⁶Когда они начали избавляться от своих товаров, «прекрасное начало города возникло вокруг форта», который де Касерес рекомендовал охранять вход в гавань. Занимая кончик длинного и узкого полуострова, портовый город мог расти только вверх, но не вширь. Пресную воду приходилось доставлять на лодке, что было единственным способом

добраться до города. Однако глубина порта была такова, что самые большие корабли могли разгружаться у его причалов, а сотни других могли встать на якорь в крупнейшей гавани Карибского моря, защищенной семимильным полуостровом.

Сначала каждая команда пиратов была силой сама по себе, выбирая (и распоряжаясь) капитанов по своему желанию, чтобы они плавали по морю на торговых судах и заблудившихся

галеонах. Это изменилось в 1659 году, когда командующий флотом Ямайки, коммодор Кристофер Мингс, собрал их всех вместе. Только сильный лидер мог объединить людей, столь яростно индивидуалистичных, и Мингс, который поднялся по карьерной лестнице от юнги, был крутым старым морским волком, который подходил под эти требования. Вместо того чтобы топтать корабли в море, он предложил им объединиться под его командованием и атаковать испанские города. Во время своего первого предприятия Мингс и его люди разграбили три города на Майне и вернулись с уловом стоимостью 1,5 миллиона монет по восемь. Это зрелище ослепило людей. После нескольких дней шумного празднования так много серебра перешло из рук в руки один из них написал: «Ни один человек на острове не получил никакой выгоды от этого действия».⁷

Высокородные английские офицеры были оскорблены диким весельем и насмехались над Мингсом за то, что он позволил своим пиратам оставить себе столько добычи. Они называли его «гордым, тщеславным дураком и мошенником, обманывающим Государство и грабеж торговцев».⁸ Это был кислый виноград. С успехом не поспоришь. Новости о подвиге Мингса привлекли в порт других пиратов, торговцев, владельцев таверн, проституток и разных грязных искателей удовольствий, так что за несколько лет Пойнт, как его называли, вырос из «бесплодной песчаной косы, в самый большой и богатый город в английской Америке».⁹ Триумф Мингса проложил путь золотому веку пиратства под командованием одного из его молодых капитанов, известного в истории как адмирал-буканьер сэр Генри Морган.

В августе 1660 года новости о восстановлении Карла достигли Ямайки. Больше не было секретом, что он обещал вернуть Ямайку Испании, когда вернет себе трон. Поскольку будущее острова было под вопросом, купцы в Англии и на Ямайке нервно ждали, что сделает их король. Им не стоило беспокоиться: Карл быстро отказался от своего обещания, заявив, что дал его исключительно для того, чтобы заручиться помощью Филиппа в возвращении своей короны, и поскольку никакой помощи не последовало, Ямайка останется английской.

Эта уверенность, вместе с поражением партизан Ясасси и успехом растущего порта Ямайки, позолоченного грабежом и защищенного пиратами, поставила остров на более надежную основу. За предыдущие пять лет Ямайка стала местом захоронения целых трех четвертей из почти двенадцати тысяч мужчин, женщины, дети и рабы, прибывшие на остров.¹⁰ Но теперь каждый корабль прибывал с новыми колонистами, в основном из Англии. Поскольку партизаны больше не представляли угрозы, поселения распространялись вглубь страны. Было засажено больше земель, и еды было в изобилии. Испанское серебро, полученное путем грабежа и контрабандной торговли, хлынуло на Ямайку. Теперь, когда колония стала платежеспособной, она начала регулярную торговлю с Бостоном, отправляя твердую

древесину и шкуры крупного рогатого скота за свежую еду и соленую рыбу. Форт Кромвель был переименован в Форт Чарльз, а Пойнт окрестили Порт-Роялем.

Кормимый грабежом, вскормленный торговцами и приправленный чувственными удовольствиями, Порт-Ройял привлекал английских и французских пиратов, а также людей без национальности, или, по крайней мере, тех, кого они не признавали. Здесь они нашли то, что им было нужно больше всего: готовый рынок для испанской добычи, возможности для ремонта и оснащения своих кораблей и непристойные удовольствия, которые они искали между рейсами. К концу 1660 года было всегда «в этом районе находится не менее дюжины вооруженных кораблей».11 Благодаря их грозному присутствию Карл почувствовал себя достаточно комфортно в то Рождество, чтобы отозвать флот в Англию, а в следующем году расформировал большую часть армии.

Иберийские евреи, приветствуемые Кромвелем и Карлом II, теперь прибывали на Ямайку со всего Нового Света и из-за рубежа. Здесь они могли сбросить свои плащи *converso* и жить свободно и процветать. Вместе с братьями из Голландии и Англии еврейская община включала судовладельцев из Мексики и Бразилии, торговцев из Перу и Колумбии, капитанов кораблей и лоцманов из Невиса и Барбадоса. Объединившись с португальцами Ямайки, их объединенные знания о торговле Нового Света (как легальной, так и нелегальной) были непревзойденными.

Перепись населения острова в августе 1662 года показала, что население Ямайки составляло 6000 человек (включая 552 раба), а также что в Порт-Ройале находилось тридцать «крепких судов».

управляемый тремя тысячами пиратов.12 В то время Мингс был за границей с 1500 из них, грабя Сантьяго, второй по величине порт Кубы, и разграбляя Кампече в Мексике. В декабре он вернулся, где его встретили как героя, и вскоре после этого был отозван в Англию, где был посвящен в рыцари Карлом и назначен адмиралом.13

Когда известие о подвиге Мингса достигло Испании, Филипп был в ярости. Он написал Чарльзу требует удовлетворения. Разве он и Чарльз не договорились о перемирии всего несколько месяцев назад? Кампече был недалеко от Вера-Крус, где флот был загружен серебром и другими сокровищами. Опасаясь, что Вера-Крус может быть следующим, Филипп поспешно отправил армаду, чтобы сопровождать флотом.

Чарльз заверил Филиппа, что набеги Мингса происходили без его ведома и что он положит этому конец. Он написал губернатору Ямайки: «Понимая, с какой завистью и обидой испанцы смотрят на наш остров и как они склонны предпринять какие-либо попытки захватить его... король выражает свое недовольство всем таким начинаниям и приказам, чтобы ничего подобного не предпринималось в будущем».14 Несмотря на его осуждение, черновик письма короля передал его истинные чувства. Призывая к прекращению подобных нападков, он сначала написал: «Его Величество услышал об успехе предприятия, которое он не может не радовать себя энергией и решимостью,

с которыми оно было выполнено». Его последующие письма губернатору Ямайки указывали, что, если дать правильный повод, его приказы воздержаться можно было проигнорировать.¹⁵

Версии этого эпизода повторялись снова и снова в последующие десятилетия. В столетие, которое началось с Тридцатилетней войны, мир был редкостью. Когда соперничающие державы Европы соглашались на перемирие, чаще всего это было для того, чтобы две подписавшие стороны могли совместно атаковать третью. Иногда пиратов сдерживали, а лицензии на нападение на корабли других стран отзывали. Но эти лицензии, известные как каперские свидетельства, вскоре выдавались заново под каким-то предлогом. Испания была предпочтительной целью, но внезапные изменения в союзах означали, что иногда корабли Португалии, Голландии и Франции также были законной добычей. В 1665 году французы и голландцы воевали с Англией. Голландцы бомбардировали Барбадос, а в следующем году французы разгромили англичан у Сент-Китса и угрожали Ямайке.

Публично Чарльз ругал морских разбойников; в частном порядке он закрывал на это глаза. Губернаторы были отправлены на Ямайку «со строгим приказом сохранять мир», но быстро научились кричать во весь голос: «Испанцы идут!» Предполагаемая необходимость предотвратить иностранное вторжение была обычным предлогом для освобождения пиратов. Кроме того, утверждалось, что если Ямайка откажет им в свободе Порт-Рояля, они прибегнут к другим убежищам и, возможно, даже нацелятся на английские корабли.

В марте 1663 года «евреи, нашедшие золото», вошли в город, который вырос почти до трехсот зданий. Когда они ушли на следующий год, была построена еще сотня, все они были сбиты вместе в конце в остальном бесплодного полуострова. Посетитель описал кривые улицы и узкие переулки Порт-Рояля, выстроившиеся вдоль магазинов, таверн и складов, увенчанных домами с балконами, как имеющие вид «английского города в графстве, расположенного на конце тропической косы».¹⁶ Во время завоевания это место представляло собой «ничего, кроме сыпучего песка, [без] травы, камня, пресной воды, деревьев или чего-либо еще», и использовалось испанцами только для кренования кораблей для очистки своих корпусов.¹⁷ Десять лет спустя коса превратилась в сокровищницу Индии, так прозванную за ее заполненные добычей склады вдоль причалов, забитые ящиками с сахаром, какао, красивым деревом, драгоценными камнями, посудой, слитками и другими товарами. С пиратскими судами, выгружающими свою добычу, в то время как другие ждали в гавани, чтобы извергнуть свои несправедливо нажитые богатства, и гребными шлюпками, курсирующими между судном и берегом, пассажирами и товарами,

Набережная представляла собой шумное, непрерывное место кипучей человеческой деятельности.¹⁸

Пираты захватили богатства, но именно купцы, как сефарды, так и конкурирующие англичане, получили наибольшую прибыль, скупая добычу «по собачьей дешевке» на причале и продавая ее по высокой цене за границу. Один из посетителей написал: «Торговцы живут здесь в роскоши, в полном покое и достатке, роскошно одетые... не желая ничего, что могло бы порадовать и

удовлетворить их любопытные аппетиты». Их элегантные дома были впечатляющими, обставленными добычей — серебряной посудой, хрустальными люстрами и другими вещами, которые когда-то украшали касу дворянина или обеденный стол епископа. Чтобы не отставать, к 1663 году двадцать два капитана пиратов имели столь же величественные резиденции и подковывали своих лошадей серебряными подковами, небрежно прибитыми и небрежно брошенными, чтобы показать свое презрение к накопленному богатству.

Неизвестно, как Коэн и его партнеры проводили время на Ямайке. Менее чем через год они уехали. Ушли также, по крайней мере, из исторических записей, два португальца, которые приветствовали англичан, Дуарте Акоста и Франсиско Карвахаль. Сефардские имена появляются в ранних земельных актах острова, коносаментх, завещаниях, судебных исках, иммиграционных записях, враждебных петициях и так далее. В Порт-Рояле была Еврейская улица и синагога. Упоминаются ведущие еврейские торговцы порта (15 из списка 125 торговцев), как и их враги, конкурирующие торговцы, которые ходатайствовали об изгнании «распинателей нашего Господа... которые едят нас и наши дети вне всякой торговли».19

Большинство кораблей плыли в Англию в соответствии с Навигационным актом; другие тайком приплывали и уплывали, чтобы избежать регистрации. В государственном реестре Ямайки объем груза, отправленного еврейским торговцам, относительно невелик. Как и на испанской Ямайке, сефарды доминировали в так называемой тихой торговле. Именно в этой недокументированной торговле с торговцами-конверсо в испанских колониях сефарды Ямайки специализировались на поставках им европейских товаров по выгодным ценам.20 Незарегистрированные товары, направлявшиеся в Вера-Крус, Гавану, Номбре-де-Диос, Картахену и Санта-Марту, покидали Порт-Ройял и окружающие мангровые заросли на немаркированных шлюпах глубокой ночью. Архивные записи содержат имена девяноста шести евреев, которые жили в Порт-Ройяле в ту эпоху. То, что их было больше, несомненно, но их имена отсутствуют в публичных записях. Поскольку торговля ограничивалась гражданами Англии и натурализовавшимися евреями, нелегальные еврейские торговцы держали свое участие в тайне.

Сколько там было нелегальных иммигрантов и насколько велика была тихая торговля? Историки Порт-Рояля Дэвид Буссерет и Нуала Захедье даже не рискуют делать предположения. Их подробный анализ публичных записей порта просто отмечает, что скрытый характер торговли затрудняет ее количественную оценку. Однако показателем масштабов контрабандной торговли по всему Новому Свету может служить тот факт, что хотя испанские галеоны не прибывали в течение двух лет после того, как Карл вернул себе трон, когда корабли наконец прибыли, загруженные товарами в 1662 году, покупателей было мало. Их товары, как говорили колонизаторы, были слишком дорогими, и Галеоны «возвращались [в Испанию] с большей частью нераспроданного груза».21

В 1660-х годах Порт-Ройял был самым загруженным портом в Новом Свете и самым дорогим. Занятость была обильной, а зарплаты в три раза выше, чем в Англия. Только в самом сердце Лондона арендная плата была такой дорогой.²² Постоянными жителями города (численность которых в 1664 году составляла четыреста человек) были ремесленники, торговцы, владельцы таверн и ночные девицы, обслуживавшие транзитных посетителей порта. После того, как добыча была поделена, пираты отправились в бары и бордели — один на каждые десять жителей. Каждое место предлагало свой собственный сорт порока, и, как говорили, ни одно не испытывало недостатка в клиентах. В прохладе вечера началось неприкрытое веселье. Таверны распахнули свои двери, и курящие трубки, одетые в нижние юбки куртизанки прогуливались по переулкам.

После торговцев, именно владельцы куполов удовольствий больше всего наживались на транжирстве дикарей. Говорили, что ни один настоящий пират не пойдет

снова в море, пока не потратил все последние восемь монет «во всех видах разврата». Он проиграл их, пропил и потратил на дам. «Штуки из восьми были разбросаны, и никто не удосужился пересчитать сдачу».²³ Для яркой картины «разврата на широкую ногу» стоит процитировать отрывок из голландского хирурга (и подозреваемого *converso*) Джона Эсквемелина, служившего с Морганом. Он писал, что как только пират получал свою долю, все, чего он желал, были «шлюхи и вино»:

Находятся такие пираты, которые тратят 3000 монет по восемь за одну ночь, не оставляя себе, возможно, хорошей рубашки, чтобы надеть ее утром... Я видел, как один дал проститутке 500 монет по восемь только для того, чтобы увидеть ее голой. Мой собственный хозяин [Морган] покупал в подобных случаях целую трубку вина и, выставя ее на улицу, заставлял всех пить с ним; угрожая также выстрелить в них из пистолета, если они не будут этого делать. В других случаях он разливал эти напитки по улицам и мочил одежду прохожих, не обращая внимания на то, он портил их одежду или нет, были ли они мужчинами или женщинами.²⁴

Такие безумные моменты на берегу лишь отчасти отражают сложность людей, которые начали жизнь в Старом Свете и сбежали в Новый. Стереотипный пират с платком на голове и саблей на поясе, поющий «Йо-хо-хо и бутылка рома!», не может описать этих необузданных людей, которые на Эспаньоле спали со своими животными, «не имея ничего, кроме ножа и ружья,

небо их покрывало.”²⁵Парень с повязкой на глазу и золотой серьгой был прирожденным анархистом, который следовал своим путем в неизведанном путешествии, которое в конечном итоге привело его в Порт-Ройял. На Тортуге он нашел убежище. На Ямайке он нашел дом.

Чтобы поддерживать видимость порядка, в Порт-Рояле было две тюрьмы, клетка, табурет для ныряния и колодки. Одна тюрьма была для моряков «и других недисциплинированных элементов». Другая была для женщин, «чтобы смягчить ярость этих горячих амазонок». Ночная облава загоняла в клетку тех, кто был слишком пьян, чтобы дойти до кровати. Когда они не занимались проституцией,

Пираты стреляли по мишеням и играли в карты, кости, бильярд, шаффлборд, петушиные бои и на зверском матче, в котором участвовали бык и медведь. Это была пропитанная ромом сцена — безвкусная, шумная и жестокая. Таверны и бордели «отстой их, высосал досуха, а затем выбросил, чтобы поискать еще золота».²⁶Недавно прибывший священнослужитель, потрясенный до глубины души, покинул город на корабле, на котором прибыл, и впоследствии написал: «Этот город — Содом Нового Света, большую часть населения которого составляют пираты, головорезы, шлюхи и некоторые из самых подлых людей в мире». весь мир».²⁷Другой посетитель согласился: «Почти невозможно цивилизовать [город]. Мерзкие шлюхи и проститутки — ходячая чума для над которым не властны ни клетка, ни кнут, ни табурет».²⁸

Место действия требует хорошего романиста. Это интересная задача, поскольку ранее представленные персонажи теперь появляются в Порт-Рояле: Моисей Коэн Энрикес, чье гражданство было подписано Генри Морганом, жил здесь со своей женой Эстер; Кампоз Сабада, пилот вторжения, также получил гражданство; и Авраам Лусена, один из полудюжины евреев, которые вместе с Якобом Коэном и Исааком Израилем сражались со Стайвесантом, в конечном итоге стали владельцами земли в порту.

Затем есть интересная фигура Батоломея (он же Бальтазар) Португальца, чьи злоключения являются частью фольклора буканьеров. Изгнанный с Ямайки после того, как он помог английским захватчикам в 1642 году, он стал полноправным пиратом и заходил в порт и выходил из него во время бродячих экспедиций. Его история рассказана его современник Джон Эсквемелин.²⁹Умнее и настойчивее большинства в своей профессии, еврейский пират не знал, когда следует остановиться. В 1666 году, когда его корабль был сильно уступал по оружию и экипажу, он захватил «большое судно» у южного побережья Кубы с богатым грузом какао-бобов и семьюдесятью тысячами штук осьмушек. Встречные ветры помешали его благополучному возвращению в Порт-Ройял, и он был перехвачен тремя испанскими военными кораблями, которые доставили его в близлежащий порт Кампече. Варфоломей

ранее избежал там заключения (за «бесконечные убийства и грабежи»), его похитители решили оставить его на борту корабля, «опасаясь, что он сбежит от них на берегу».

Зная, что его повесят на следующий день, Варфоломей, не умеющий плавать, сделал пару грубых водных крыльев из двух пустых винных кувшинов, убил своего охранника и спрыгнул за борт. Спрятавшись в мангровом болоте, он три дня скрывался от поисковых групп в дупле дерева. Используя гвозди, спасенные от доски, выброшенной на берег, он построил плот из прутьев и веток и поплыл вниз по реке к уединенной гавани, часто посещаемой пиратами. Там он встретился с командой ямайских пиратов, «которые были его большими товарищами». Рассказывая о своих «невзгодах и несчастьях», он пообещал им долю богатства, если они дадут ему небольшой корабль и двадцать человек, чтобы вернуть себе большой корабль, который был его две недели назад. Войдя в порт незамеченным, он и его люди смогли убедить тех, кто был на борту, что они были торговцами, прибывшими с материка. К тому времени, как испанцы осознали свою ошибку, было уже слишком поздно.

Варфоломей снова стал хозяином корабля, на котором он ранее содержался в плену в ожидании казни. Хотя серебро было изъято, товары по-прежнему находились в трюме, и, сняв якорь, он отплыл на Ямайку «с величайшей радостью». Но к югу от Кубы «удача внезапно снова отвернулась от него, чтобы никогда больше не показывать ему своего лица». «Ужасный шторм» разбил корабль о скалы, оставив его и его команду только с каноэ, чтобы вернуться в Порт-Ройял. Эсквемелин завершает свою монографию, отмечая, что хотя Варфоломей выжил, чтобы «заново искать свою удачу... с этого времени [она] всегда оказывалась ему неблагоприятной».

Критики ссылаются на более раннее присутствие в Порт-Рояле родственника Авраама Коэна Джозефа Буэно Энрикеса и его предполагаемую осведомленность о секретном испанском медном руднике как на доказательство того, что предполагаемый поиск Коэна был «мошенническим». схема... чтобы получить доступ к экономической жизни и торговле Ямайки».30В 1661 году Джозеф подал прошение «Вашему Величеству с просьбой разрешить ему отправиться на Ямайку... [чтобы] обнаружить медный рудник... который испанцы... сочли продуктивным». Он утверждал, что, когда он жил на Ямайке в 1658 году, сбежавший испанский заключенный «сообщил мне о [его] местонахождении». Он имел наглость предложить Чарльзу скупую 10 процентов от выручки, и король отклонил его предложение.³¹Однако позже Карл предоставил ему гражданство, и в переписи Порт-Рояля 1672 года он был указан как один из шестнадцати еврейских торговцев, получивших такое гражданство.

История, кажется, подтверждает точку зрения скептиков. Но прочтение королевского контракта явно развеивает представление о том, что Коэн и его партнеры действительно приехали «ради торговли». В нем недвусмысленно говорится, что евреям будет предоставлено право экспортировать «весь полый перец [pimento], только в случае

открытие... обнаружение и разработка рудника» [выделено мной].³² Следовательно, если бы их поиски действительно были фиктивными и не было бы никакой шахты, то не было бы и никакой торговой выгоды.

Никогда ранее не доступные документы, найденные в архивном хранилище, также подтверждают мнение о том, что поиски золотого рудника были реальными и что Коэн, если он на самом деле не нашел место, по крайней мере считал, что знает, где оно находится. Они показывают, что Коэн, несмотря на свое пожизненное изгнание, вернулся на Ямайку где-то в 1670 году и в январе 1671 года захватил 420 акров в изолированной речной долине у истоков реки Оракабесса (территория, которая сегодня подтверждена Министерством горнодобывающей промышленности Ямайки как золотonosный регион). Действия Коэна — оставить свою новую семью в Амстердаме и отправиться на далекий остров, с которого он был изгнан, чтобы купить землю в скрытой долине — кажутся правдоподобными, только если он верил, что там находится место рудника Колумба.

Что касается мнения Бистона о том, что миссия была мошенничеством, то это тоже требует другого взгляда, не только из-за возвращения Коэна, но и потому, что последующие действия Бистона показывают, что он не был другом евреев. Помимо охраны набережной, он был конкурирующим торговцем и не раз пытался выслать евреев: В ноябре 1671 года начальник порта захватил принадлежавшее евреям судно под предлогом того, что евреи были иностранцы и не имели права торговать.³³ Суд отменил его решение, но когда он стал губернатором в 1700 году, он попытался изгнать евреев с острова. На этот раз его средством было обложить их налогом, что, как они официально протестовали, было «чрезвычайным Маннер надеется таким образом заставить [нас] покинуть остров».³⁴

Неумолимая враждебность Бистона снова проявилась в 1702 году, когда евреи, ссылаясь на несправедливое обращение, подали прошение на право голоса. Бистон, при согласии Совета Ямайки, объявил их жалобу «ложной и скандальной» и предложил «заключить их в тюрьму за их самонадеянность». Они не были заключены, но им было приказано выплатить дань в размере двух тысяч фунтов. Когда евреи обжаловали штраф, Корона встала на их сторону, но не в вопросе избирательного права.³⁵

Архивные документы освещают то, что происходило на Ямайке, когда Коэн был изгнан в 1664 году, вплоть до его последнего появления в 1675 году. Дважды в течение этого десятилетия он приезжал и уезжал с острова, сначала для покупки земли в долине, позже для ее освоения. Чего документы не раскрывают, так это того, что позволило ему вернуться, чтобы купить землю в 1670 году, и что заставило его внезапно уехать в следующем году. Они также не объясняют, почему в 1674 году он счел безопасным вернуться, якобы для работы на руднике, только чтобы снова уйти в спешке.

В июне 1664 года, через два месяца после того, как «золотоискатели-евреи» покинули Ямайку, с Барбадоса прибыл новый губернатор острова Томас Модифорд. В отличие от Бистона,

Модифорд поддерживал еврейское поселение. Неделями ранее, когда он еще был губернатором Барбадоса, он свидетельствовал «о ценности еврейских торговцев в процессе заселения колонии... евреи являются нашими главными поставщиками на Барбадосе, и продают очень дешево, и нередко дают два года на оплату, по которым кредит Более бедные плантаторы чудесным образом улучшили свое положение».36 Модифорд, вступивший в должность на Ямайке, возможно, не знал о королевском указе, изгнавшим Коэна и его партнеров, но он, несомненно, знал об этом, когда одобрил земельный акт Коэна в 1671 году, и иным образом поддерживал его присутствие.

Модифорд правил Ямайкой в период расцвета пиратства. С 1666 по 1670 год буканьеры и их лидер Генри Морган вторгались в легендарные города Мэйна и удерживали их граждан ради выкупа. Используя те же пытки инквизиции (а порой и тот же аппарат), они заставили испанцев отдать свои богатства. За пять лет непрерывных грабежей Морган, с Модифордом в качестве своего покровителя и защитника, и поддерживаемый еврейскими торговцами Порт-Рояля, «напали и разграбили 18 городов, четыре города, 35 деревень и бесчисленные корабли».37

Морган родился на ферме в Уэльсе в 1635 году в зажиточной семье. Будучи предприимчивым юношей, он отправился в Бристоль, тогда крупный порт работорговли, и вскоре оказался втянутым в нее — в буквальном смысле. «Shanghaied» — более поздний термин для того, что называлось «Barbadoed» — похищение и перевозка в чужую страну для продажи в качестве кабального слуги. Так получилось, что девятнадцатилетний фермерский мальчик, слонявшийся по докам, был схвачен и посажен на борт корабля, направлявшегося в Барбадос. Проданный владельцу табачной плантации, он недолго трудился. Вскоре после этого прибыл флот Кромвеля, и, получив обещание свободы, он присоединился к армии Венейблса и оказался на Ямайке. Больше о нем ничего не известно до 1662 года, когда он нанялся к Мингсу. К тому времени он сражался с «убийцами коров» на Эспаньоле и партизанами Исасси на Ямайке, приобретая боевой опыт, который хорошо послужил ему в последующие годы, а от Мингса он усвоил важные уроки, которые сделали его блестящим стратегом. То, что он также был храбрым, бесстрашным и жестоким, было не менее важными качествами.

Модифорд и Морган были идеальной парой для формирования колонии. Хотя во многом они были противоположностями, они дополняли друг друга. Потомок Моргана позже противопоставил их: «[Модифорд] был хитрым, воспитанным, элегантно одетым и чрезвычайно популярен; его сексуальные наклонности склонялись к гомосексуализму».38 Морган же, напротив, был похотливым, шумным и гордым. Ром был его эликсиром, и его обычно можно было найти с приятелями в тавернах Порт-Рояля, где под рюмку он любил плести

небылицы. Оба мужчины были обаятельными, амбициозными, двуличными и макиавеллистскими.

Несмотря на всю свою распушенность и вулканический темперамент, Морган был великим лидером, а когда требовалось, дисциплинированным и блестящим тактиком. Морган делал все возможное, чтобы завоевать место и выжать последний кусок из пленника. Если у него и его людей были угрызения совести, они их скрывали: они убивали солдат и священников, насиловали женщин и монахинь, пытали взрослых и детей и взрывали церкви. Модифорд, со своей стороны, управлял вмешательством, называя действия Моргана необходимыми для обороны Ямайки.

Когда Модифорд прибыл в июне 1664 года со строгим приказом отозвать буканьеров, Морган был в отъезде, уехав в ноябре предыдущего года в двухлетнюю экспедицию, во время которой он совершил набег на три города в Центральной Америке. Когда он наконец вернулся, буксируя восемь испанских кораблей, все из которых были нагружены богатствами, он убедил Модифорда, что его действия были необходимы для предотвращения испанского нападения. Губернатора не нужно было долго убеждать. Незадолго до возвращения Моргана он получил тревожные новости о том, что направляющееся на Ямайку судно, на котором находился его старший сын, подверглось нападению испанцев. Сообщается, что молодого человека взяли живым, но либо сначала пытали, прежде чем убить, либо отправили куда-то в качестве раба в Южных морях.³⁹ Посоветовавшись с Морганом, Модифорд написал генералу Джорджу Монку о причинах, по которым он отпустил пиратов:

Я не могу не предположить, что мы должны быть в какой-то мере ограничены, пока [испанцы] вольны действовать по отношению к нам так, как им заблагорассудится, от чего мы никогда не будем в безопасности, пока король Испании не признает этот остров ЕГО величества и включает его в капитуляции.⁴⁰ В 1666 году Модифорд снова выступил в защиту буканьеров:

Испанцы смотрят на нас как на захватчиков и нарушителей, где бы они нас ни находили в Индиях, и обращаются с нами соответственно; и если бы это было в их власти... они бы выгнали нас со всех наших плантаций... Только силой можно было бы их остановить. разруьте [их] недобродетельную максиму, запрещающую любой доступ посторонним.⁴¹

Модифорд был хитрым политиком. В его донесениях не упоминается ни добыча, ни личная месть. Вместо этого он утверждает о том, что Ямайка находится в постоянной опасности от испанского вторжения и что только атаки Моргана были сдерживающим фактором.

Получение и инвестирование 10 процентов всей добычи, привозимой в порт, в конечном итоге сделали Модифорда одним из самых богатых людей в Английской империи. Управляя посредством провозглашения, он правил как независимый монарх, подчиняясь только королю за тысячи миль, чьи директивы приходили месяцами. Главные военные и судебные должности были предоставлены членам семьи, и он один решал, как тратить доходы острова.

Оправдание короля Карла королю Филиппу, что Морган действовал вопреки его приказам, было скудным удовлетворением для опустошительных набегов Моргана, особенно когда Чарльз без проблем прикармливал свою долю добычи. В начале 1670 года испанцы взяли дело в свои руки. Губернатор Портобело снарядил каперов для нападения на английские торговые суда, и Филипп отправил шесть военных кораблей в Карибское море. Морган сказал, что их было двенадцать, и пожаловался, что армада была отправлена «чтобы захватить всех англичан, на которых они смогут напасть... и с одним или двумя фрегатами, стоящими у мыса [Порт-Рояль], захватить всех наших корабли и таким образом разрушают это место, препятствуя нашей торговле».42

Моргана сдержал осторожный Модифорд, но затем произошел инцидент, который он не мог игнорировать. Испанский капер совершил набег и сжег несколько ферм вдоль незащищенного западного побережья Ямайки, и в акте необузданной наглости прибил презрительное послание к дереву. Дерзкий пират писал, что только нехватка времени помешала ему отплыть «к устью Порт-Рояля, чтобы объявить словом: Я, капитан Мануэль Ривера Пардаль, пришел искать адмирала Моргана... и Я молю его прийти ко мне и увидеть доблесть испанцев».43Его оскорбительный вызов привел в ярость пиратов и весь Порт-Ройял. Купцы, торговцы, владельцы таверн и даже дамы в юбках громко возмущались.

Однако на самом деле они, должно быть, улыбнулись хвастовству пирата, которое послужило бы поводом к войне, чтобы отпустить пиратов и возобновить поток испанского серебра. В июле 1670 года Модифорд обратился к разгневанному Совету. Ссылаясь на доказательства испанской агрессии и вызов Пардала, он потребовал, и они тут же согласились:

Для безопасности этого острова и торговых судов... адмирал Морган должен собрать все военные корабли, принадлежащие этой гавани... и выйти в море, чтобы захватить, уничтожить и уничтожить все вражеские суда, которые окажутся в пределах его досягаемости... и чтобы он имел право высаживаться на территории врага... совершать всевозможные подвиги, которые могут способствовать сохранению и спокойствию этого острова... и все полученные товары должны быть разделены в соответствии с их

Хотя Совет не уточнил, где именно Морган должен был атаковать, не было секретом, что его целью была Панама. Годом ранее Морган пригрозил губернатору Панамы, что вернется в течение года. Рядом с Картахеной, Панама-Сити, основанный в 1517 году, был крупнейшим городом в Индии. Отделенный от пиратов перешейком шириной в двадцать пять миль из почти непроходимых гор, рек и джунглей, его граждане считали, что они в безопасности. Однако сама безопасность города делала его уязвимым для людей, воодушевленных обещанием грабежа. Его торговцы, стремящиеся только к накоплению золота, жили в ленивой роскоши во дворцах из душистого дерева, искусно вырезанных и выполненных в мавританском стиле, обставленных предметами роскоши из Европы. Как описывал его Морган: «Знаменитый, древний город Панама является величайшим рынком серебра и золота в мире, поскольку он получает товары, которые поступают из старой Испании на великом флоте короля, и доставляет их в Перевозите все серебро и золото, добываемое в рудниках Перу и Потоси».45

Модифорд, понимая, что последствия такого нападения, каким бы успешным оно ни было, лягут на его плечи, стремился заручиться поддержкой самых близких к королю людей. Надеясь заручиться благословением Англии, он написал своему союзнику лорду Эшли, одному из доверенных лиц Карла, что он «мелкий губернатор без денег» и не желает объявлять войну «самому богатому и могущественному принцу Европы». Но поскольку Испания объявила ему войну, у него не было выбора. Предвидя приказ воздержаться, он многозначительно добавил: «Но я гораздо больше боюсь осуждения моих друзей и

соотечественники в этом случае, чем меч врага».46

Он был провидцем в этом отношении, поскольку Чарльз тогда находился в Мадриде, ведя мирные переговоры. Всего через неделю после того, как Модифорд одобрил план Моргана, два суверена подписали «Договор о преодолении разногласий, сдерживании грабежей и установлении мира в Америке». В обмен на запрет пиратства Англией Испания согласилась признать ее владения в Новом Свете. Однако к тому времени, как Модифорд получил известие о договоре, Морган уже отплыл. Он послал за ним лодку с приказом вернуться в порт, но, как он написал королю, «судно вернулось с моими письмами, разминувшись с ним в его старом рандеву».47

Именно в этот период Авраам Коэн тайно вернулся из Амстердама, чтобы захватить определенный участок земли в глубине Ямайки. 2 декабря 1670 года, когда Морган раскрывал своим соотечественникам свой план «по «Захватим Панаму... ради блага Ямайки»,⁴⁸ Коэн и его инспектор шли по неисследованной речной долине на северном побережье Ямайки. 11 января, когда Морган и тысяча человек прорубали перешеек, инспектор Коэна, орудя прут и цепью, установил границы участка площадью 420 акров в верховьях реки Оракабесса. 7 февраля, пока Морган и его люди опустошали Золотой город, Модифорд подписал акт, подтверждающий право собственности Коэна на землю.

Хотя Модифорд не знал этого в то время, его действия были технически незаконными, не только из-за указа об изгнании, который все еще был в силе, но и из-за того, что сам Модифорд больше не был губернатором. Месяцем ранее, когда Чарльз узнал, что Морган не был отозван, он обвинил Модифорда и отозвал его полномочия: «В то время как сэр Томас Модифорд, покойный губернатор Ямайки, вопреки прямым приказам короля, совершил много грабежей и враждебных действий против подданных доброго брата его величества

Католический король».⁴⁹

Когда известие о пожаре Панамы достигло Испании, английский посол сообщил: «Королева провела несколько часов на коленях, моля Бога о помиловании».

мечь; вся Испания в трауре».⁵⁰ Предвидя реакцию Испании, Чарльз

назначенный заместителем губернатора Томас Линч, богатый ямайский плантатор, живущий в Лондоне, и отправленный им на Ямайку, чтобы арестовать Модифорда и вернуть его в Англию под стражей. Он сделал это, но с рассудительностью. Через несколько дней после прибытия Линч пригласил губернатора отобедать на борту своего корабля. Только тогда он сообщил Модифорду о своем приказе заключить его в тюрьму и отправить в Англию. Чтобы не нажить себе врага у популярного губернатора, он добавил, что это был просто политический шаг, навязанный королем из-за Панамы, и заверил его, что «его жизнь и состояние

не подвергались никакой опасности».⁵¹

Линч сначала отправился на Ямайку с армией Кромвеля, а затем служил главным судьей Модифорда, пока губернатор не уволил его. Хотя они оба начинали как друзья, они поссорились из-за вопроса о пиратах. Линч, сахарный плантатор и владелец «лучшего и богатейшего поселения» на Ямайке, был агентом Королевской африканской компании, английского консорциума по работоторговле. Таким образом, он выступал за мир с Испанией, поскольку это открыло бы ее колонии для прибыльной работоторговли. Его возвращение летом 1671 года погрузило остров в междоусобицу. Ему и плантаторам противостояли те, кто поддерживал пиратов. Многие мелкие фермеры отказались от

своих участков, чтобы присоединиться к пиратам, и стало очевидно, что земледелие и флибустьерство несовместимы. Пока пиратство было санкционировано, законная торговля была исключена.

Линч надеялся, что в обмен на арест пиратов испанские колонии будут рады видеть его торговые суда. В своем первом обращении к Совету Ямайки он сказал собранию, что мирная торговля будет «несравненно более выгодной, безопасной и почетной», чем каперство. В соответствии с этим он приказал капитанам кораблей отправиться в основные испанские порты под белым флагом, чтобы предложить открытую торговлю, но, несмотря на его мирное и выгодное предложение, они вернулись с известием, что испанцы не купят «даже изумруда».

Усугубляя этот отказ, в конце лета пришел приказ от короля арестовать Моргана, объяснив, что Испания угрожает войной, если это не будет сделано. Линч, чья торговая инициатива была отвергнута, оказался в затруднительном положении. Он написал лорду Арлингтону, советнику короля, что «чтобы подчиниться приказу и [увидеть], что испанцы удовлетворены, [он] отправит [Моргана] домой». Но он предупредил, что единственной оборонительной силой Ямайки являются буканьеры, и отправка единственного человека, который мог бы их возглавить, оставит Ямайку без защиты в то время, когда он узнал, что Испания собирает силы для вторжения. «Некоторые купцы на Ямайке», писал он,

ему показали «письма из Голландии и Испании, [что] церковь и гранды Испании собирают армию из 5000 человек и флот из 36 кораблей, чтобы отвоевать Ямайку.»⁵²

Линч не назвал этих торговцев, но, как и Кромвель, который полагался на членов португальской общины Лондона в плане разведки, Линч также получал сообщения от еврейских торговцев в Порт-Рояле, которые находились в постоянном контакте с агентами в Голландии и Испании и занимались тем, что Линч назвал «небольшой тайной торговлей» с врагом. В октябре 1671 года Линч защищал их, когда английские торговцы искали его заступничества в отношении беспрепятственной «торговли евреями». Встревоженные «иностранным присутствием в Порт-Рояле [множества] евреев», они потребовали провести точную перепись, а затем «изгнать всех евреев», которые находились там нелегально. Линч, пересылая их петицию королю, оправдывал их присутствие:

Чтобы сохранить кредит, если не обогатить остров, Его Величество не может иметь более выгодных подданных, чем евреи. У них большие запасы и переписка; Его Величество не может найти никаких подданных, кроме евреев, которые рискнули бы своими товарами или людьми, чтобы получить торговлю. Их бережливость позволяет им продавать по самой

низкой цене; они недостаточно многочисленны, чтобы вытеснить нас; и не в их интересах предавать нас. Надеется, что мы сделаем все возможное, чтобы не отставать заслуга, если не обогащение острова путем поддержания мира и оказания им услуг.⁵³

Несмотря на защиту Линча, перепись была проведена. Только шестнадцать евреев были могли предъявить «патенты натурализации» и считались законными торговцами.⁵⁴ Сколько еще было людей без документов, неизвестно. Неуверенность общины усилилась в следующем месяце (ноябре 1671 года), когда Бистон имел безрассудство захватить судно, принадлежавшее еврею из Нового Амстердама (теперь временно находившемуся в руках англичан и называвшемуся Нью-Йорком), на том основании, что евреи были иностранцами и не имели права торговать. Коэн, обезопасив свою землю в долине и опасаясь разоблачения, поспешил обратно в Амстердам, оставив своего брата Мозеса под защитой Моргана присматривать за его имуществом.

Коэн не был в Амстердаме долго, когда его жена, Ребекка Палах, сообщила, что он умер, и его вдова собирала долги, причитающиеся ему. Но это было Уловка. Он инсценировал свою смерть, чтобы скрыть свои запрещенные поездки на Ямайку. Покинув Амстердам, он переехал в Сале, пиратскую республику в Северной Африке, где у него было много сообщников и где и он, и семья его жены были в порядке учредил.⁵⁵

Евреи Порт-Рояля, придерживаясь основного принципа выживания, который их народ усвоил в диаспоре, имели отношение к обоим лагерям: они снабжали пиратов, советовали им о потенциальных целях и получали приоритет при покупке добычи. Но если пиратство было объявлено вне закона, оставалась прибыльная испанская торговля. Не имело значения, что торговля все еще была незаконной. Каждый хотел получить от нее кусок, включая нового губернатора Ямайки. В марте 1672 года Линч написал Арлингтону, что присутствие пиратов предотвратило испанское нападение, и он больше не был заинтересован в продолжении законной торговли с теми, кого он называл «самыми неблагодарные, бессмысленные люди в мире».⁵⁶

Линч не был таким наивным, каким казался. Когда он впервые отправил своих эмиссаров, он дал им указание, что если испанцы отвергнут его предложение мирной торговли, они должны попытаться установить связи с местными торговцами, чьи имена Линч получил от своих разведчиков, которые специализировались на «тихой торговле». Пока такая торговля была незаконной, сефарды Порт-Рояля были предпочтительными агентами иностранцев любой религии. За 10–15 процентов комиссии они «регулировали грузы, усиливали экипажи, предоставляли коммерческую информацию и сопровождать суда на испанские рынки».⁵⁷

Враждебность английских торговцев к тем, кого они называли «потомками Распинателей нашего Господа», не утихала. В июне 1672 года Линч получил петицию от семидесяти двух христианских торговцев, в которой говорилось, что им угрожает «бесконечное количество евреев, которые ежедневно приезжают на этот остров и торгуют среди нас, вопреки всем законам и политике». По иронии судьбы, торговцы, как и торговцы в Ресифи, обвиняли евреев в том, что они занимаются тем, что сегодня является обычной деловой практикой:

Величайшее зло, которое мы терпим от них, заключается в том, что их торговля является полной монополией, поскольку они являются своего рода акционерным обществом и не только покупают самые отборные и лучшие товары, но часто скупают целые партии и продают по ценам ниже, чем просителям, которые они могут лучше перенести своим нищенским образом жизни...

Его Честь, должно быть, [видел] в Европе, как евреи поглощают все

торгуют там, где они находятся... Хотя их торговля, кажется, приносит пользу и репутацию острову, все же Англия не получает никакой выгоды, так как все их товары поступают из Голландии, куда они, несомненно, переправятся снова со всеми своими прибылями, и остров его величества будет истощены и субъекты будут страдать.⁵⁸

Уговаривая Чарльза отклонить петицию, Линч возобновил свое дело в пользу евреев. Король, постоянно нуждавшийся в твердой валюте, одобрил либеральную политику по отношению к ним. Их покупательная способность и опыт в качестве импортеров и экспортеров драгоценных металлов, вместе с их коммерческими связями с Испанской Америкой (где было серебро) и Голландией (ведущим рынком слитков) сделали их присутствие на Ямайке жизненно важным для движения капитала в Англию и дальнейшего процветания колонии. Взгляды Линча были приняты, и король-в-совете рекомендовал шаги, чтобы побудить еще больше евреев заселить остров. В декабре 1672 года Чарльз написал Линчу, заявив, что захват Бистонем судна годом ранее на том основании, что его владелец, «будучи евреем, должен был считаться иностранцем», был «неправомерным и незаконным», и что «указанный владелец, Рабба Коути, должен пользоваться преимуществами свободного гражданина... а его кеч и стоимость его груза должны быть

восстановлено.”⁵⁹

Предрассудки не могли противостоять экономике. Вклад евреев в процветание Ямайки и Англии определил позицию короны в их пользу. За два десятилетия (1656–76), во многом благодаря роли этих проверенных предпринимателей в «подпольной торговле» и их связям с пиратами, Ямайка переправила в Англию примерно четыре миллиона фунтов серебра. Комитет по счетам Англии отметил, что остров стал «базой для наибольшего потока серебра и золота [и] оттуда

ежегодно импортируется больше слитков, чем со всех другие владения короля, объединенные вместе».60

Морган ничего не слышал от короны с тех пор, как весной 1672 года он вернулся под стражей в Лондон, «чтобы ответить за свои преступления против короля, его корона и достоинство».61Видимо, Чарльз посчитал, что достаточно отозвать его и на этом все закончить. Прошел год, прежде чем король вызвал его.

К сожалению, о его пребывании в Лондоне есть только пикантный намек. Если бы только Пипс вел свой дневник, у нас мог бы быть неотредактированный отчет о том, как Морган там кутил, пока лондонские дилетанты и дамы с восторгом принимали у себя живого головореза. Пока Морган слонялся по Лондону, Модифорд томился в Тауэре, убеждая испанского посла, что он был ограничен «холодной, сырая, каменная комната».62Когда его наконец освободили, считалось, что его время прошло. Но Морган не забыл своего арбитра.

Тревожные письма Линча сообщали королю, что губернатор Кубы выдал лицензию каперам на захват британских кораблей, а объявленные вне закона пираты Ямайки, дезертировавшие на Тортугу, теперь отплывают с французскими комиссиями. Линч заявил, что он использовал свои собственные деньги, чтобы обеспечить оборону острова, и пришел к пониманию политики Модифорда, держащего пиратов на коротком поводке. Без угрозы в виде сторожевых псов испанцы не были заинтересованы в поддержании мира с презируемыми протестантами, которые украли их остров. Линч был резок в своей оценке: «Я боюсь, что все может быть потеряно, если у нас не будет фрегата или два, чтобы защитить остров».63

В ответ на предупреждение своего губернатора Чарльз послал за Морганом, чтобы тот посоветовал ему, как лучше всего защитить остров. Впечатленный советом пирата, король решил отозвать Линча и вернуть Моргана на Ямайку в качестве заместителя губернатора. Самоуверенный, как всегда, Морган согласился, при условии, что сначала его сделают рыцарем, а его друг Модифорд присоединится к нему в качестве главного судьи. Чарльз согласился. Когда Линч узнал об этом повороте событий, он был шокирован и предсказал неприятности: «Испанцы очень встревожены шумом о благосклонности адмирала при дворе и возвращении в Индию. [Его] назначение подольет масла в огонь испанской вражды». Что касается его самого, он был счастлив оставить свой пост и с нетерпением ждал возвращения в Англию:

«Никто не может прийти в правительство с такой радостью, с какой я его покину».64

6 марта 1675 года сэр Генри Морган прибыл в Порт-Ройял, а на следующий день отправился в карете в Спэниш-Таун, чтобы встретиться с Линчем, плантаторами и торговцами, входившими в Совет. Все они, как один, хотели мира и боялись возвращения печально известного пирата. Их главным интересом была работоторговля — не только для того, чтобы покупать ее для себя, но и для продажи в испанские колонии. Последнее, чего они хотели, — это вернуться к тем дням, когда пираты Моргана сделали это невозможным. Зачем любому ямайскому поселенцу трудиться на полях, когда он мог присоединиться к пиратам и немедленно получить награду в виде «сладкого

торговля"? Что касается испанца, то почему он должен был рисковать, приглашая в порт английского торговца, который мог стать пиратом, как это произошло со многими неудачными торговыми предприятиями? Проще говоря, пиратство и торговля были несовместимы.

Членам Совета не стоило беспокоиться. Морган, сняв старую одежду ради наряда, соответствующего его новому статусу, и щеголяя медалями и поясами, подобающими рыцарю, сообщил собранию, что ему приказано продолжать пресекать пиратство. Эту политику поддержал новый губернатор Ямайки лорд Вон, прибывший на следующей неделе. Вон, по словам одного из знавших его как одного из «самых развратных парней века»,⁶⁵ был также поэтом и покровителем искусств. Предпочитая править порабощенным островом, а не распутной, недисциплинированной нацией распушенных пиратов, он встал на сторону плантаторов.

Они, тем временем, ждали прибытия из Суринама коллег-английских плантаторов, которые были экспертами в производстве сахара. В 1674 году, когда Новый Амстердам был навсегда передан Англии в обмен на Суринам, английские плантаторы, которые жили там, начали искать возможности переехать в другое место, и в апреле 1675 года три транспортных судна покинули Англию, чтобы перевезти около сотни их семей на Ямайку. Историки приписывают суринамским плантаторам внедрение опыта, который превратил остров в огромную сахарную плантацию и самый богатый источник дохода в Британской империи. Для осуществления этого преобразования требовалась дешевая рабочая сила, и 11 мая Совет Ямайки, состоящий в основном из плантаторов, подал петицию в Королевскую африканскую компанию, «требуя больше рабов». Годом ранее компания отправила «2320 негров на Ямайку», и в ответ на просьбу согласились отправить «еще четыре корабля с 1660 рабами».⁶⁶

Тем временем, в начале 1675 года, Авраам Коэн получил известие, убедившее его, что можно безопасно вернуться. Модифорд, его союзник, вернулся на Ямайку. Король Карл, как он также узнал, разрешил евреям Суринама поселиться на Ямайке. Поскольку король отклонил ходатайство купцов Порт-Рояля об исключении евреев из торговли, Бистону и другим пришлось бы убрать свои когти и заняться своими собственными делами, а Коэн мог затеряться среди вновь прибывших. Однако, когда Коэн тайно вернулся, чтобы

вернуть себе свою собственность, возникли проблемы — хотя и не со стороны враждебных купцов, а со стороны его брата, который подал на него в суд.

Читатель помнит, что в 1671 году, когда Авраам вернулся в Амстердам, он попросил Моисея присмотреть за его землей. Это, должно быть, показалось хорошей идеей в то время. Хотя Моисей не был одним из шестнадцати натурализованных евреев на Ямайке, его присутствие там не оспаривалось, и он и сэр Генри Морган, как бывшие флибустьеры, были давними товарищами. По всей видимости, дело было возбуждено изза иска о задолженности по зарплате за управление имуществом Коэна. Урегулировав спор в мае 1675 года, Авраам признал, что он «справедливо и должным образом обязан моему брату Моисею Коэну Энрикесу... за два года и семь месяцев зарплаты что он был нанят мной».67Взамен ста фунтов стерлингов Коэн согласился отдать своему брату сорок коров и лошадей.

Хотя иск был незначительным, Модифорд, как главный судья, председательствовал и подписал соглашение. Поскольку обе стороны были в конце шестидесятых и богаты, речь шла не только о задолженности по зарплате. Похоже, Моисей подхватил золотую лихорадку и захотел себе кусок. В любом случае, Авраам был подавлен: одно дело обойти королевский указ, инсценировать собственную кончину и дважды отправиться на запретный остров, избегая Бистона и его союзников. Совсем другое — обнаружить, что его собственный брат пытается вмешаться в сделку, над которой он работал с тех пор, как впервые узнал о шахте двадцать лет назад. Через несколько месяцев после подписания решения Коэн отказался от поисков. Он продал землю, и это последнее, что мы слышим о «евреях, нашедших золото» и их поисках

Месторождение Колумба.68

В 1677 году король Чарльз заменил губернатора Вона на графа Карлайла, человека, более благосклонного к Моргану, который остался заместителем губернатора. Модифорд, после двух лет в качестве главного судьи, удалился в свои поместья. Колеблющаяся политика Ямайки попеременно обуздывать и освобождать пиратов продолжалась до смерти Модифорда в сентябре 1679 года. После этого Карлайл вернулся в Англию, и в течение следующих двух лет Морган исполнял обязанности губернатора. Наконец, в состоянии возродить Порт-Ройял как пиратскую столицу, он вместо этого стал прокурором. Он стал крупным землевладельцем и, в своей новообретенной преданности статус-кво, больше не терпел пиратства. Он объявил, что уходящие на пенсию каперы будут помилованы и получают землю для обработки. Любой, кто будет пойман за нарушение его новой директивы, может закончить свои дни, гня в петле на мысе Гэллоуз.

Одним из старых каперов, добивавшихся официального прощения «под присягой никогда больше не заниматься подобными делами», был Мозес Коэн Энрикес. Ему было уже далеко за

семьдесят, он, вероятно, не выходил в море уже много лет, но, по-видимому, хотел получить прощение за свои ранние странствия. Так что Морган 18 ноября 1681 года, действуя по « смиренная петиция Моисея Коэна», подписал документ, предоставляющий ему натурализацию, то квазигражданство, которое было лучшим, на что мог тогда претендовать еврей. В то же время Моисей, как и его брат Авраам, теперь отказался от своего испанского имени. В документе, в частности, говорится:

[Я, сэр Генри Морган] любезно предоставляю и предоставляю Моисею Коэну его наследников и преемников с этого дня на острове Ямайка для полной и окончательной натурализации и настоящим подтверждаю ему и его наследникам навсегда все права, привилегии и иммунитеты, предоставленные в этом указанном акте, так же полно и полностью, как наши рожденные по рождению подданные имеют или пользуются, или как если бы указанный Моисей Коэн родился в любом из наших владений. Свидетельствовано, сэр

Генри Морган, рыцарь-командор острова Ямайка.⁶⁹

Что касается предполагаемой золотой шахты, Морган знал о ней, но не имел представления о ее местоположении. Тем не менее, когда герцог Альбемарль получил от короля исключительное право на поиски испанского золота в Карибском море, Морган заманил его на Ямайку рассказами о затонувших сокровищах и потерянной золотой шахте. Хотя Альбемарль привел с собой «шахтеров для поиска шахт», и эти двое мужчин успешно подняли затонувшие сокровища, легендарная шахта так и не была найдена. После смерти Альбемарля близкий современник отметил, что старатели герцога «под предлогом поиска шахт вместо этого отправились в дома плантаторов и получили Пьяный». ⁷⁰

Великое землетрясение 1692 года положило конец пиратскому порту, когда море поглотило две трети Порт-Рояла. Бистон, которому принадлежала прибрежная земля через гавань, которая стала Кингстоном, не позволил своей враждебности к евреям помешать ему забрать их деньги. После землетрясения он продал шестнадцать первых лотов еврейским инвесторам. ⁷¹

Из печально известной пиратской столицы Ямайка к 1698 году превратилась в остров сахарного тростника, на котором трудились сорок тысяч рабов, а после 1713 года — в «центр распространения рабов в Карибском море и Северной Америке». Именно тогда Королевская африканская компания Англии была удостоена асьенто — монопольное право, предоставленное Испанией на ведение работ торговли с Испанской Америкой. Несколько ямайских евреев участвовали в торговле, но большинство занималось сухими товарами. Этот факт был отмечен в Лондонская петиция 1735 года, в которой выражался протест против продолжающихся усилий конкурирующих торговцев исключить евреев. Их защитники (девятьюстами два еврейских и

нееврейских торговца) писали: «Евреи [в Лондоне] являются почти единственными лицами, которые отправляют какие-либо сухие, прекрасные товары на Ямайку, на свой страх и риск и за свой счет... для снабжения жителей острова и для надлежащей сортировки товаров для

Испанцы».72

Когда еврейское участие в пиратстве в Карибском море сошло на нет, пираты и их сефардские спонсоры распались, чтобы воссоединиться в следующем столетии, когда зарождающаяся новая нация завербовала их в свою борьбу за свободу. Во время Американской революции дюжина видных евреев встала на сторону мятежников в качестве каперов. Прославленные как основатели ранних еврейских общин, эти люди владели и управляли многими пиратскими судами, которые захватили или уничтожили более шестисот британских судов и забрали грузы и призы с

Оценочная стоимость составляет 18 миллионов долларов в сегодняшних ценах.73

Наконец, ни одно обсуждение еврейского пиратства не должно оставлять без внимания еврейское наследие знаменитого пирата, известного американцам как герой битвы за Новый Орлеан. В рукописной записке, вставленной в его семейную Библию, Жан Лафитт написал: «Я обязан всей своей изобретательностью великой интуиции моей еврейско-испанской бабушки, которая была свидетельницей во времена инквизиции». Подробно рассказывая о своей родословной, Лафитт написал в своем журнале:

Моя мать умерла до того, как я могу вспомнить, и моя бабушка по материнской линии, которая жила с нами, стала мне матерью... Моя бабушка была испаноизраильянином... Отец моей матери был алхимиком с хорошей практикой и покровительством в Испании. Он был свободомыслящим евреем, не имевшим ни католической веры, ни традиционной приверженности еврейской синагоге. Но это не помешало ему умереть от голода в тюрьме за отказ разглашать технические детали, которые инквизиция требовала от всех евреев. Бабушка неоднократно рассказывала мне об испытаниях и невзгодах, которые перенесли ее предки во времена испанской инквизиции... Учения бабушки... внушили мне ненависть к испанской короне и всем

преследования, за которые он был ответственен, — не только против евреев.74

Здесь заканчивается наша история. Это история иберийских евреев, замаскированных под христиан, которые первопроходцы Нового Света как исследователи, конкистадоры, ковбои и пираты, превратили выращивание сахара в агроиндустрию, которую они внедрились в Карибском регионе, и создали первую торговую сеть, охватывающую семь морей. Цифры неточные, но, по оценкам, в середине семнадцатого века *conversos* насчитывали около десяти тысяч, или 5 процентов от 200 000 поселенцев в Новом Свете, и до 15 процентов на островах. Поскольку они были подпольным сообществом, мы знаем только о тех, кто подвергся преследованиям инквизиции или был иным образом

разоблачен. Имея наследие отрицания своего иудаизма, большинство их потомков в конечном итоге отказались от своей религии. Из тысяч или более испанских и португальских имен, перечисленных в ямайской телефонной книге, сегодня на острове насчитывается менее двухсот объявленных евреев.

Братья Коэн Энрикес и их товарищи выросли в Голландии, толерантном оазисе во враждебном мире. Они слышали об ужасах инквизиции от своих старейшин, которые бежали из Иберии, чтобы поселиться в Амстердаме. Подражая своему наставнику, пиратскому раввину Самуэлю Палаче, они были вдохновлены на борьбу с врагами своего народа. В свои двадцать с небольшим, используя силу и дипломатию, они обрели временную родину в Бразилии, а в зрелом возрасте, когда голландская колония была захвачена, они использовали свои торговые связи и навыки в производстве и сбыте сахара и других товаров, чтобы обеспечить себе радушный прием на островах Карибского моря. Их экономическая мощь, в свою очередь, позволила им успешно лоббировать Голландскую Вест-Индскую компанию в поддержку своих детей в Новом Амстердаме и добиться вмешательства Генеральных штатов для освобождения других своих товарищей, удерживаемых на Ямайке. Наконец, в ПортРояле, будучи торговцами и судовладельцами, они использовали пиратов для ведения успешной суррогатной войны на землях инквизиции, которая фактически положила конец гегемонии Испании в Новом Свете, и в ходе этого процесса они пожинали плоды как юридического, так и финансового характера.

Сефардская диаспора 1492 года не была чем-то новым в истории народа, который более двух тысячелетий странствовал по известному миру. После изгнания двенадцати колен в 722 году б.с., изгнанные евреи были вынуждены развивать особые таланты, которые приветствовались бы в чужих землях. Иберийское изгнание, далекое от того, чтобы уничтожить их, обеспечило их выживание. Одновременно с Эпохой Великих географических открытий они заселили недавно открытые земли, и по мере того, как росла важность мировой торговли, росла и их собственная. Торгуя со своими братьями по всему миру, они развивали рынки и приобретали секретную разведывательную информацию о национальных лидерах

жаждали, конкурируя за прибыльные торговые пути. Менассе бен Израиль в своем обращении к Кромвелю процитировал Амоса 9:9: «Я просею дом Израилев по всем народам, как просеивают зерна в решете», и подкрепил свой аргумент экономическим обещанием: Примите нас, и мы сделаем вас богатыми. Сегодня, спустя столетия, именно это обещание предпринимательского богатства все еще защищает Людей Книги в равнодушном и часто враждебном мире.

Поиски «потерянной золотой жилы» Колумба были последним ура еврейских торговцев-авантюристов, авантюрой, которая провалилась. Не так обстояло дело, которому братья Коэн и их коллеги посвятили большую часть своей жизни. В 1675 году, в тот самый год, когда братья сражались друг с другом в суде, еврейские молитвенные дома были открыты в Амстердаме и Лондоне, а в следующем году — на Кюрасао, Барбадосе и Ямайке. Во многом благодаря их усилиям, охватывающим большую часть семнадцатого века, были преодолены барьеры для еврейского проживания и торговых прав, и евреи наконец получили свободу быть евреями как в Старом Свете, так и в Новом.

ЭПИЛОГ: ПОИСКИ ПОТЕРЯННОЙ ШАХТЫ КОЛУМБУСА

Я находился в архивном хранилище Ямайки, в огромной, тускло освещенной комнате, с рядами Ряд полок высотой до потолка, заполненных кожаными бухгалтерскими книгами, датированными тремя с половиной столетиями. Просматривая ранний указатель сефардских имен, я наткнулся на неясную ссылку на земельный акт, назначенный Аврааму Коэну. Он был датирован 7 февраля 1671 года — через семь лет после того, как король изгнал Коэна «из Нашего сказал

Остров, на котором никогда больше не будут жить или торговать».¹

Дата не имела смысла; была ли неправильно датирована сделка? Я взял соответствующую книгу учета за 1670–75 годы, и там было это, или, скорее, там они были, поскольку вместе с делом Коэна был еще один документ, настолько примечательный, что я похолодел, читая его. Право собственности Коэна на землю действительно было датировано семью годами после его изгнания за то, что он не смог найти легендарную шахту. Итак, он вернулся на остров; но почему? В 1670 году Коэну было за шестьдесят, и он жил в Амстердаме со второй женой и тремя маленькими детьми. Он был богат сверх всякой нужды, так зачем же он пересек тысячи миль океана, чтобы попасть на остров, с которого его изгнали? Пока я размышлял об этом, я обратился к задней части бухгалтерской книги, чтобы посмотреть, как далеко она простирается. За несколько страниц до конца книга открылась на любопытной записи под названием «Коэн против Коэна», датированной 1675 года. Я прочитал вступительный отрывок; затем я перечитал его еще раз, потому что не мог поверить в то, что читаю. Передо мной на рассыпающемся пергаменте было урегулирование судебного процесса 1675 года, в котором Авраам Коэн был идентифицирован как брат пирата Мозеса Коэна Энрикеса.

Я следил за карьерами Авраама Коэна и Мозеса Коэна Энрикеса в течение многих лет, но ни один историк или документ, к которым я обращался, ранее не связывал их каким-либо образом. Это был первый раз, когда я узнал, что эти два еврейских пионера были братьями. Столь же поразительным было открытие, что в преклонном возрасте они оба были на Ямайке, по-видимому, споря из-за земли, на которой, возможно, находился потерянный золотой рудник Колумба. Это открытие также означало, что тот самый человек, спонсировавший мое исследование

Он не знал, что является потомком братьев, и если бы поиски золота оказались успешными, он стал бы законным претендентом на рудник Колумба.

Годом ранее Эйнсли Энрикес дал мне грант на исследование ранней еврейской истории Ямайки. Он был тогда председателем Национального фонда наследия Ямайки. В разговоре с ним я рассказал о фантастических деяниях пиратского воина Моисея Коэна Энрикеса, о том, как он плавал с Питом Хейном при захвате испанского серебряного флота, затем руководил голландским вторжением в Бразилию и впоследствии захватил прибрежный остров для своих мародерств. Когда Эйнсли сказал мне, что он тоже был Коэном Энрикесом, я был удивлен, но подумал, что возможно, когда Моисея вынудили покинуть Бразилию, он оказался на Ямайке в период расцвета пиратства и произвел на свет потомство. Позже я нашел имя его жены в списке могил старейшего еврейского кладбища острова. Она умерла в ПортРояле примерно во время землетрясения 1692 года, и на ее надгробии было написано: «Сеньор Мозес Коэн Энрикес (Эстер)».

Хотя это открытие связывало моего спонсора с Моисеем, в исторических записях не было ничего, что идентифицировало бы Авраама Коэна как Энрикеса, а тем более как брата печально известного пирата. Как уже отмечалось, Коэн никогда не использовал свое португальское имя. Будучи заклятым врагом Испании, он отказался от своего имени угнетателя в пользу своего родового имени и подписывался на иврите, когда это было возможно. В каждом документе того периода, касающемся его деятельности в Амстердаме, Бразилии и Англии, он указан просто как «Авраам Коэн». По-видимому, только в юридическом споре с братом ему потребовалось раскрыть их отношения.

Братья и сестры, носившие разные имена, поначалу принадлежали к разным синагогам в Бразилии. Авраам Коэн был офицером Zur Israel в Ресифи, в то время как Моисей основал Magen Abraham на своем частном острове. Их посещение отдельных синагог, а также отсутствие чего-либо, связывающего братьев, может быть признаком отчуждения. Хотя то, что Авраам оставил свою землю на попечение Моисея, могло указывать на примирение, грустная правда заключается в том, что когда Коэн вернулся четыре года спустя, любые позитивные чувства, которые могли возродиться между ними, были подавлены, когда Моисей подал на брата в суд.

Любитель генеалогии, Эйнсли знал, что его семья долгое время проживала на Ямайке. До этих находок он проследил свою линию до предка, приехавшего из Амстердама в 1740 году. Теперь мы согласились, что его голландский предок, по-видимому, эмигрировал на Ямайку, чтобы присоединиться к уже проживавшим там родственникам.

В судебном соглашении Авраам согласился отдать Моисею сорок сельскохозяйственных животных за присмотр за его другой собственностью на Рио-Кобре во время его отсутствия. Как ни странно, суд низшей инстанции не вынес решение по делу, которое должно было стать незначительным. Вместо этого вердикт вынес главный судья Ямайки, бывший губернатор острова Томас Модифорд. Что все это предвещало? Моисей никогда не участвовал в сделке по золотому руднику. Пытался ли он вмешаться в действия своего брата? После всей жизни, проведенной в борьбе с врагами своего народа, братья были в преклонном возрасте; в 1675 году Моисею было семьдесят два года, а Аврааму было на два года меньше. Несколько месяцев спустя Коэн продал и долину, и речную землю. Была ли причиной братская рознь?

С тех пор Министерство горнодобывающей промышленности Ямайки сообщило, что образцы почвы из долины Коэна регистрируют «значительные аномалии для золота». Это открытие заставило меня предположить, что Коэн, изгнанный за свою неспособность найти шахту, либо нашел ее, либо верилон имел. Но не удовлетворившись разделом с партнерами, он вернулся, чтобы забрать его себе.

Было два существенных возражения против моего тезиса. Эдгар Сэмюэл, председатель Еврейского исторического общества Англии, выдвинул их, когда я отправил ему свои выводы в надежде, что JHSE опубликует их. Еще в 1936 году его отец, Уилфред С. Сэмюэл, написал первый хорошо исследованный отчет об этом эпизоде, который в основном совпадал с суждением Бистона. Теперь его сын спросил меня: как Коэн мог обойти власти Ямайки, чтобы тайно добыть золото и вывезти его с острова? Это были уместные вопросы, на которые в то время я не мог ответить. Вместо этого я отправил их в тайники своего сознания, пока во время недавнего визита в Архивы Ямайки я снова не наткнулся на золотую жилу в виде ранее упущенных документов, которые окончательно ответили на один из его вопросов и позволили мне поразмышлять над другим.

У меня до сих пор нет окончательного ответа на вопрос, как Коэн думал, что он сможет управлять шахтой, не привлекая нежелательного внимания. Однако скрытая долина была необитаемой и неразвитой, а окружающая ее территория была малонаселенной и в значительной степени заброшенной после восстания рабов в 1676 году. Кроме того, сосед Коэна, Соломон де Леон, был еще одним евреем, который, возможно, был в сговоре с ему. Эти факты, возможно, позволили Коэну поверить, что у него достаточно возможностей для уединения и осуществления горнодобывающей деятельности.

Больше всего меня беспокоил другой вопрос Эдгара Сэмюэля. Как бы это было могли ли Коэны тайно перевозить руду через остров из шахты в море? Я нашел ответ в архивном хранилище, на карте вышеупомянутой прибрежной собственности, которую Коэн купил одновременно с землей долины. Ее северная граница проходила по Рио-Кобре, крупному водному пути, который течет из северной долины Коэна в южное море. Когда я прошел по земле, я обнаружил, что она находится на глубоком изгибе реки, идеально подходящем для пирса для перекачки руды.

На веб-сайте этой книги (www.JewishPiratesOfTheCaribbean.com) являются документами, которые подтверждают мой тезис: (1) транскрипция лордом Кларендоном записки испанского шпиона Бекингема, в которой он указывает на местонахождение рудника в районе земель Коэна; (2) контракт 1662 года, который Коэн и Израэль подписали с Карлом II на обнаружение и разработку рудника за одну треть золота; (3) указ Карла 1664 года об изгнании Коэна и его партнеров с Ямайки за то, что они не нашли рудник, и с требованием вернуть его ожерелье; (4) акт Коэна 1671 года на землю в незаселенном районе Ямайки; (5) акт Коэна 1671 года на изгиб реки, текущей на юг от долины к морю; (6) результаты испытаний Министерства

горнодобывающей промышленности Ямайки, подтверждающие наличие месторождений золота.

Я не знаю, существует ли эта шахта или нет. Но как писал испанский губернатор Ямайки королю Филиппу IV после английского завоевания:

Хотя сейчас неизвестно, где находится рудник, общеизвестным фактом является то, что когда Его Превосходительство первый адмирал Индий [Христофор Колумб] открыл этот остров, он добыл много золота высокой пробы, и сегодня на острове все еще можно увидеть несколько старинных ювелирных изделий, изготовленных из этого золота... и некоторые старые залежи этого золота все еще там.³

Такие подтверждения, как это, убедили четырех королей и их министров, что легендарная шахта реальна и должна быть найдена где-то на Ямайке. Тайное возвращение Авраама Коэна на остров, покупка им земли в речной долине в районе, который когда-то был провинцией индейского союзника Колумба, и обнаружение министерством там «значительных аномалий для золота» подтверждают существование легендарной шахты. Коэн, конечно, верил, что она там была. Его потомок Эйнсли Энрикес настроен более скептически: «Золото есть в истории», — говорит он. Возможно, но просто

на всякий случай мы с Эйнсли недавно оформили лицензию на добычу полезных ископаемых в долине, чтобы проверить, как испанский шпион сообщил Бекингеу, что там, где «Земля черная, Риволетты обнаружат источник рудника».

В расшифровке конфиденциального отчета Дона Хермина, сделанной лордом Кларендоном, местоположение шахты раскрывается в следующих параграфах в географическом и цифровом коде:

Секретный золотой рудник, который еще не был открыт королем Испании или кем-либо другим, [находится] в двух лигах от моря, которое обращено к Мексиканскому заливу на Ямайке, в точке, которая обращена к Гондуре, оставляя остров Куба в восьмой руке, большое побережье земли к Номбре де Диос слева, поворачиваясь спиной. Это в точке, равной между Кубой и Гондурой, Земля черная, Риволеттс обнаруживает источник рудника... Золото находится вблизи поверхности Земли и скатывается вниз в Реки или находится в Скалах. Ущелье между Скалами всего два дюйма шириной и по большей части направлено на Восток.

[Войдите на остров] на открытой земле около 01: 94: 01: а. 01. на побережье 01 . аа . 94 . 66 а справа от острова аа .01 . 94 . 61. 01 . 94 66. 13 .
01 Основные формулы, которые должны быть вызваны словом 24. 19. pp
000. nl pp . pp . 66. pp, являются 11 . 61 94 . 61. 91 1 или 22 . 4. 85. или они
[португальцы] покажут вам там . 61 . 61 . 01 . 60 . nl 85 и Сокровища! что я
видел и лично приму участие, чтобы узнать, когда я буду поставлен на
место и обеспечен предложением, которое я представляю там в
соответствии с соглашением.

Мы предоставляем читателю возможность расшифровать эти коды и приглашаем первого, кто это сделает, присоединиться к нашим донкихотским поискам легендарного золотого рудника Колумба.

БЛАГОДАРНОСТИ

Тего книга не могла бы быть закончена без неослабевающей поддержки моего сестры Мэри Фридман и Хелен Крицлер, а также моя ямайская семья Эйнсли и Марджори Энрикес. Я в долгу перед редакторскими советами кузена Алана Велликова; давние друзья Рассел Каравиотис и Чарльз Шапиро за поддержку деньгами; моя бывшая жена Венди Оранж за ее постоянную поддержку; известная сефардская писательница Джейн Гербер за то, что придала моему исследованию необходимую достоверность и порекомендовала мою книгу издательству Doubleday; мой агент Милдред Мармур за безграничную преданность; мои редакторы Адам Беллоу, Дэниел Федер и Мелисса Данацко, а также публицисты Честити Лавли и Лиз Хейзелтон из Doubleday. Другие друзья, которых я хочу поблагодарить, это Джеффри Филлипсон за его неослабевающий энтузиазм по поводу моей книги; Аллан Гордон, мой образец для подражания еврейского пирата; и Владимир Эпельбойм, мой друг по переписке по электронной почте, который дал мне много наводок. Наконец, оглядываясь на свою жизнь, я благодарю Алана Фрида, который стал отцом моего поколения рок-н-ролла; иностранного корреспондента Бернарда Дидериха, который указал мне жизненный путь; редактора университетской газеты Жюля Олдера, который приветствовал мои статьи о приключениях; Гейба Левенсона, декана еврейских редакторов путешествий, за его неизменную поддержку; и моего профессора истории Латинской Америки Ларри Бирнса, выдающегося рассказчика.

Все исторические книги написаны на плечах других историков. В дополнение к цитируемым, я хотел бы упомянуть авторов, чьи работы я нашел особенно ценными. Для информации о conversos в Новом Свете: Сеймур Либман, Арнольд Визнитцер, Хью Томас, Ирен Райт, Айзек Эммануэль, Цви Локер и Мордехай Арбелл; для пионеров Нового Света лучшим чтением будут книги Германа Арчиниегаса; евреи в голландской Бразилии документированы Арнольдом Визнитцером и Анитой Новински; по испанской истории моими любимыми авторами являются Джейн Гербер, Дж. Х. Эллиотт и Сальвадор де Мадариага; Сэмюэл Толковски наиболее увлекательно пишет о еврейских героях-мореходах; сефардская диаспора документирована в объемных трудах Джонатана I. Израиль

и Дэниел М. Свечински; пиратов Карибского моря лучше всего освещают Дадли Поуп, Александр Уинстон, Энтони Гэмбрилл, СН Харинг, Стивен Талти и автор о пиратах Джон Эсквемелин; расцвет Порт-Рояля Роберт Ф. Маркс, Нуала Захедье и Дэвид Бюссерет; Англия в семнадцатом веке является специальностью Антони Фрейзер; а евреи Англии задокументированы в книгах и статьях Сесила Рота, Уильяма и Эдгара Сэмюэля и Люсьена Вольфа. Для еврейской истории Ямайки лучшим источником является Якоб Андраде Евреи Ямайки.

ХРОНОЛОГИЯ

1492: Колумб отплывает в исторический день 9-го числа месяца Аба (2 августа), в тот же день, когда евреи должен покинуть Испанию.

1494: Колумб открывает Ямайку во время второго путешествия.

1497: Принудительное обращение в христианство португальских евреев; еврейские дети сосланы в Сан Том.

1500: Кабрал с еврейским лоцманом открывает Бразилию.

1502: Конверсос изгнаны из испанских колоний.

1503: Конверсо Фернау де Норонья предоставил монополию на развитие Бразилии.
деревообрабатывающая промышленность.

1503–1504: Колумб высаживается на Ямайке, подавляет мятеж; оставляет свое золото скасиксоюзник.

1505: Колумб возвращается в Испанию; никаких записей о золотых зеркалах не сохранилось.

1506: Колумб умирает.

1508: Епископ Кубы пишет: «Практически каждый корабль заполнен евреями и Новые христиане».

1509: Севильский конверсос подкупает короля, чтобы торговать в колониях; Генри Гудзон обнаруживает Река Гудзон.

1510: Диего Колумб отправляет еврейских лоялистов на Ямайку, чтобы добыть золото. медальоны.

1511: Официальное заселение Ямайки – Нуэва-Севилья-де-Оро.

1513: Бальбоа открывает Тихий океан.

1521: Армия Кортеса в Мексике включает 100 конверсос; Карл V назван Святым Римский император.

1522: Веррацано захватывает корабль, груженный золотом ацтеков; отплывает в Нью-Йорк гавань три года спустя.

1528: Первое аутодафе в Новом Свете в Мексике (Эрнандо Алонсо).

1534: Насыщенный событиями год: Карл V выдает конверсо лицензию на заселение Ямайки; Сан Евреи Томе внедряют сахарную агроиндустрию в Бразилии; Писарро завоевывает Перу; Картье открывает Канаду; Сулейман захватывает Персию с помощью доверенного еврейского врача Моисея Хамона, который содержит ешиву в Салониках; Лютер издает немецкую Библию; Генрих VIII основывает Англиканскую церковь.

1535: Карл V завоевывает Тунис; Барбаросса и Синан, «знаменитый еврейский «пиратский» побег.

1536: Корона уступает Ямайку семье Колон; начинается инквизиция. Португалия.

1568: Корона обвиняет наследника Колумба в импорте товаров для незаконного экспорта в Главное.

1568–1579: Конверсос с сэром Фрэнсисом Дрейком и сэром Уолтером Рэли: Саймон Фернандо четыре плавания пилота Рэли в Америку; Немо да Силва, захвачен Дрейком у берегов Бразилии в 1579 году, брошен пятнадцать месяцев спустя в Мексике, где его арестовывает инквизиция как иудействующий.

1580–1640: Союз Испании и Португалии; возрождение инквизиции; больше конверсос на Ямайку.

1597: Английский капер сэр Энтони Ширли вторгается на Ямайку и оккупирует ее. два месяца.

1600: Мельгарехо захватывает Ямайку; проводит реформы и дает отпор пиратам «Мотта» португальцы».

1609–1621: Испания и Голландия объявляют о двенадцатилетнем перемирии.

1609: Посланник султана Палах подписывает торговый и оборонительный договор с голландцами и обеспечивает права евреев.

1614: Палаче арестован за пиратство в Англии; Рэли отплывает в Эльдorado. Посол Испании называет их пиратами и требует их смерти; Джеймс соглашается на Рэли, но Палаче освобождают.

1616: Государственные похороны Палаха в Амстердаме, на которых присутствовал Вильгельм Оранский.

1618: Рэли теряет голову.

1618–1648: Тридцатилетняя война: католики против протестантов; евреи продают оружие и делают кредиты комбатантам.

1620: Паломники высаживаются на Плимутской скале — одном из первых постоянных поселений на континенте. поселения европейцев.

1621: Образована Голландская Вест-Индская компания; Паломники празднуют День благодарения по образцу на Суккот.

1622: Церковный переворот на Ямайке передает власть над церковью епископу Эспаньола.

1623: Португальцы Ямайки поощряют Бекингема к вторжению, предлагая ему золото мой.

1624–1625: Голландцы временно захватывают и оккупируют Баию, Бразилия.

1624: Уриэль да Коста отлучен от еврейской общины; голландцы поселяются Новый Амстердам.

1628: Моисей Коэн Энрикес и Пит Хейн захватывают серебряный флот; Бекингом убит.

1634: Голландцы захватывают Кюрасао и евреям разрешается селиться.

1635–1639: Инквизиция в Лиме уничтожает еврейскую общину.

1640: Португалия восстанавливает независимость; наследник Колумба на Ямайке связан с управлением Линия Браганса; «Варфоломей Португалец» помогает вторгшимся английским пиратам; Уриэль да Кошта совершает самоубийство.

1642–1649: Мексиканская инквизиция уничтожает общину — только 13 из 109 жертв избежать казни.

1644: Обращенный Антонио де Монтесинос утверждает, что нашел потерянные колена Израиля в Эквадор.

1648–1650: Украинские крестьяне под предводительством Богдама Хмельницкого вырезают 100 000 человек Польские евреи.

1650–1651: Книга Менассеха Бен Исраэля Надежда Израиля, основанный на Монтезиносе утверждает, что Мессия не придет, пока евреи не будут вновь допущены в Англию; Турло приглашает Бена Израиля в Англию.

1654: Португалия отвоёвывает Бразилию; голландские евреи на борту одного из кораблей беженцев «задержаны» на Ямайке как подозреваемые в ереси; в конечном итоге двадцать три «доказанных еврея» освобождены и отправлены в Новый Амстердам.

1655: DWIC разрешает еврейское поселение в Новом Амстердаме.

1655: Англия захватывает Ямайку; Кромвель открывает Ямайку и Барбадос для Еврейское поселение.

1656: Суд над Роблесом в Англии; обвиняемый в том, что он испанец, Роблес освобожден, когда Португальские торговцы Лондона выступают как евреи и заявляют, что он один из них. В Амстердаме Спиноза отлучен от церкви за отрицание ангелов, божественного корня Торы и бессмертия души.

1657: В Англии лондонские евреи открывают синагогу в доме на Кричерч.
Переулок.

1657: Пираты Тортуги приглашены переселиться на Ямайку.

1661–1662: Карл на троне отклоняет петиции об изгнании евреев; поддерживает «золото»
нахождение» евреев.

1663: Шесть евреев прибывают на Ямайку «с королевской миссией найти золотую жилу, известную
ИМ».

1664: Евреи изгнаны; миссия объявлена мошенничеством, и Исааку Израэлю приказано вернуться
королевское ожерелье.

1664: Новый Амстердам становится Нью-Йорком.

1665: Нью-Йоркские евреи получают свободу вероисповедания и другие преимущества
Английское гражданство.

1670: Морган захватывает Панаму; Мадридский договор признает английское завоевание; Козн
обратно на Ямайку.

1671: Козн покупает землю в изолированной речной долине.

1672: Торговцы пытаются выгнать евреев; Бистон заявляет, что евреи — иностранцы, и захватывает Корабль еврея; Чарльз основывает Королевскую африканскую компанию для работорговли.

1674: Суринамские евреи подают прошение о переезде на Ямайку.

1675: Коэн против Коэна: разоблачительный судебный процесс братьев.

1675: Торжественное открытие синагоги в Амстердаме, которая используется и по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Введение

1. Фернан Бродель и Сиан Рейнольдс (пер.), Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II (Беркли, Калифорния: Издательство Калифорнийского университета, 1996), 823.
2. Антония Фрейзер, Кромвель: Лорд-протектор (Нью-Йорк: Grove Press, 2001), 566.
3. Арнольд Визницер, Евреи в колониальной Бразилии (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1960), 60.

Глава первая: Колумб и избранный народ Ямайки

1. Киркпатрик Сейл, Завоевание рая (Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1990), 192n: Молодежь превосходила численностью взрослых моряков в соотношении пятьдесят семь к сорока двум; большинство остались верны Колумбу, но неизвестно, сколько из них были конверсос.
2. Цитируется по Сальвадору де Мадариаге: Христофор Колумб, Жизнь Великолепнейшего Лорда Дона Кристобаля Колона (Нью-Йорк: Christopher Columbus Publishing, 1967), 187.
3. С. Э. Морисон, Адмирал Океанского моря (Boston: Little, Brown, 1942) цитирует рассказ королевского летописца о Сантанхеле и его просьбе к королеве.

4. Симон Визенталь, Паруса надежды: Тайная миссия Христофора Колумба (Нью-Йорк: Макмиллан, 1973), 166.

5. <http://www.sephardicstudies.org/decreed.htm>

6. М. Хирш Гольдберг, Еврейская связь (Нью-Йорк:

Steimatzky/Shapolsky Publishing of North America, 1986), 87. ВЗоар («Книга великолепия») Моше де Леон (1250–1305) почти за двести лет до Колумба высказал мнение, что «Земля вращается как шар... когда на одной половине земного шара день, на другой половине царит ночь».

7. Цви Дор-Нер, Колумб и эпоха Великих географических открытий (Нью-Йорк: Уильям Морроу, 1991), 104, 105.

8. Бенджамин Кин, ред. и пер., Жизнь адмирала Христофора Колумба, написанная его сыном

Фердинандом (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1992), 264–65. Описание Фернандо взято из его книги, написанной много лет спустя, когда ему было пятьдесят, в качестве краткого изложения в поддержку иска его семьи о восстановлении прав, предоставленных Колумбу: «Больше не имея возможности удерживать корабли на плаву, мы отвели их к берегу так далеко, как только могли, привязав их к берегу борт к борту и укрепив их с обеих сторон, чтобы они не могли сдвинуться с места».

9. Там же, 241–57.

10. Падрон Моралес, Испанская Ямайка, перевод Патрика Э. Брайана (Кингстон, Ямайка: Ian Randle Publishers, 2003), 20: Фернандо пишет, что вид на залив Святой Анны с палубы каравеллы «казался [Колумбу] самым красивым из всех, что он видел в Индиях».

11. Джон Бойд Тэчер, Христофор Колумб: его жизнь, его деятельность, его останки, раскрытые в оригинальных печатных и рукописных записях, vol. 2 (Нью-Йорк: GP

Putnam's Sons, 1904), 633–34: Копия письма была найдена среди испанских бумаг в 1655 году, когда англичане захватили Ямайку. Оригинал, который так и не был найден, как говорят, принадлежал ямайскому еврею, предок которого был высажен вместе с Колумбом.

12. Там же, 634н.

13. Там же, 635н.

14. Там же, 635н.
15. Вашингтон Ирвинг, Жизнь и путешествия Христофора Колумба, т. 2 (Нью-Йорк: Сыновья Г. П. Патнэма, 1896), 582.
16. Там же, 634.
17. Сэмюэл Элиот Морисон, Дневники и другие документы о жизни и путешествиях Христофора Колумба (Нью-Йорк: Наследие, 1963), 192.
18. Вашингтон Ирвинг, Жизнь и путешествия Христофора Колумба, т. 2, 614; Колумб, когда его спросили о золоте Верагуа, утверждал, что он не привез домой никаких сокровищ, потому что, как он писал, «я не стал бы грабить или насилловать страну, поскольку разум требует, чтобы она была урегулирована, и тогда золото можно будет добыть без насилия».
19. В начале путешествия Колумба два года назад Овандо отказал ему в убежище на Эспаньоле, несмотря на приближающийся ураган, а когда спасательное судно вернулось на Эспаньолу, Овандо освободил братьев Порас и пригрозил наказать лоялистов, которые убили некоторых мятежников.
20. Ирвинг, Жизнь и путешествия Христофора Колумба, том. 2, 567; Ирвинг цитирует своего современного биографа Бартоломе де Лас Касаса: История адмирала, кн. 2, гл. 32: «Чтобы ободрить и утешить тех, кто был верен, [Колумб] обещал по возвращении в Испанию броситься к ногам королевы, представлять их верность и добиваться для них наград».
21. Кин, Жизнь адмирала Христофора Колумба, 272–73: полная история затмения. Копия таблиц Р. Авраама Закуто с маргиналиями Колумба находится в Колумбийской библиотеке в Португалии.
22. Уильям Б. Гудвин, Испанские и английские руины на Ямайке (Бостон: Meador Publishing Co., 1938), 13.
23. Документы штата Кларендон, т. 1, Бодлианская библиотека, Оксфордский университет, 14, нет.
237. Рукописный перевод Кларендоном «секретных открытий» шпиона герцогу Бекингеми в 1623 году, чтобы побудить его завоевать Ямайку с помощью португальцев острова.
24. Хью Томас, Реки золота: Расцвет Испанской империи от Колумба до Магеллана (Нью-Йорк: Random House, 2003), 210. Родителями Хуана

д'Эскивеля были обращенные Педро д'Эскивель и Констанца Фернандес де Араус.

25. Мирна Кац Фроммер и Харви Фроммер, «Мелилья: кусочек Испании, которую евреи никогда не покидали», Филадельфийский еврейский экспонент, 29 августа 1996 г. С 1497 г. евреи живут в Мелилье, никогда не сталкиваясь с необходимостью выбирать между изгнанием и обращением в христианство, и до тех пор, пока многие не уехали после Второй мировой войны, у каждой большой семьи была своя собственная синагога.
26. Ирвинг, Жизнь и путешествия Христофора Колумба, т. 2, 587.
27. Моралес, Испанская Ямайка, 18. Франсиско Порас вернется, чтобы занять пост в правительстве. Братья Порас сами были конверсос и были отправлены в четвертое путешествие Колумбом по просьбе казначея Кастилии Алонсо де Моралеса, который был в любовных отношениях с их теткой.
28. Ирвинг, Жизнь и путешествия Христофора Колумба, т. 2, приложение, 642. «Фердинанд получал сообщения о том, что особняк, который строил Диего, на самом деле был крепостью, и Диего намеревался сделать себя «властелином острова». Сообщается, что Диего расхаживал взад и вперед по патио, «ожидая новостей от Эскивеля об открытии золота на Ямайке, [чтобы] он мог объявить себя императором Америки». Ирен А. Райт, «Ранняя история Ямайки (1511–1536)», Английский исторический обзор 36, № 141 (январь 1921 г.), 73. Король пишет Диего (23 февраля 1512 г.), что ему сообщили, что Эскивель нашел больше золота, чем он сообщил.
29. Фрэнк Кандалл и Джозеф Питерс, Ямайка под испанцами, извлечено из Архивов Севильи (Кингстон: Институт Ямайки, 1919), 2.
30. Из письма, упомянутого в работе Фрэнсиса Дж. Осборна, SJ, История католической церкви на Ямайке (Чикаго: Издательство университета Лойолы, 1988), 482н
- 31: Петр Мученик королю Карлу, 9 сентября 1526 г. 31. Там же, 3; Гудвин, Испанские и английские руины на Ямайке, 204.

Глава вторая: Приключения в Новом Свете

1. Сэмюэл Толковски, Они вышли в море (Лондон: Thomas Yoseloff, 1964), 103–6. Превосходный современный рассказ о Закуто и короле Мануэле.
2. Ирвин Р. Блэкер, ред., Путешествия Хаклуйта (Нью-Йорк: Викинг Пресс, 1965),

3. Толковский, Они вышли в море, 119–24; Луис Б. Райт, Золото, слава и Евангелие: авантурные жизни и времена исследователей эпохи Возрождения (Нью-Йорк: Атенеум, 1970), 92–99; Пол Херрманн, Великая эпоха открытий, перевод Арнольда Дж. Померанса (Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1958), 80–84.
4. Толковский, Они вышли в море, 122.
5. Сэмюэл Элиот Морисон, Европейское открытие Америки: южные путешествия (Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1974), 219–220.
6. Дж. М. Козн, ред. и пер., Четыре путешествия Христофора Колумба (Harmondsworth, Великобритания: Penguin Books, 1969), 220–21. В письме к Изабелле Колумб писал: «Я верю, что земной Рай находится здесь, куда никто не может войти, кроме как с Божьего позволения». Позже хорошо орошаемая страна Ориноко будет переименована в Венесуэлу, Маленькую Венецию.
7. Райт, Золото, Слава и Евангелие, 103; Чарльз Дэвид Лей, ред., Португальские путешествия 1498–1663 гг. (Лондон: Everyman's Library, 1965), 41–59. Отчет о находке, отправленный королю Мануэлю из Бразилии 1 мая 1500 года нотариусом Педру Вашом де Каминья.
8. Райт, Золото, Слава и Евангелие, 106–7; Лей, Португальские путешествия 1498–1663 гг., цитирует отчет нотариуса в Hakluyt Society, серия 2, том 81 (Лондон, 1898).
9. К.Г. Джейн, Васко да Гама и его преемники 1460–1580 гг. (Уайтфиш, Монтана: Kessinger Publishing, 2004, перепечатка издания 1910 года), 58.
10. Херман Арсиниегас, Америго и Новый Свет (Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1955), 123.
11. Толковский, Они вышли в море, 123.
12. Морисон, Европейское открытие Америки, 288–96.
13. Арчиниегас, Америго и Новый Свет, 204–7; Толковский, Они вышли в море, 119–25; Морисон, Европейское открытие Америки, 227, 233, 272–312; Арнольд Визницер, Евреи в колониальной Бразилии (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1960), 3–5.

14. Толковский, Они вышли в море, 125–27; Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 5–9; Арчиниегас, Америго и Новый Свет, 246–48; Дэниел М. Свечински, «Конфликт и возможность в другом море Европы: приключение карибского еврейского поселения», Американское еврейское историческое общество (декабрь 1982 г.), т. 2, 217. Высший класс Португалии свысока смотрел на торговую профессию, которую они низводили ниже семи «механических искусств» (крестьянин, охотник, солдат, моряк, хирург, ткач, кузнец). Конверсо, всего 10 процентов населения, составляли почти 75 процентов делового сообщества.
15. Ирен Райт, Ранняя история Кубы, 1492–1586 гг. (Нью-Йорк: Макмиллан, 1916), 27; Дагоберт Д. Рунес, Влияние евреев на западную цивилизацию (Нью-Йорк: Философская библиотека, 1951), 730: «Евреи считались особенно искусными арбалетчиками, и в некоторых странах их в значительном количестве принимали в ряды унтер-офицеров».
16. Манозль да Силвейра Кардозо, Португальцы в Америке, 590 до нашей эры.–1974: Хронология и факты (Доббс Ферри, Нью-Йорк: Океана, 1976); Гарри Келси, Хуан Родригес Кабрильо (Сан-Марино, Калифорния: Библиотека Хантингтона, 1986). В Пойнт-Лома в Сан-Диего также есть статуя исследователя, поддерживаемая Службой национальных парков, а в 1992 году была выпущена марка в его честь; Сеймур Либман, Евреи Нового Света 1493–1825: Реквием по забытым (Нью-Йорк: KTAV, 1982), 6: «Термин «португальские евреи» использовался инквизиторами в Новом Свете после 1528 года для всех евреев... несмотря на то, что многие из них родились в Испании спустя десятилетия после Изгнания». Только старым христианам, имеющим сертификаты *Limpieza de Sangre* — доказательство того, что они были свободны от еврейской крови на протяжении четырех поколений, — разрешалось селиться на землях Империи.
17. Сесил Рот, История марранов (Нью-Йорк: Harper Torchbook, 1966), 56–62: 19 марта 1497 года было постановлено, что все еврейские дети в возрасте от четырех до четырнадцати лет должны быть крещены в следующее воскресенье; в семьях, которые не явились, детей забирали чиновники и крестили насильно. Родители, которые также не обращались, могли покинуть Португалию, но их дети оставались и передавались в христианские семьи, чтобы воспитываться в Истинной Вере. Именно таким образом Исаак Абарванель потерял своего двенадцатилетнего внука.
18. Свечински, «Конфликт и возможности в другом море Европы», 216–18; Ян Глете, Война на море, 1500–1650 гг. (Нью-Йорк: Routledge Press, 2000), 86: «Коммерческая экспансия рассматривалась как угроза устоявшемуся общественному порядку» Анита Либман Лебесон, Люди-пилигримы (Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1950), 4–7: Как капиталисты, они вкладывали средства в морские путешествия, владели и были

капитанами океанских судов, торговали с другими евреями и конверсос, обосновавшимися в отдаленных морских портах.

19. Хью Томас, Реки золота: Взлет и падение Испанской империи от Колумба до Магеллана (Нью-Йорк: Рэндом Хаус, 2003), 495–97.
20. Сеймур Б. Либман, «Эрнандо Алонсо: первый еврей на североамериканском континенте», Журнал межамериканских исследований 5, № 2 (апрель 1963 г.), 291–96; Сеймур Б. Либман, «Они пришли с Кортесом: заметки о мексиканско-еврейской истории», иудаизм 18, № 1 (зима 1969 г.), 91–92; GRG Conway, «Эрнандо Алонсо, еврейский конкистадор с Кортесом в Мексике», Publications of American Jewish Historical Society (1928), 10–25. Рассказ информатора ссылался на более ранний инцидент на Эспаньоле с участием первого сына Алонсо, отмечая, что Алонсо затем выпил вино, которое он вылил на ребенка. Под угрозой пыток на дыбе иудействующий признался, что сделал это «в насмешку над таинством крещения».
21. Хью Томас, Завоевание: Кортес, Монтесума и падение Старой Мексики (Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 1995), 266.
22. Там же, 529, 777: цитата Томаса («Женщины, любящие приключения, весело шли к мужчинам, все еще одетым в стеганные доспехи») принадлежит Мигелю Леону-Портилье, Видение Лос-Венсидос (Мадрид, 1985 г.); страницы 148–64 представляют собой переиздание книги Мануэля да Силвейра Кардоса «Relacion de la conquista por informantes de Tlatelolco».
23. Хью Томас, Кто есть кто из конкистадоров (Лондон: Касселл, 2000), 193. Хуан Понсе де Леон II, сын Хуана Гонсалеса и сын Антонио де Санта Клара, друга Хуана с первых дней его жизни на Кубе, по приказу короля написал Relación de Puerto Rico 1582 года, первая хроника острова. См. перевод на английский язык http://www.mlab.uiah.fi/simulcious/Text/eng_puerto_rico.htm.
24. Томас, Завоевание, 359, 399.
25. Там же, 636.
26. Для Алонсо см. http://www.geocities.com/lonogria_37/aBastard.htm; информацию о Марине Гутьеррес Флорес де ла Кабальерия см. <http://pages.prodigy.net/bluemountain1/estrada1.htm>.
27. См. www.Sephardim.com.

28. Ряд конверсос в этой главе упоминаются в трех известных книгах Томаса, посвященных этому периоду: *Завоевание, Реки золота, и Кто есть кто среди конкистадоров*. Источником многих его открытий является монументальный труд Хуана Гилла, *Лос Конверсос и инквизиция Севильи*, 5 томов. (Севилья: Севильский университет и фонд Эль-Монте, 2000–2002 гг.).
29. Сеймур Б. Либман, *Евреи в Новой Испании* (Майами: Издательство Университета Майами, 1970), 46.
30. Джуда Грибец, Эдвард Л. Гринштейн и Регина Штайн, *Хронология еврейской истории: хронология важнейших людей и событий в еврейской истории* (Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 1993), 162.
31. Либман, *Евреи в Новой Испании*, 46, цитирует испанского историка Сальвадора де Мадариагу: После 1500 лет проживания на Пиренейском полуострове сефарды были в равной степени испанцами, и евреями: «Евреи Изгнания оставили после себя глубоко иудаизированную Испанию и отправились за границу не менее испанизированными».

Глава третья: Главные еретики короля

1. Фрэнк Кандалл и Джозеф Питерс, *Ямайка под испанцами*, извлечено из *Архивов Севильи* (Кингстон: Институт Ямайки, 1919), 10–11.
2. Рут Пайк, *Предприятие и приключение: генуэзцы в Севилье и открытие Нового Света* (Итака, Нью-Йорк: Cornell University Press, 1966), 60, 89: В 1530-х годах генуэзцы получили лицензию на закупку африканских рабов «для удовлетворения потребностей расширяющейся сахарной промышленности на островах», и в 1535 году перевезли тысячу рабов. Нигде не сообщается, что были отправлены португальцы. Ирен Райт, «Сахарная промышленность в Америке», *Американская древность* 21 (1916), 755–82; Айрин Райт, «История ранней сахарной промышленности в Вест-Индии по документам Архивов Вест-Индии в Севилье», *Журнал Луизианского плантатора и производителя сахара* 54 (1915), 14–15: В 1527 году сахарный завод в Новой Севилье описывается как «хороший, производящий хороший сахар».
3. Александр Эркулано, *История возникновения и становления инквизиции в Португалии*, т. 1, пер. Джон К. Браннер (Нью-Йорк: AMS Press, 1968), 376–78, 380–81: Еще одним указанием на то, что просьба Мансуэло о «португальских» поселенцах была

адресована испанским конверсос, является тот факт, что в 1534 году, когда Карл получил коммунике, португальским новым христианам не разрешалось эмигрировать. С 1532 по 1536 год король Португалии изменил свою политику, которая за определенную плату позволяла конверсос селиться в его колониях.

4. Дж. Х. Эллиотт, Имперская Испания: 1469–1716 (Лондон: Пингвин, 1963), 52–53.
5. Ларедо — испанский порт в Бискайском заливе. Хейворд Кенистон, Франсиско де лос Корбос, секретарь императора Карла V. (Питтсбург: Издательство Питтсбургского университета, 1960), 161: «Ходили слухи, что они предлагали 50 дукатов за каждую беременность мальчиками, чтобы те оставались в Испании, а девочки возвращались с ними в Амазонию».
6. Дадли Поуп, Король пиратов: Биография печально известного сэра Генри Моргана, 1635–1688 гг. (Нью-Йорк: Додд, Мид, 1978), 29–30: Среднее количество золота, которое ежегодно получал Карл, в 3,5 тонны было равно сумме, которую царица Савская дала Соломону. В шестнадцатом веке испанцы «нашли, разграбили или добыли в три раза больше золота и серебра, чем было в обращении» до отплытия Колумба.
7. Антонио Домингес Ортис, Золотой век Испании, 1516–1659 (Нью-Йорк: Basic Books, 1971), 47: Якоб Фуггер одолжил ему половину стоимости выборов в один миллион флоринов.
8. Херман Арсиниегас, Карибское море Нового Света (Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1946), 118–21; Генри Круз Мерфи, Путешествие Верраццано: глава в ранней истории морских открытий в Америке (Нью-Йорк, 1875): в приложении содержатся письма Чарльзу, в которых он информирует его о Верразано поступок и постоянная угроза.
9. СН Харинг, Пираты Вест-Индии в XVII веке (Хэмден, Коннектикут: Archon Books, 1966; перепечатка издания 1910 года), 30; Арчиниегас, Карибское море Нового Света, 118.
10. «Переписка и путевые заметки Карла V», редактор Уильям Брэдфорд (Лондон: Bently Publishers, 31 августа 1850 г.), 439, 367.
11. Мириам Бодиан, Евреи португальской нации, конверсо и община в Амстердаме раннего Нового времени (Блумингтон, Индиана: Indiana University Press, 1997), 11. В 1391 году сотни тысяч евреев Испании были насильно обращены в

христианство или приговорены к смерти. «Этот огромный приток новых христиан обострил социальные и расовые подозрения и в конечном итоге привел к тому, что станет известно как Толедское очищение крови или статуты «чистоты крови» 1449 года, ограничивающие права нового класса христиан. Те, кто сохранял еврейскую кровь или происхождение, происходящее от еврейского происхождения, классифицировались как «нечистые» и исключались из должностей власти и престижа, а также из университетов. Эти законы применялись в Севилье в 1515 году и в Санто-Доминго в 1525 году».

12. Уильям Б. Гудвин, *Испанские и английские руины на Ямайке* (Бостон: Meador Publishing Co., 1938),

13: «[Еврейские] потомки этих португальских поселенцев встречаются во многих частях остров сегодня». 13. 14 июля 1534 года кавалерия султана численностью в пятьдесят тысяч всадников захватила Тебриз на севере Персии, но вместо того, чтобы двинуться дальше и угрожать восточной империи Карла, повернула на восток и в октябре того же года захватила Багдад.

14. Нил Грант, *Барбаросса, король пиратов* (Нью-Йорк: Hawthorn Books, 1972), 8–9: Громоздкие корабли Испании и Генуи легко обыгрывались корсарской галерой — длинным, стройным судном, ведомым массивными веслами с одним главным треугольным парусом, называемым латинским. Пираты атаковали вражеский корабль, тараня его железным носом (напоминающим длинный клюв). Затем корсары запрыгивали на борт, и начиналась рукопашная схватка.

15. Ортис, *Золотой век Испании*, 52–58.

16. Сэр Годфри Фишер, *Легенда о Берберии* (Оксфорд, Великобритания: Clarendon Press, 1957), 55: Барбаросса как «генерал моря» редко покидал сушу — его функции как адмирала были в основном административными, а «его военно-морские обязанности выполнял лейтенант, пока позднее в этом столетии они не были поручены отдельному офицеру [Синану], который, как местный капитан моря, [был] напрямую подчинен султану».

17. Сэмюэл Толковски, *Они вышли в море* (Лондон: Томас Йоселлофф, 1964), 174: 16 августа 1533 года посол Генриха VIII в Риме сообщил своему королю, что несколькими днями ранее «знаменитый еврейский пират» крейсировал с сильным турецким флотом из шестидесяти кораблей у южного побережья Греции, чтобы атаковать испанский флот, защищавший западное Средиземноморье; Дж. С. Брюэр, Дж. Гэрднер и Р. Х. Броди, ред., *Письма и документы, иностранные и внутренние, периода правления Генриха VIII* (Лондон, 1862–1932), т. 6, 427: Синан был упомянут в

1528 году португальским губернатором в Индии как «великий еврей», которого он ошибочно считал посланным

Сулейманом, чтобы помочь королю Каликута в борьбе с португальцами; Бенджамин Арбель, Торговые нации: евреи и венецианцы в раннем Новом Восточном Средиземноморье (Нью-Йорк: EJ Brill, 1995), 181, перечисляет множество венецианских источников с 1530 года, в которых Синан упоминается как «еврей».

18. «Переписка и путевые заметки Карла V», 349.
19. Кенистон, Франциско де лос Корбос, 170.
20. Э. Гамильтон Керри, Морские волки Средиземноморья: Великий период мусульманских корсаров (Нью-Йорк: Frederick A. Stokes Company, 1914), 108.
21. «Переписка и путевые заметки Карла V», 358–59: Непокоримая храбрость Карла нашла свое воплощение в одном из его поздних сражений, когда подагра парализовала его шею и сделала его ноги хромыми, он привязал себя к своей лошади и поскакал в самую гущу сражения.
Грант, Барбаросса, 46–48; Керри, Морские волки Средиземноморья, 107–9.
22. Х.З. (Ю.В.) Хиршберг, История евреев Северной Африки, т. 2, ред. Элиезер Башан и Роберт Аттал (Лейден: EJ Brill, 1981), 480, цитирует рассказ современного историка Р. Йозефа Ха-Когена о последствиях битвы: «Евреи, которых было много, частью бежали в пустыню, Голодные, жаждущие и совершенно обездоленные, арабы разграбили все, что они привезли с собой; и многие умерли в то время».
23. Кенистон, Франциско де лос Корбос, 176.
24. Кундалл и Питерс, Ямайка под испанцами, 12.
25. Падрон Моралес, Испанская Ямайка, перевод Патрика Э. Брайана (Кингстон, Ямайка: Ian Randle Publishers, 2003), Приложение 6, 278–79: В феврале 1537 года король уступил ее требованию власти над церковью: «По нашему мнению... что разрешение этих судебных процессов находится под вопросом... от имени доны Марии де Толедо... и адмирала дона Луиса Колумба, ее сына... мы даем разрешение тебе и твоим преемникам, с помощью которого ты можешь назначать лиц в аббатство, включая его доходы, а также на другие должности в церквях на вышеупомянутом острове».

26. Там же, 65: Королевский указ также предоставил семье двадцать пять квадратных лиг в провинции Верагуа, где Колумб добыл шестьдесят три золотых подвески, но земля оказалась «болотистой и непригодной», и девятнадцать лет спустя дон Луис отказался от Верагуа в обмен на ежегодную выплату в размере семнадцати тысяч дукатов.
27. Кундалл и Питерс, Ямайка под испанцами, 13.
28. Еврейская энциклопедия (JewishEncyclopedia.com), «Антверпен» (автор Ричард Готтейл): «Антверпен стал центром португальской торговли с Ост-Индией, и многие богатые купцы и банкиры Лиссабона имели там филиалы. В 1536 году, согласно документу в бельгийских государственных архивах, Карл V приказал магистратам Антверпена разрешить конверсос селиться в Антверпене».
29. Толковский, Они вышли в море, 203.
30. Хиршберг, История евреев Северной Африки, т. 2, 9.
31. Кристофер и Джин Серпелл, Эльба и Тосканский архипелаг (Лондон: Джонатан Кейп, 1977).
32. В оставшиеся годы своей жизни Чарльз совершил ряд отречений, в результате которых Габсбургские владения были разделены между Австрией и Испанией. К 1555 году он отдал своему сыну Филиппу Неаполь, Милан и Нидерланды, а в 1556 году удалился в монастырь Юсте.
33. Кристофер Хэйр, Великий император: Карл V, 1519–1558 (Нью-Йорк: Сыновья Чарльза Скрибнера, 1917), 199.
34. Гертруда фон Шварценфельд, Карл V, отец Европы (Чикаго: Henry Regnery Co., 1957), 278–79: На его ночном столике лежала Библия, его любимый геральдический роман Кортеджиано, и Макиавелли Принц. В дни покаяния он «бил себя грубыми кусками узловатой веревки до тех пор, пока узлы не стерлись».
35. Толковский, Они вышли в море, 183.
36. Джейн С. Гербер, Еврейское общество в Фесе (Лейден: Э. Дж. Брилл, 1980), 166–69.

Глава четвертая: Сэмюэль Палах, пиратский раввин

1. Раввинская родословная семьи восходит к десятому веку, когда Моше бен Ханох, известный талмудист из Вавилона, был захвачен пиратами и доставлен в качестве раба в Кордову. Выкупленный общиной, он стал ее раввином, женился на представительнице семьи Палаче и вместе со своим сыном сделал Испанию центром изучения Торы. Вплоть до времени Самуила члены семьи достигли известности как раввины в Италии, Турции и Греции. Еврейская энциклопедия, «Палаче» Хиршберг, История евреев в Северной Африке, т. 2, 212н (обширная заметка о раввинах Палаха).
2. Мерседес Гарсия-Ареналь и Жерар Вигерс, Человек трех миров: Сэмюэл Палаш, марокканский еврей в католической и протестантской Европе, перевод Мартина Бигля (Балтимор: Издательство Университета Джона Хопкинса, 2003), 24–25.
3. Влияние странствующего раввина на мальчиков напоминает дядю из Смёрты коммивояжера.
4. Х. Грец, Популярная история евреев, т. 5, перевод раввина А. Б. Райна, ред. Александра Харкави (Нью-Йорк: Hebrew Publishing Company, 1937), 55: Дэвид Йесурун, «мальчик-поэт», дал городу прозвище «Новый Иерусалим»

когда, спасаясь от инквизиции, он добрался до безопасного Амстердама и, вдохновленный, написал ему свою хвалебную песнь.
5. Привет, Блум, Экономическая деятельность евреев в Амстердаме в XVII и XVIII веках (Уильямсбург, Пенсильвания: Baynard Press, 1937), 78н23: «Евреи Амстердама настолько искусны, что, замаскировав товар, смешав его с другими товарами, или упаковав его другим способом, или пометив его, они не боятся отправляться в определенные португальские порты и перепродавать товар там».
6. Гарсия-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 5: Герцог писал, что даже если они и соблазнили нескольких новых христиан, то они представляют меньшую угрозу Его Величеству, чем многочисленные берберийские евреи в его владениях, которые являются шпионами и должны быть изгнаны.
7. Там же, 6.
8. Там же, 5.

9. Там же, 10.
10. Там же, 11.
11. Исидор Харрис, Еврейское историческое общество Англии, «Голландское кладбище и его связи с Англией», 113.
12. Генрих Грец, История евреев, т. 4 (Филадельфия: Еврейское издательское общество Америки, 1941), 663.
13. Джон Дж. Мюррей, Амстердам в эпоху Рембрандта (Норман: Издательство Оклахомского университета, 1967), 21.
14. Гарсиа-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 56.
15. Там же, 55.
16. Там же, 76.
17. Там же, 77.
18. Хиршберг, История евреев в Северной Африке, т. 2, 214–215.
19. Гарсиа-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 72.
20. Одетт Влессинг, «Сэмюэль Палаш: Ранняя история португальских евреев Амстердама», в История голландских евреев, т. 3 (Иерусалим: Институт исследований голландского еврейства, 1993), 52.
21. Там же, 50; Еврейская энциклопедия, «Палаче».
22. Хиршберг, История евреев в Северной Африке, т. 2.
23. Дэвид Каррингтон, «Еврейский пират», Еврейская хроника, 4 ноября 1955 г.: Палаш получил от Нидерландов разрешение «набрать и набрать столько моряков и мореходов, сколько ему понадобится с лицензией Генеральных штатов... в Берберию, где Палаш отправился к королю... и [получил] от него поручение выйти в море и захватить всех испанцев, с которыми он сможет встретиться».
24. Гарсиа-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 85.

25. Там же, 77–79. В феврале 1612 года Сидан направил Самуилу настоятельную просьбу поспешно прийти к нему на помощь с двумя кораблями и тысячей человек. Султан был в отчаянии. Его брат, Ибн Абу Махалли, радикальный исламистский военачальник, надеялся избавить страну от евреев, которые наводнили его королевство. Махалли получил неоправданное доверие в июле, когда голландский посол Марокко рекомендовал Генеральным штатам признать самопровозглашенного «нового короля» правителем Марокко. Когда его отчет достиг Нидерландов, брат Самуила Иосиф и племянник Моисей опровергли заявление посла. В следующем году Махалли был убит союзником Сидана, а голландский дипломат, обвиненный в измене, был ненадолго заключен в тюрьму. Сидан был снова признан верховным правителем Марокко.

26. Гарсия-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 85.

27. Влессинг, «Самуэль Палаш», 52.

28. Гарсиа-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 88–89.

29. Там же, 90.

30. Там же, 91.

31. Еврейский ежеквартальный обзор 14 (1902), 358, перепечатка, письмо из Лондона от 4 ноября 1614 года от Джона Чемберлена его другу сэру Дадли Карлтону, британскому послу в Венеции: «Здесь арестован еврейский пират, который привел в Плимут три приза — испанцев... он, скорее всего, выйдет отсюда достаточно благополучно, поскольку у него есть лига и лицензия от руки короля на его свободный выезд и возвращение, во что не верили, пока он не представил доказательств». См. также Акты Тайного совета от 23 декабря 1614 г., Тайный совет сэру Уильяму Крейвену, олдермену: «Светлость отдает приказ об ограничении и обеспечении безопасности Сэмюэля Палаче, еврея, недавно прибывшего в Плимут [по обвинению] в совершении пиратства и оскорблении подданных короля Испании... Палаче утверждает, что он является слугой короля Берберии и нанят им в качестве его агента в Соединенных Штатах, и что от упомянутого короля, его хозяина, он получил поручение на вооружение и отправку военных кораблей, на основании которого (вместе с лицензией Соединенных Штатов) он утверждает, что этот факт является оправданным и никак не связан с пиратством».

32. Роберт П. Тристрам Коффин, Герцоги Бекингемские: Плейбои мира Стюартов (Нью-Йорк: Макмиллан, 1931), 73.

33. Гарсиа-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 92–93.

34. Там же, 87: Когда Сидан думал, что голландцы перейдут в Махалли, и он был близок к потере своего королевства, он заставил Самуэля предложить Медине-Сидонии средиземноморский портовый город Ла-Мамоа в обмен на военную поддержку. Когда герцог передал предложение Филиппу, король, подозревая, что Самуэль был двойным агентом, сказал герцогу не иметь с ним дел.
35. Там же, 80–82.
36. Дж.А.Дж. Вильерс, «Голландия и некоторые из ее евреев», Еврейский обзор⁷ (1912), 10–12: На следующий день после похорон Генеральные штаты отметили: «Его Превосходительство [принц Морис] и Государственный совет сопровождали тело сеньора Самуэля Палаша, агента короля Берберии, до моста в Хаутстраат».
37. Гарсия-Ареналь и Вигерс, Человек трех миров, 62.
38. Блум, Экономическая деятельность евреев, 14, 15ⁿ70: «Через шесть месяцев после смерти Палаха, его племянника, Моисея, представлявшего имение, он продал два свитка Торы Неве Шалом за 1000 гульденов».

Глава пятая: Амстердам, Новый Иерусалим

1. О помиловании 1605 года см. НР Salomon, Портрет нового христианина, Фернан Альварес Мелу, 1569–1632 гг. (Париж: Fundação Calouste Gulbenkian, Centro cultural Português, 1982), 43–46; Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 33–34: «Оценка в 1 700 000 крузадо была разделена между всеми новыми христианами Португалии... И новые христиане не могли покинуть Португалию, не доказав, что они заплатили свою часть оценки или не предоставив необходимые гарантии для ее оплаты... После истечения годичного срока Святая инквизиция возобновила преследование иудействующих среди новых христиан... любой новый христианин, который пытался покинуть порт, не заплатив оценку, должен был конфисковать свое имущество в пользу короны. А лицо, донесшее на преступника, должно было получить одну треть от возвращенных доходов».
2. Бенджамин Арбель, Торговые нации: евреи и венецианцы в раннем Новом Восточном Средиземноморье (Нью-Йорк: EJ Brill, 1995), 180–81; HI Bloom, Экономическая деятельность евреев в Амстердаме в XVII и XVIII веках (Williamsport, Pa.: Baynard Press, 1937), 93ⁿ70: У испанцев было другое объяснение псевдонимов. В 1654 году испанский консул в Амстердаме написал испанскому послу: «Президент синагоги подписывает себя Кортесом вместо Кортикоса, ... его настоящим именем... У членов его нации есть обычай брать

столько имен, сколько им угодно,... чтобы не подвергать риску своих родителей или родственников, которые известны под этим именем в Испании». Дэниел Свечински, «Португальские евреи Амстердама 17-го века: культурная преемственность и адаптация», в Очерки современной еврейской истории, ред. Фрэнсис Малино и Филлис Коэн Альберт (Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 1985), 58–60: Девяносто один процент мужчин в общине были названы в честь патриархов. Любимыми именами (в порядке предпочтения) были Авраам, Исаак, Давид, Моисей, Иосиф, Самуил, Аарон, Бенджамин,

Соломон, Даниил и Эммануил.

3. Иоахим Принц, Тайные евреи (Нью-Йорк: Рэндом Хаус, 1973), 70–74.
4. Сеймур Б. Либман, Евреи в Новой Испании (Майами: Издательство Университета Майами, 1970), 589; Гербер, Еврейское общество в Фесе, 63; Ян Стоутенбек и Пол Виджевено, Путеводитель по еврейскому Амстердаму (Де Хаан: Еврейский исторический музей, 1985), 13: В 1616 году евреям было запрещено «физическое общение с христианскими женами или дочерьми в браке или вне его, даже если эти женщины сами по себе могли иметь дурную репутацию». Блум, Экономическая деятельность евреев, 20: В 1616 году евреям было запрещено нанимать слуг христиан.
5. Грец, История евреев, т. 4, 57.
6. Принц, Тайные евреи, 74: В 1660 году Исаак Ороббио де Кастро описал ситуацию в Амстердаме. «Есть те..., кто подвергается обрезанию сразу по прибытии, любит закон Божий и стремится узнать то, что они и их предки забыли за годы своего заключения... Есть и другая группа, которая предаётся идолопоклонству логики... они полны тщеславия, высокомерия и чувства превосходства, потому что считают, что знают все... Они ставят себя под счастливое ярмо иудаизма... но их тщеславие и так называемое превосходство мешают им принять наши учения... Беда в том, что молодые... восхищаются ими и следуют их примеру. Все они быстро попадают в бездну атеизма и отступничества».
7. Одетт Влессинг, «Сэмюэль Палаш: Ранняя история португальских евреев Амстердама», в История голландских евреев, т. 3 (Иерусалим: Институт исследований голландского еврейства, 1993), 52.
8. Саймон М. Шама, «Другой Иерусалим: евреи в Амстердаме

Рембрандта», вЕвреи в эпоху Рембрандта,ред. Сьюзен Моргенштейн и Рут Левин (Роквилл, Мэриленд: Иудейский музей Еврейского общинного центра Большого Вашингтона, 1981), 3.

9. Свечински, «Конфликт и возможности в другом море Европы: приключения карибских еврейских поселений», Американское еврейское историческое общество (декабрь 1982 г.), т. 2, 216–217: «Старая христианская Португалия Традиционно президали торговую профессию... Поэтому для многих изгоев из числа новых христиан было естественным занять положение в той части португальского общества, которая была численно недоукомплектована и социально недооценена... Новые христиане составляли около 65–75% от всего португальского торгового сообщества, при этом едва ли составляя более 10% населения».
10. Джон Дж. Мюррей, Амстердам в эпоху Рембрандта (Норман: Издательство Оклахомского университета, 1967), 49.
11. Шама, «Другой Иерусалим», 8: «Была готовность использовать евреев в высокорисковых областях экономики, куда более осторожные или нервные инвесторы не хотели рисковать». Евреи допускались только в более спекулятивные предприятия Голландии, такие как вторжение в Новый Свет и нападение на испанский серебряный флот. Когда они окупились, братья были настроены по-крупному: на странице 642 Шама цитирует Эли Люзака, Богатство Голландии, т. 1 (1778), 63, 501: «Только в 1612 году, подражая некоторым евреям, которые нашли у них убежище и которые, как говорили, основали повсюду конторы, голландцы начали создавать свои собственные конторы и отправлять свои корабли по всему Средиземноморью».
12. Влессинг, «Самуэль Палаш», 53.
13. Ibid., 54, 62–63: С того времени, как они вошли в Амстердам, еврейские торговцы доминировали в торговле сахаром. В обращении к Генеральным штатам португальские торговцы Амстердама писали: «В течение 12-летнего перемирия тысячи ящиков сахара ежегодно привозились в Голландию на наших кораблях... судоходство и торговля возросли настолько, что каждый год строилось от 12 до 15 кораблей и добавлялось к торговле... Мы были настолько успешны, что мы перегнали все португальские каравеллы, которые раньше перевозили сахар из этих вод». Торговцы писали о других выгодах, которые Голландия получала от торговли с Бразилией: «Самая большая выгода, полученная от этой торговли, а именно, сахарные заводы... увеличились с трех или четырех, 25 лет назад, до 25 в одном только Амстердаме, снабжая Голландию сахаром [а также] Францию, Англию, Германию и Восток». Корнелис Ч. Гослинга, Голландцы на Карибах и на

Диком Берегу, 1580–1680 гг.(Асен, Нидерланды: Von Gorcum, 1971), 149: Во время перемирия голландско-португальские связи контролировали до двух третей бразильской торговли с Европой.

14. Джонатан И. Израэль, «Изменение роли голландских сефардов в международной торговле, 1595–1715», в История голландских евреев, т. 1, ред. Джозеф Мичман (Иерусалим: Тель-Авивский университет, 1984), 33: «Зарубежная торговля голландских сефардов характеризуется приоритетом отношений с Португалией и ее колониями... через Лиссабон».
15. Там же, 36: «В годы перемирия подавляющее большинство грузовых контрактов, подписанных голландскими сефардами, были на рейсы в Португалию и из Португалии».
16. Дороти Ф. Зелигс, История еврейской жизни в наше время (Нью-Йорк: Bloch Publishing Company, 1940), 109: В семнадцатом веке голландцам принадлежало более половины торговых судов Европы.
17. Шама, «Другой Иерусалим», 6: «Голландская республика представляла собой прототип либерального плюралистического социалистического общества — воображаемой аркадии евреев 19 века — которая позволила бы каждой вере исповедовать свою веру так, как она хочет, не страдая от клейма двойной верности».
18. Дэниел М. Свечински, Космополиты поневоле: португальские евреи Амстердама XVII века (Портленд, Орегон: Библиотека еврейской цивилизации Литтмана, 2000), 62.
19. Эгон Э. Кирш, Рассказы из семи гетто (Лондон: Robert Uncombed & Co. Ltd., 1948), 182–83.
20. Блум, Экономическая деятельность евреев, 19–20: «Философ и юрист Гуго Гроций... которому было поручено составить правила относительно евреев... сказал, что их следует допускать, но ограничивать тремястами семьями; они не должны занимать политические должности и жениться на дочерях этой земли». Суббота соблюдалась, и они могли клясться «Всевышним, который... дал Свои Законы через Моисея». 23–24: В 1632 году магистраты постановили: «Евреям в этом городе, которые [являются] или станут бюргерами, [запрещается] начинать розничный бизнес». Также они не могли вступать в ремесленные гильдии или создавать их.
21. Эдгар Самуэль, «Торговля новых христиан Португалии в семнадцатом веке», в Сефардское наследие, т. 2., ред. RD Barnett и WM Schwab (Грендон, Великобритания: Gibraltar Books, 1989), 109.

22. Стивен Надлер, Евреи Рембрандта (Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2003), 28.
23. Там же, 15–16, перечисляются его соседи-евреи.
24. Джонатан Израэль, «Сефардская иммиграция в Голландскую Республику, 1595–1672», *Studia Rosenthaliana* 23, № 1 (1989), 51.
25. П. Дж. Хелм, История Европы, 1450–1660 (Лондон: G. Bell & Sons, Ltd., 1966), 234.
26. Израиль, «Сефардская иммиграция в Голландскую Республику», 51: Завещание Мануэля Пиментеля показало, что у него были деньги, вложенные в Венецию, Константинополь, Испанию и Голландию. Его бухгалтер Гектор Мендес Браво, который снова обратился в христианство, был шпионом, который в 1614 году представил имена 120 семей из Амстердама и имена их корреспондентов.
27. Арнольд Визницер, Евреи в колониальной Бразилии (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1960), 46–47.
28. Джейн С. Гербер, Евреи Испании, история сефардского опыта (Нью-Йорк: The Free Press, 1992), 10: Содержание рабов-евреев было признано незаконным в Талмуде; поэтому раб, который обращался, немедленно освобождался. Такие обращения были обычным явлением, поскольку Талмуд запрещал евреям держать необрезанных рабов; Эли Фабер, Евреи, рабы и работорговля: прояснение ситуации (Нью-Йорк: New York University Press, 1998), 17: Положение о бразильской синагоге «Цур Исраэль», первой синагоге в Новом Свете: «Раб не должен быть обрезан, пока его хозяин не освободит его, чтобы хозяин не мог продать его с того момента, как раб примет [иудаизм]».
29. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 47: В 1618 году Альваро Санчес сообщил инспектору инквизиции в Баие, что его друг-еврей (Диего Лопес, производитель сладостей) рассказал ему об этом инциденте.
30. Шама, «Другой Иерусалим», 16.
31. Принц, Тайные евреи, стр. 75–87; полный отчет в автобиографии Уриэля да Коста, Образец человеческой жизни (Нью-Йорк: Bergman Publishers, 1967).

32. Йосеф Каплан, «Интеллектуальное брожение в испано-португальской общине Амстердама XVII века», в Наследие сефардов, том. 2, изд. Хаим Бейнарт (Иерусалим: Magnes Press, 1992), 295.
33. Спустя пять лет после самоубийства своего брата Авраам да Коста, будучи главой Махамада, составил петицию, которая побудила Генеральные штаты предоставить голландским евреям права бюргеров, а несколько лет спустя Жозеф да Коста, сын другого брата, воспользовался этой привилегией, чтобы объединиться с другими евреями в Новом Амстердаме, чтобы защитить свои гражданские права.
34. Две другие пытки, обычно применяемые к отрицательным (заключенным, которые не признались) были дыба и водные мучения: Для дыба, голого заключенного со связанными за спиной руками и веревкой, прикрепленной к верхнему блоку, поднимали к потолку, затем отпускали, но прежде чем его ноги коснулись земли, его резко останавливали так, что его руки вырывали из суставов, вывихивая оба плеча. Этот процесс обычно повторялся в течение часа. В пытке водой мокрую ткань клали на открытый рот и ноздри лежащего ниц заключенного. Поскольку в него лилась постоянная струя воды, заключенный не мог не всасывать ткань, которую затем палач внезапно снимал, вытягивая вместе с ней внутренности горла жертвы.
35. Обращение и преследования Евы Коэн, памфлет 1680 года, найденный в библиотеке редких книг и рукописей Хоутона Гарвардского университета. Пожертвовано в 1780 году. В памфлете говорится, что после смерти своей первой жены Авраам Коэн женился на Ребекке Палах, внучатой племяннице Сэмюэля, и двое детей от этого брака также женились на Палах. Третьим ребенком была Ева. Памфлет написан бывшим евреем о невзгодах Евы после того, как она сбежала и вышла замуж за христианского слугу своего старшего сводного брата, Якоба Коэна Энрикеса.
36. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 171.
37. Одетт Влессинг, «Экономическое положение марранов в начале XVII века», История голландских евреев, т. 3 (Иерусалим: Институт исследований голландского еврейства, 1993), 173: С момента своего появления в Амстердаме еврейские торговцы доминировали в торговле сахаром. Это продолжалось и после того, как голландцы завоевали Ресифи и значительно увеличили производство сахара в Бразилии.
38. <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/westind.htm> ; Положения устава DWIC XL и XLII предоставляют Компании право строить и размещать гарнизоны, а также содержать военные корабли.

39. Израиль, «Сефардская иммиграция в Голландскую Республику», 16: Генеральные штаты выразили протест королю, заявив, что «с гражданами Португалии не следует обращаться иначе, чем с другими подданными, и настоятельно потребовали вернуть товары и деньги, о которых идет речь». Джонатан И. Израиль, Диаспоры внутри диаспоры, 1540–1740, Серия Brill по иудейским исследованиям (Бостон: EJ Brill, 2002), 140–41; Свечински, Неохотные космополиты, 114.
40. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 36.
41. Анита Новински, «Сефарды в Бразилии: новые христиане», в Сефардское наследие, т. 2, ред. RD Barnett и WM Schwab (Джексонвилл, Северная Каролина: Gibraltar Books, 1989), 443; Wiznitzer, Евреи в колониальной Бразилии, 41.
42. Анита Новински, «Сефарды в Бразилии», 443.
43. Джейн С. Гербер, Еврейское общество в Фесе (Лейден: EJ Brill, 1980), 169–73: Со времен Крестовых походов, когда корень тростника был пересажен из Азии в Средиземноморский бассейн, производством и продажей сахара занимались преимущественно евреи. Страница 173: В 1590-х годах королева Англии Елизавета ежегодно импортировала восемнадцать тысяч фунтов марокканского сахара для своего хозяйства.
44. Дэвид Рафаэль, Изгнание 1492 года Хроники (Голливуд, Калифорния: Carmi House Press, 1992): Более тридцати лет спустя ужасные сцены все еще жили в памяти старого епископа Коутиньо, который «видел, как многих людей тащили за волосы к купели. Иногда я видел отца, голова которого была покрыта в знак скорби и боли, который вел своего сына к купели, протестуя и призывая Бога в свидетели, что они хотели умереть вместе по закону Моисея. Но еще более ужасные вещи, которые с ними творились, я видел собственными глазами». После этого король Мануэль сообщил католическим королям Испании: «В Португалии больше нет евреев».
45. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 10. Сан-Томе остается открытой главой. Ранний отчет о вынужденном исходе сообщает, что многие из семисот детей утонули в первоначальном штормовом путешествии, а позже другие были выкуплены. Однако трудно сопоставить точность этого отчета с постоянным присутствием там стольких конверсов. В 1632 году иностранный посетитель написал, что конверсос Сан-Томе составляли около половины населения и по-прежнему считались евреями: «Остров настолько кишит новыми христианами, что они практикуют еврейские обряды почти открыто» (из Броделя, Средиземноморье и средиземноморский мир, т. 2, стр. 814, цитируя Ж. Кювелье, «L'ancien Congo d'après les Archives romaines, 1518–1640 гг.» [Брюссель: Королевская академия колониальных наук, 1954], 498).

Прекрасную статью о конверсос острова в период 1492–1654 гг. см. в работе Роберта Гарфилда «Забытый фрагмент диаспоры: евреи острова Сан-Томе, 1492–1654 гг.» в Изгнание евреев: 1492 и после, ред. Рэймонд Б. Уоддингтон и Артур Х. Уильямсон (Нью-Йорк: Garland Publishing, 1994); см. также Глория Маунд, «Иудейские исследования на Балеарских островах и в Сан-Томе», в Евреи в местах, о которых вы никогда не думали, ред. Карен Примаг (Джерси-Сити: KTAV, 1998), 60–63. Как потомки тех первых похищенных детей смогли сохранить свое наследие — загадка. Возможно, как и мать Моисея, их родители тайно эмигрировали вместе с ними. Оценивая их средний возраст в восемь-десять лет, им было около сорока пяти, когда Коэльо послал своих вербовщиков. Некоторые из их детей, несомненно, приветствовали бы шанс занять свою нишу в Новом Свете.

46. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 12–14, приводится подробный список десятков еретических актов, постоянное соблюдение которых *conversos* выставляет их как иудействующих. Они включают в себя очевидные, такие как обрезание и чтение еврейских молитв, и неясные, такие как переодевание в чистое нижнее белье в пятницу вечером и благословение детей без совершения крестного знамения.
47. Там же, 57–58; Либман, Евреи в Новой Испании, 213, описывает секретный код, используемый в еврейской переписке.
48. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 47.
49. Тайная организация была разоблачена историком Сеймуром Либманом, который посвятил большую часть своей научной жизни переводу тысяч судебных процессов инквизиции в Новом Свете.
50. Сеймур Либман, Евреи Нового Света 1493–1825: Реквием по забытым (Нью-Йорк: KTAV, 1982), 80, 84, 92, 93.
51. Там же, 94.
52. Привет, Блум, Экономическая деятельность евреев в XVII и XVIII веках (Уильямсбург, Пенсильвания: Baynard Press, 1937), 64–65n146, 86–87n55; Вернер Зомбарт, Евреи и современный капитализм, перевод М. Эпштейна (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1951), 184: «Путешественники восхищались великолепием и роскошью домов этих беженцев, которые жили в том, что на самом деле было дворцами. Если вы обратитесь к коллекции гравюр того периода, вы обнаружите, что самые великолепные особняки в Амстердаме были заселены евреями».
53. Сайрус Адлер, «Современный мемориал, касающийся ущерба испанским интересам в Америке, нанесенного евреями Голландии (1634)», Американское

еврейское историческое общество, 45–47. Заявление информатора: «Бенто де Осорио, он же Дэвид Осорио, отдает приказы и составляет планы грабежей и разрушений, думая таким образом уничтожить христианство. Именно с этой целью они пытаются содержать так много шпионов во многих городах Кастилии, Португалии, Бискайи, Бразилии и других местах».

54. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 49.

55. Там же, 52.

56. Там же, 51.

57. Там же, 52.

58. Сеймур Либман, «Великий заговор в Перу», Академия американской францисканской истории 28, № 2 (октябрь 1971 г.), 182: Цитата из письма Совета Португалии Филиппу IV.

59. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 54.

60. Там же, 54.

61. Там же, 60.

62. Адлер, «Современный мемориал», 45–47.

63. Там же, 45–47.

Глава шестая: Воины Сиона в Новом Свете

1. Сайрус Адлер, «Современный мемориал, касающийся ущерба испанским интересам в Америке, нанесенного евреями Голландии (1634 г.)», Американское еврейское историческое общество, 48; Джонатан И. Израэль, Диаспора внутри диаспоры, 1540–1740, Серия Brill по иудаике (Бостон: EJ Brill, 2002), 148–50.
2. Мендель Петерсон, Воронка золота (Бостон: Литтл, Браун, 1975), 248–67.
3. Найджел Коуторн, Пираты: иллюстрированная история (Эдисон, Нью-Джерси: Chartwell Books, 2005), 29.
4. Привет, Блум, Экономическая деятельность евреев в XVII и XVIII веках (Williamsport, Pa.: Baynard Press, 1937), 92: В 1655 году испанский консул в Амстердаме с помощью шпионов собрал имена еврейских торговцев,

торгующих с Испанией, вместе с именами их корреспондентов там. Возглавлял список Бенито Осорио. Король Филипп IV передал список инквизиции.

5. Информация об испанском флоте сокровищ исходит от Роберта Ф. Маркса, Кораблекрушения Западного полушария: 1492–1825 гг. (Нью-Йорк: World Publishing Company, 1971); Дэйв Хорнер, Кораблекрушения, ныряльщики и затонувшее золото: сокровища галеонов (Нью-Йорк: Додд, Мид, 1965): В апреле 1628 года Tierra Firme отплыли в Новый Свет. Обогнув северное побережье Южной Америки, галеоны после двух месяцев плавания причалили в Картахене, где выгрузили товары и собрали сокровища, привезенные в порт: золото и алмазы из Венесуэлы, жемчуг с острова Маргарита, а также золото и изумруды с гор Колумбии. Tierra Firme затем проследовали в Портобело, на побережье Карибского моря в Панаме, где галеоны заполнили свои трюмы серебром Потоси, которое было перевезено за шесть тысяч миль из Лимы, сначала на корабле в Панаму, а затем через перешеек на караване мулов. После погрузки серебра, теперь превращенного в семидесятифунтовые слитки, галеоны вернулись в Картахену, чтобы забрать остатки прибывших богатств. В течение следующего месяца порт приобрел вид шумного базара с торговцами, коробейниками, проститутками, моряками и авантюристами, играющими в азартные игры, выпивающими, играющими и обменивающимися предметами роскоши и изделиями из Европы. В августе 1628 года ежегодный фиера закончился, и

the Tierra Firme отплыл на север в Гавану, чтобы встретиться с флотом.

6. Адлер, «Современный мемориал», 45.
7. Арнольд Визницер, Евреи в колониальной Бразилии (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1960), 59.
8. Там же, 58. Об этом сообщил в своем дневнике побежденный португальский губернатор.
9. Визницер, Записи о древнейшей еврейской общине в Новом Свете (Нью-Йорк: Американское еврейское историческое общество, 1954), 3n2.
10. Блум, Экономическая деятельность евреев, 129–30.
11. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 64.
12. Там же, 62; Дадли Поуп, Король пиратов: Биография сэра Генри Моргана, 1635–1688 (Нью-Йорк: Додд, Мид, 1978), 53.
13. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 59.

14. Джейкоб Р. Маркус, Колониальный американский еврей 1492–1776, т. 1 (Детройт: Издательство Университета Уэйна, 1970), 70.
15. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 88.
16. Там же, 74, 129.
17. Там же, 63.
18. Там же, 90–91.
19. Маркус, Колониальный американский еврей, т. 1, 77.
20. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 64.
21. CR Боксер, Голландцы в Бразилии, 1624–1654 гг. (Оксфорд, Великобритания: Clarendon Press, 1957), 115–116.
22. Брэдфорд Бернс, История Бразилии (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1970), 48.
23. Основными источниками для этой главы являются работы Арнольда Визницера и раввина Герберта Блума.
24. Анита Либман Лебесон, Люди-пилигримы (Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1950), 43; Визницер, Записи о древнейшей еврейской общине в Новом Свете, 55. Улица вела к Еврейской площади; там же находился Playa de Judios (Еврейский пляж).
25. Лебесон, Люди-пилигримы, 43.
26. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 83.
27. Там же, 111.
28. Джейкоб Рейдер Маркус, Раннее американское еврейство, том. 1 (Филадельфия: КТАВ, 1975).
29. Сверху вниз, цифры в этом абзаце цитируются из Герберта И. Блума, «Исследование истории бразильских евреев 1623–1654, основанное главным образом на открытиях покойного Сэмюэля Оппенгейма», Публикации Американского еврейского

исторического общества 33 (1934), 86; Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 35; там же, 69–70; Блум, «Исследование», 100.

30. Блум, Экономическая деятельность евреев, 133.
31. Там же, 133.
32. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 84.
33. Там же, 72: С 1636 по 1645 год Компания привезла в Бразилию 23 163 раба, которых продала за 6 714 423 флорина. После 1645 года из-за гражданской войны Компания перевезла рабов на Кюрасао. Цифра в 26 000 — это оценка Фабера, Евреи, рабы и работорговля, 21.
34. Фаберс Евреи, рабы и работорговля использует первичные исходные материалы и фокусируется на британской работорговле в семнадцатом и восемнадцатом веках, что демонстрирует «минимальный характер участия евреев в порабощение африканцев в Америке».
35. Визницер, Записи древнейшей еврейской общины, 22; В 1643 году Моисей, повидимому, сменил профессию. Он указан как сборщик налогов, что указывает на то, что он ушел из моря, но не обязательно от своих грабительских дел.
36. Там же; страницы 1–107 перепечатка (с индексом) «The Minute Book of Congregations Zur Israel of Recife and Magen Abraham of Mauricia, Brazil». Бесценная работа по этим общинам и их симбиотическим отношениям была проделана Сэмюэлем Оппенгеймом, Гербертом Блумом и Арнольдом Визницером. Доступно много первичного материала, включая книгу протоколов Zur Israel за 1648–53 годы.
37. Блум, «Исследование», 91.
38. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 74–75.
39. Адлер, «Современный мемориал», 45; Йозеф Каплан, «Португальские евреи в Амстердаме: от принудительного обращения к возвращению в иудаизм», Студия Розенталь 15 (1981), 41–42. Цитата из протокола суда: «Эстебан де Арес де Фонсека жил в Испании в Памплоне, когда встретил кузена из Бордо... где тайные иудеи «убедили его отказаться от веры Господа Иисуса из Назарета и принять религию Моисея, которая является истинной и в которой он будет спасен». Он прибыл в

Амстердам в 1625 году и был встречен родственниками, которые приняли его с «великой радостью и сказали ему, что это чудеса Бога, который приводит тех, кто живет в слепоте христианства, к иудаизму». Они немедленно начали заботиться о нем, чтобы превратить его в еврея, потому что (они сказали), что он был ребенком матери еврейского происхождения. Когда он увидел это, он не захотел быть обрезанным или стать евреем, и они поместили его в компанию раввина, чтобы убедить его соблюдать (эту религию), и после того, как он провел с ним шесть месяцев и не смог убедить его, они отлучили его, чтобы ни один еврей не вступал с ним в контакт или не разговаривал с ним. После 15 или 16 дней в таком положении, в котором никто не говорил с ним и не помогал ему, он пошел (к ним), и они согласились сделать ему обрезание. После обрезания они назвали его Давидом». Каплан пишет: «Сомнительно, что мы можем полагаться на это, поскольку он пытался оправдать себя и представить свое обращение в Амстердаме как действие, которое было ему навязано

против его воли».

40. Ричард Данн, Сахар и рабы (Чапел-Хилл: Издательство Университета Северной Каролины, 1972), 61; Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 88; Блум, «Исследование», 90.
41. Контрабандная торговля через Амстердам была настолько популярна, что в 1662 году испанские торговые галеоны, несмотря на двухлетнее отсутствие в Новом Свете, вернулись домой с полупустыми трюмами.
42. Территория Нидерландов на северо-востоке Бразилии включала провинции Пернамбуку, Итамарака, Параиба и Риу-Гранди-ду-Норти.
43. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 88–89 (стенограмма письма в приложении Визницера).
44. Блум, Экономическая деятельность евреев, 138, 138н.
45. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 93.
46. Там же, 116–117.
47. Там же, 95–96.
48. Блум, «Исследование», 94.
49. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 98.

50. И. С. Эммануэль, «Новый свет на раннее американское еврейство», Американские еврейские архивы⁸ (1955), 11.
51. Ibid., 9–13: Авраам да Коста был главой Парнаси́ма, подписавшим петицию, которая привела к *Patenta Onrossa*. Он был младшим братом Уриэля, который покончил с собой после того, как отрекся от своих еретических убеждений, и старшим братом Иосифа, который позже сослался на *Patenta Onrossa* в борьбе за достижение гражданских прав в Новом Амстердаме.
52. Там же, 43–44.
53. Арнольд Визницер, «Еврейские солдаты в голландской Бразилии (1630–1654)», Публикации Американского еврейского исторического общества⁴⁶ (сентябрь 1956 г.), 46.
54. Там же, 48.
55. Блум, «Исследование», 126.
56. Там же.
57. Там же, 137.
58. Там же, 130–31.
59. Визницер, Евреи в колониальной Бразилии, 108–9, 210: текст ответа короля Иоанна.
60. Рот, История марранов, 306: Отвоевание Португалией Бразилии во многом произошло благодаря ему. Да Силва «поставлял корабли, припасы и боеприпасы для армии». После того, как его обвинили в иудаизме, его суд тянулся пять лет. Да Силва был наконец освобожден после того, как он явился как раскаявшийся, и в 1662 году король отправил его в Англию с Екатериной Браганской, чтобы управлять ее приданым. Хотя он остался в Лондоне, он так и не присоединился к теперь уже легальной еврейской общине.
61. Блум, «Исследование...» 136–37.
62. Саймон Вольф, Американский еврей как патриот, солдат и гражданин (Бостон: Gregg Press, 1972), 449.
63. Визницер, Записи древнейшей еврейской общины, 55н44.

64. Либман, «Великий заговор в Перу», 176–90; Либман, Евреи в Новой Испании, 225–35.
65. Они могли поселиться на шести небольших голландских островах: Аруба, Бонайре, Кюрасао, Саба, Сент-Эстасиус и Сен-Мартен, и хотя Франция и Англия по-прежнему были под запретом, их приветствовали на французских островах Карибского моря Гваделупа и Мартиника, а также в английских колониях Барбадос и Невис.

Глава седьмая: Исход на остров еретиков

1. Арнольд Визницер, «Исход из Бразилии и прибытие в Новый Амстердам еврейских отцов-пилигримов в 1654 году», Публикации Американского еврейского исторического общества 44 (Филадельфия, сентябрь 1954 г.), 80–97.
2. Капитан Томас Саути, Хронологическая история Вест-Индии (Лондон: Frank Cass & Co., 1968; перепечатка издания 1827 года): В 1568 году корона обвинила нынешнего наследника, дона Луиса Колона, в «блокировании расследования обвинений в том, что адмирал использовал свою частную юрисдикцию на Ямайке для прикрытия незаконной торговли». Обвинение состояло в том, что он импортировал больше товаров, чем требовалось острову, с единственной целью — экспортировать их в другие колонии. Это было нарушением торговой системы, которая предписывала первую прибыль на родине, т. е. все товары должны были прибывать и убывать через Севилью. Ричард Блум, Описание острова Ямайка и других островов и территорий в Америке, в которых английский язык родственен (Лондон, 1672), 44: Когда англичане завоевали Ямайку, «количество жителей не превышало 3000, из которых половина были рабами. И причина, по которой она была так мало заселена, заключалась в том, что... главным образом, этот остров находился во владении наследников Колумба, которые получали доходы и назначали губернаторов как абсолютных его владык. И сначала он был заселен португальцами, общество которых испанцы ненавидят».
3. Фрэнсис Дж. Осборн, История католической церкви на Ямайке (Чикаго: Издательство университета Лойолы, 1988), 84: 15 февраля 1624 года синод постановил, что ямайский аббат должен перейти под юрисдикцию архиепископа Санто-Доминго.
4. Фрэнк Кандалл и Джозеф Питерс, Ямайка под испанцами, извлечено из Архивов Севильи (Кингстон: Институт Ямайки, 1919), 17: Мигель Дельгадо, один из португальцев, основавших Ла-Вега (испанский город) в 1534 году, был вице-губернатором в 1583 году; Моралес, Испанская Ямайка, 86: Диего де Меркадо правил с 1583 по 1597 год. Все выдающиеся ямайцы, носившие эти имена, были еврейского происхождения. См. Jacob Andrade, Летопись евреев Ямайки (Кингстон: Jamaica Times, 1941).

5. Кундалл и Питерс, Ямайка под испанцами, 21, 26.
6. Там же, 30.
7. Там же, 30–31.
8. Ibid., 17–34. Жажда власти Мельгарехо превзошла его полномочия. Хотя он был лоялен к короне, он не стеснялся вить собственное гнездо. После смерти Филиппа II в 1604 году шесть торговцев подали прошение Филиппу III, обвиняя губернатора в коррупции, и «молились, чтобы его отозвали». Они утверждали, что он торговал с иностранными судами и пиратами, «при этом забирая для себя и своих помощников всех негров и товары, которые попадали на остров». Однако король был доволен действиями Мельгарехо и назначил его на новый срок. Когда Мельгарехо покинул свой пост, Филипп III «по прошению народа Ямайки» простил незаконных торговцев.
9. Там же, 24.
10. Там же, 47, 48: Губернатор Ямайки безуспешно пытался «отобрать у Франсиско де Лейбы Исази [sic] кожевенный завод, который он имел на реке, но который был причиной множества болезней, находясь так близко к городу».
11. Осборн, История католической церкви на Ямайке, В приложении С, 445–476, перечислены постановления синода. Настоятель Дона Нуньо, Матео де Морено, присутствовал на синоде, но прелат-новичок был переигран силами, выступавшими против семьи Колумба.
12. Кундалл и Питерс, Ямайка под испанцами, 44–45; САГ Тейлор, Западный дизайн: рассказ об экспедиции Кромвеля на Карибы (Кингстон: Институт Ямайки и Ямайское историческое общество, 1969), 74.
13. Роберт Ф. Маркс, Сокровища флота испанских ворот (Кливленд: World Publishing Co., 1968), 4–5. Карл с нетерпением ждал галеоны: «Важность сокровищ из Нового Света для Испании можно легко понять из следующей депеши, отправленной венецианским послом в Испанию дожу в сентябре 1567 года: ...'по всей Испании царило большое беспокойство из-за задержки прибытия флота с сокровищами из Индии, и, когда генуэзские банкиры сообщили королю, что если флот не прибудет в порт в ближайшее время, то они не смогут договориться о дальнейших займах для него, Филипп II впал в такое состояние шока, что его врачи приковали его к постели ... Я рад сообщить вам, что только что из Севильи пришло известие о том, что флот благополучно прибыл в порт, и теперь царит большая радость не только

здесь, в королевском дворе, но и по всей стране».

14. Ирвин Р. Блэкер, ред., «Английские путешествия сэра Энтони Ширли», цитируется в Ричарде Хаклuite, Главные навигации, путешествия, перевозки и открытия английской нации, 1598–1600 гг., т. 3, 601 (Нью-Йорк: Viking Press, 1965), 294.
15. Шеннон Миллер, Наделенный смыслом: Raleigh Circle в Новом Свете(Филадельфия: Издательство Пенсильванского университета, 1998), 158.
16. Роберт Лейси, Сэр Уолтер Рэли(Нью-Йорк: Athenaeum Press, 1974), 344–45: Джеймс передал Гондомару «точный перечень кораблей Рэли, вооружения, портов захода и предполагаемых дат прибытия».
17. Антония Фрейзер, Король Яков VI Шотландский, король Англии, (New York: Random House, 1975), 375: «Гондомар потребовал... немедленной аудиенции у Джеймса. Приняв надменный и дерзкий тон, он заявил, что король не может судить Рэли, поскольку он поручил ему это и был окружен своими друзьями. Рэли и его капитаны были пиратами и должны быть отправлены в цепях в Мадрид, чтобы быть повешенными на главной площади. Джеймс, разгневанный дерзостью своего друга, бросил шляпу на пол, схватил себя за волосы и закричал, что это может быть правосудием в Испании, но не в Англии. Гондомар презрительно усмехнулся, что между Англией и Испанией действительно есть разница в отношении пиратства, и резко покинул комнату. Бекингом, который присутствовал, встал на сторону Гондомара». Филип Гиббс, Безрассудный герцог: романтическая история первого герцога Бекингема и двора Стюартов(Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1931), 76: «Самые наглые требования [Гондомара] имели тон имперского достоинства. Его манеры были манерами человека, который перевернул мир. Его уверенность в себе и своей стране придавала силу его дипломатии и величие его манерам». Коффин, Герцоги Бекингемские, 71–72: После обезглавливания Рэли Гондомар и король подружились. После Бекингема Гондомар был «самым частым гостем в королевской спальне» 73: «Хотя Гондомар пленил Джеймса, за пределами Уайтхолла его презирали. Однажды, проходя мимо группы англичан в носилках, которые Бекингем сделал модными, Гондомар был проклят одним из тех, кто крикнул: «Вот едет Дьявол в навозной тележке!» Фрейзер заключает (стр. 375): Он был «возможно, самым влиятельным иностранным послом, когда-либо пребывавшим в Англии... С глупостью, граничащей с безумием, Джеймс признался в близости наиболее

опасный человек, с которым ему когда-либо приходилось иметь дело».

18. Большинство упоминаний о золотом руднике Колумба на Ямайке можно найти в документах лорда Кларендона, хранящихся в Бодлианской библиотеке Оксфордского

университета: Clarendon State Papers, т. 1, № 237, стр. 14. Транскрипция Кларендоном «секретных открытий» Хермина включает в себя закодированный план вторжения на Ямайку, загадочные ссылки на местоположение секретного золотого рудника и обещание местных «портингалов» раскрыть его своему освободителю.

19. Документы штата Кларендон, т. 1, № 237, 14.
20. Рот, История марранов, 246. Хотя она и говорила, что скорее уйдет в монастырь, чем выйдет замуж за еретика, интересно отметить, что «ее духовник, фра Винсент де Рокамора, доминиканский монах, известный своим «благочестием и красноречием», исчез из Испании в 1643 году и появился в Амстердаме под именем Исаак, изучая медицину и играя видную роль в общей жизни еврейской общины».
21. Дж. Х. Эллиотт, Граф-герцог Оливарес, государственный деятель в эпоху упадка (New Haven: Yale University Press, 1986), 232: «Самые коварные из всех еретиков, осужденных церковью, — а именно евреи». О еврейском происхождении Оливареса см. стр. 10.
22. Джонатан И. Израиль, Диаспоры внутри диаспоры, криптоевреи и морские империи мира (1540–1740), Brill Series in Jewish Studies, ред. Дэвид С. Кац (Бостон, 2002), 148: Экономический план Оливареса по вербовке португальских конверсос «во многом был связан с отсутствием конкретных мер против португальских новых христиан в Индиях в 1624 году». Джонатан И. Израиль, Империи и перевалочные пункты: голландцы, испанская монархия и евреи, 1585–1713 гг. (Лондон: Hambledon Press, 1990): Приняв приглашение Оливареса, более четырех тысяч португальских конверсос обосновались в Севилье и Мадриде. Среди них был Мозес Коэн Энрикес, который позже фигурирует в предприятии по добыче золота Колумбус. К 1640 году португальские экспатрианты в Севилье составляли почти четверть населения. «Они разбогатели на легальной и нелегальной торговле, жили драгоценностями, одевались в нарядную одежду... Их показной образ жизни вызывал негодование испанских купцов, которые считали португальцев нуворишами-иностранцами. Португальские конверсос занимали такие должности, что их было легко ненавидеть.

«Противники Оливареса говорили, что он пригласил волков в курятник... Его финансовым советником был известный бывший еврей из Амстердама, а его совет называли егосиногога... Прямо перед его падением было раскрыто наследие Оливареса как конверсос. Король... пригрозил, что если он вернется ко двору, «общественность не успокоится, пока вы не будете переданы инквизиции». С этим изменением климата неохотная терпимость, проявленная к конверсос, подошла к концу. Большая часть общины, которую породил Оливарес, вскоре отправилась в более свободные земли. В течение пяти лет Оливарес держал инквизицию в страхе. В

атмосфере свободной торговли нового бизнеса и свежего капитала Испания процветала. Инновационные португальские аккредитивы и кредиты сделали капитал переносимым, а товары — транспортируемыми в порты по всему миру. Но в конце концов инквизиция победила. аутодафе 4 июля 1632 года положил конец замыслу Оливареса. Оливарес наблюдал, как шесть португальцев признались в иудаизации... Великий инквизитор, стоя на возвышении в одном конце площади, приговорил шестерых (четырех мужчин и двух женщин) к смертной казни. quemadero (место сожжения)... позже в том же месяце племянники финансового советника Оливареса исчезли в секретных камерах инквизиции. Месяцы спустя они... признались под пытками в иудаизации. Послание было ясным: Испания не готова вернуть своих евреев».

23. Используя Ямайку в качестве своей базы, он намеревался набрать дополнительных поселенцев с французских островов и захватить остальную часть испанской империи Нового Света. Шведский отчет о договоре можно найти у Арона Рюдфорса, De diplomatiska förbindelserna mellan Sverige и Англия 1624–1630 гг. (Уппсала: 1890), 100– 113, перевод по запросу Ганса Линтона, Министерство иностранных дел, Стокгольм.
24. Кундалл и Питерс, Ямайка под испанцами, 39–40.
25. В. Т. Харлоу, «Путешествия капитана Уильяма Джексона 1642–1645», Камденский сборник 13 (1923), 19.
26. Там же, 20–21.
27. Кундалл и Питерс, Ямайка под испанцами, 40: В октябре 1643 года губернатор Франсиско Ладрон де Сегамы «умер пленником без охраны в собственном доме».
28. Джон Тейлор, История жизни и путешествий Тейлора по Америке и другим странам, с описанием наиболее замечательных событий, которые ежегодно происходили в его дни, т. 2 (1688). См. Джон Робертсон, «Несвоевременная победа: переосмысление английского завоевания Ямайки в 17 веке», Исторический обзор на английском языке 117 (2002), 14: «В Сент-Мари испанские поселенцы построили женский монастырь в ознаменование своей победы в гражданской войне с португальскими коллегами-колонистами».
29. Брайан Эдвардс, История британских колоний в Вест-Индии, т. 2 (Лондон: John Stockdale Pickadilly, 1801), 193. «Ревность, вызванная революцией,

которая посадила герцога Браганса на трон Португалии, привела к изгнанию почти всех колонистов этой страны. Когда британские войска вошли в Спанист-Таун, они обнаружили 2000 домов, но мало жителей. Зброшенный дом в столице доказывал нехватку арендаторов. Это произошло из-за изгнания португальских поселенцев».

30. Кэрол С. Хольцберг, *Меньшинства и власть в черном обществе: еврейская община Ямайки* (Лэнхэм, Мэриленд: North-South Publishing, 1987), 16n: «За 15 или 20 лет до британского вторжения... 13 португальских семей были изгнаны».

31. Впервые я наткнулся на имя Израиля в показаниях капитана Фонсеки 1634 года перед инквизицией в Мадриде. Шпион указал Израиля как «адъютанта» (административного офицера) судов снабжения, направлявшихся в Ресифи, которые якобы должны были остановиться в Португалии, штурмовать тюрьму инквизиции и освободить заключенных. Имя Израиля также появляется в показаниях Авраама Буэно Энрикеса, молодого голландского еврея, взятого в плен во время боевых действий в Бразилии и отправленного в Лиссабон для суда. W. Samuel, «Сэр Уильям Дэвидсон, роялист (1616– 1689) и еврей», *Труды Еврейского исторического общества Англии* 14 (июль 1936 г.), 49– 50: В своей исповеди инквизиторам он отметил, что Авраам Исраэль был женат на его племяннице. Поскольку полное имя Израиля «де Пиза» отождествляет его с Италией, и поскольку семья Буэно Энрикес также имела связи с этой страной, Сэмюэл предполагает, что, несмотря на общность имени Авраам Исраэль (вероятно, принятого конверсом после их возвращения в иудаизм), молодой заключенный имел в виду своего близкого родственника Авраама Исраэля де Пиза. Эту связь Сэмюэл подкрепляет в показаниях сэра Уильяма Дэвидсона, который, призывая к энденизации [натурализации или некоторым правам гражданства] Даниэля Буэно Энрикеса, барбадосского еврея, отмечает, что Даниэль Буэно Энрикес

является «ближайшим родственником торговца из Портингелла, который отправляется на Ямайку для открытия шахты, о которой вы знаете». Однако «ближайшим родственником» мог бы быть и Авраам Коэн, который также был Энрикесом. Я делаю вывод, что все трое были родственниками. Как задокументировал Дэниел М. Свечински в своей статье «Родство и торговля: основы португальской еврейской жизни в Голландии XVII века», *Studia Rosenthaliana* 15, № 1 (1981), 65, партнеры в большинстве деловых сделок были «почти неизбежно родственниками».

32. Моррис У. Шаппес, ред., *Документальная история евреев в Соединенных Штатах, 1654–1875 гг.* (Нью-Йорк: Citadel Press, 1950), 1–2.

33. Арнольд Визницер, «Исход из Бразилии», 319–20: То, что некоторые остались на Ямайке, задокументировано в «Письме протеста Генеральных штатов Нидерландов королю Испании» от 14 ноября 1654 года.
34. Там же, 320.
35. Шаппес, Документальная история евреев, 5.
36. Когда судно с письмом Компании прибыло в Новый Амстердам, предоставляя еврейским «лодочникам» разрешение на въезд, среди его пассажиров были сыновья Коэна и Израиля, Яков и Исаак. Каждому было около тридцати лет. Заглянув за пределы Нового Амстердама, двое друзей подали заявку на лицензию на торговлю мехами с индейцами, и Израиль отправился вниз к Саут-Ривер, чтобы обменивать шкуры на шкуры с индейцами-делававами. Он вернулся со шкурами, но их лицензия была отклонена и одобрена только после того, как кальвинисты добавили свои подписи. Намеки на их характеры очевидны в судебных записях: Коэн был обвинен в контрабанде одиннадцати телег табака, а Израиль — в «ударе кулаком [другого еврея] по лицу». Обеспечив права для своего народа, эти двое в конечном итоге присоединились к своим отцам на Ямайке в поисках потерянного золотого рудника Колумба.

Глава восьмая: Тайные агенты Кромвеля

1. Джеймс Уильямсон, Краткая история британской экспансии: Старая колониальная империя (Лондон: Macmillan, 1965), 249: 1500 кораблей были «вдвое больше, чем английского торгового флота».
2. Альберт М. Хайамсон, Сефарды Англии: история испанской и португальской еврейской общины, 1492–1951 гг. (Лондон: Метуэн, 1951), 11: Дэниел Коэн Энрикес, он же Дуарте Энрикес Альварес с Канарских островов, женился на еврейке Лейле Энрикес в Амстердаме, и после свадьбы они поселились в Англии. «Это было первое появление в Англии известной сефардской семьи Энрикес».
3. Антония Фрейзер, Кромвель: Лорд-протектор (Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1974), 521.
4. Там же. Фрейзер писал, что приготовления были настолько секретными, что «один из участвовавших в них шотландских солдат написал: «Если бы он заподозрил, что его рубашка знает о планах, он был бы вынужден сжечь ее».

5. Там же, 522.
6. Айрин А. Райт, «Английское завоевание Ямайки», Камденский сборник 13, (1924), 11, цитирует отчет испанского капитана Хулиана де Кастильи о вторжении: «Среди взятых пленных был английский юноша, который умолял сохранить ему жизнь на испанском языке. Он заявил, что он был переводчиком генерала Роберта... Он сказал, что его протектор... принял в Лондоне большую часть евреев Фландрии и продал им один из лучших кварталов в городе, с церковью вместо синагоги. Он понял, что эти евреи настаивали на отправке этого флота и выдали большой заем на его оснащение. Нетрудно в это поверить, поскольку пример Бразилии демонстрирует подобные измены и беззакония, совершенные этим слепым народом из отвращения, которое они испытывают к нам».
7. Большая часть информации о Карвахале получена от Люсьена Вульфа, Труды Еврейского исторического общества Англии² (1894), 14–46; и Люсьен Вольф, «Криптоевреи в эпоху Содружества», Труды Еврейского исторического общества Англии² (1893–94), 55–88.
8. Фрейзер, Кромвель, 524.
9. САГ Тейлор, Западный дизайн: рассказ об экспедиции Кромвеля на Карибы (Кингстон: Институт Ямайки и Ямайской исторической Общество, 1969), 10.
10. Там же, 16, 19.
11. Тейлор, Западный дизайн, 34, 36.
12. Там же, 36: Тейлор цитирует Генри Уистлера, «Журнал Вест-Индской экспедиции (1654–1655)», перепечатанный в Журнал Института Ямайки² (Кингстон, 1899).
13. Райт, «Испанские рассказы о Санто-Доминго. Нотариальный отчет», Камденский сборник¹³ (1924), 59: Также имеется признание четвертого заключенного: «он сказал, что их намерением было отправиться на Ямайку».
14. НР Jacobs, «Обзор истории Ямайки», Историческое общество Ямайки¹, № 1 (июнь 1945 г.), 109–110.
15. Райт, «Английское завоевание Ямайки» Джулиана Кастильи (1656)», Камденский сборник¹³ (1924), 522.

16. Джон Элайджа Блант, Евреи Англии (Лондон: Saunders and Benning, 1830), 70–71: «Крайние сторонники раввина смутили Кромвеля, когда в ежедневной прессе появилось сообщение о том, что они просмотрели записи о его рождении, чтобы узнать, Лорд-протектор был из рода Давида и сам мог быть Мессией!» Когда слух об их расследовании достиг Лондона, «Кромвель был заподозрен в том, что был посвящен в их замыслы, и подвергся насмешкам. На заседании совета евреев вызвали... горячо отчитали и приказали покинуть страну».
17. Доказательства того, что Карвахаль и Акоста были евреями, исходят от их еврейских потомков, проживающих на Карибах.
18. Тейлор, Западный дизайн, 61.
19. CA Firth, ред., Рассказ генерала Венейблса о его экспедиции на остров Ямайка: с приложением документов, относящихся к экспедиции, Королевское историческое общество (Лондон, 1900). Отчет Венейблса Кромвелю. Ричард Хилл, выдающийся историк Ямайки девятнадцатого века, пишет в Свет и тени истории Ямайки: восемь глав истории Ямайки (1508–1680), иллюстрирующая поселение евреев на острове (1868), 35: «Влияние семьи Диего Колумба сделало ее весьма значительно португальской. Несколько еврейских семей, уже живущих здесь, являются прародителями семей, которые все еще живут, и положили начало ядру еврейского влияния, столь замечательного и столь первостепенного на Ямайке в наши дни».
20. Тейлор, Западный дизайн, 63: Когда Дуарте де Акоста, которого англичане держали в заложниках, послал своего раба с посланием к своему брату Гаспару, раб был задушен как шпион. Акоста, «разгневанный» убийством своего раба, перешел к англичанам. Венейблс отметил: «Большое количество информации было получено от Акосты».
21. Вольф, «Крипто-евреи в эпоху Содружества», 56: Происхождение Де Касереса: родился в 1615 или 1623 году в Амстердаме, умер в 1704 году в Англии. Он был сыном Моисея де Кассереса, одного из двенадцати основателей Неве Шалом, и жил на Барбадосе с 1647 по 1654 год и в Гамбурге до того, как приехал в Лондон. Морис Вульф, «Внешняя торговля лондонских евреев в сефардском веке», Труды Еврейского исторического общества Англии 24 (1970–73), 47: его семья была из Касереса в Испании, недалеко от границы с Португалией, где до изгнания проживало много евреев, на той же широте, что и Толедо и Лиссабон.

22. Люсьен Вольф, «Американские элементы в переселении», Труды Еврейского исторического общества Англии³ (1896–98), 97–98, Приложение VII.
23. Томас Карлайл, ред., Письма и речи Оливера Кромвеля, Библиотека универсальной литературы (Нью-Йорк: PF Collier and Son, 1800), часть 2, 428.
24. WS Samuel, «Список евреев, энденцированных и натурализованных в 1609–1799 гг.», Труды Еврейского исторического общества Англии² (1968–69), 113.
25. Люсьен Вольф, «Еврейские разведчики Кромвеля», Очерки еврейской истории (1934), 103: «отправляет первое подлинное предупреждение о договоре... текст которого, как он сообщает, «хранится в тайне», но он получил копию за 20 [фунтов]». Источник — Берч: Thurloe Papers, т. 645. Март 56, Блейк отплыл из Англии, чтобы блокировать Кадис. Когда прибыли галеоны, он захватил шесть из восьми кораблей и два миллиона штук восьми, а в следующем году сжег или потопил испанский флот в Тенерифе на Канарских островах. Это положило конец всякой надежде отправить экспедиция в Вест-Индию осенью с целью вернуть Ямайку.
26. Вольф, «Еврейские разведчики Кромвеля», 112.
27. Вольф, «Криптовоевреи в эпоху Содружества», 56.
28. Интересные трактаты, касающиеся острова Ямайка, которые проливают свет на историю этого острова с момента его завоевания до 1702 года. (Св. Яго де ла Вега, 1702), 1–2: «Прокламация протектора, Относительно Ямайки: Поэтому мы, ... [постановляем], что каждый плантатор или путешественник на этом острове будет... освобожден от уплаты любого акциза или таможенной пошлины за любые... товары или предметы первой необходимости, которые он или они будут перевозить на остров Ямайка... в течение десяти лет».
29. Анита Либман Лебесон, Люди-пилигримы (Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1950), 48–49; Арнольд Визницер, Евреи в колониальной Бразилии (Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1960), 174–75.
30. Фрейзер, Кромвель, 566.
31. Там же, 561; Бернард Мартин, История иудаизма, т. 2 (Нью-Йорк: Basic Books, 1974), 163.
32. Люсьен Вольф, Миссия Менассе Бен Исраэля Оливеру Кромвелю (Лондон: Macmillan, 1901), 78–79: Текст обращения Менассии к Кромвелю. Наряду с выполнением мессианского требования Менассия отметил: «Прибыль — это самый мощный мотив,

который весь мир предпочитает всем вещам», и подчеркнул богатство, которое создаст их возвращение. Нет никаких записей о том, что они обсуждали, когда встречались, но легко представить себе оживленный поток мнений о Писании, пророчествах и торговле. Менассия, обращаясь к нему, принял «самую покорную и подобострастную позу, какую только можно себе представить», но быстро напомнил протектору о судьбе лидеров, которые обращались с евреями сурово: «Ни один монарх никогда не приносил евреям страдания, не будучи в конечном итоге сурово наказанным Богом».

33. Д'Блоссьер Тови, *Anglia Judaica: История евреев в Англии* (1738); пересказано Элизабет Перл (Лондон: Weidenfeld and Nicolson, 1990), 143–44.

34. Вольф, «Криптовоевреи в странах Содружества», 64. Петиция лондонских евреев

Кромвель: «чтобы защитить себя от этих тиранических действий и пользоваться теми благами и добротой, которые это государство оказывало страждущим чужеземцам, как Ваше Высочество сооблаговолило проявить от имени евреев».

35. Там же, 65.

36. Там же, 66.

37. Гилберт Бернет, Осмунд Эйри, изд., *История моего времени*, т. 1 (Лондон: Компания книготорговцев, 1725), 76.

38. Карлайл, ред., *Письма Оливера Кромвеля*, т. 22, 427–30.

39. Томас Бирч, ред., *Сборник государственных документов Джона Терлоу, эскайра, секретаря, первого Государственного совета двух протекторов Оливера и Ричарда Кромвелей* (Лондон, 1742), т. 4, 543–544: запись в журнале Сабады от 1 февраля 1656 года.

40. Государственные документы Терлоу #4, 602.

41. Вольф, «Криптовоевреи в эпоху Содружества», 56.

42. Вольф, «Американские элементы в переселении», 96–97, Приложение VII, *Письмо о вторжении в Чили: план Симона де Касереса по завоеванию Чили*. Карлейль, *Письма и речи Кромвеля*, т. 3, 131; Вольф, «Еврейские разведчики Кромвеля», 108–9.

43. Сесил Рот, История евреев в Англии (Лондон: Clarendon Press, 1964), 56.
44. Вульф, «Внешняя торговля лондонских евреев», 47. Сэмюэл Толковски, Они вышли в море (Лондон: Томас Йоселофф, 1964), 245: В апреле 1661 года король Дании одобрил просьбу братьев Касерес к Карлу II о проживании и торговле на Барбадосе и в Суринаме.
45. Джонатан И. Израиль, Диаспоры внутри диаспоры, 1540–1740 гг., Brill Series in Jewish Studies (Бостон: EJ Brill, 2002), 298–99, цитируя Саймона Де Фриза, История варваров: С 1626 года, когда портовый город Сале, Марокко, только что к северу от Рабата, образовали «самоуправляемую пиратскую республику», лидерами и финансовыми покровителями корсаров были «небольшая община португальских евреев из Амстердама, [которые] разделили между собой захваченную добычу, взятую у христиан». Генеральные штаты в депеше султану Марокко называли два знакомых имени, Моисея Коэна Энрикеса и Аарона Керидо, как «известных» торговцев, которые поставляли оружие и боеприпасы в Сале. Другими известными фигурами были сыновья братьев Палаче, члены семьи Буэно Мескита, и кузен Моисея, Бенджамин Коэн Энрикес, описанный в 1634 году как «выдающийся голландский еврейский торговец, проживающий в Сале». Питер Ламборн Уилсон, Пиратские утопии: мавританские корсары и европейские ренегаты (Нью-Йорк: Автономедиа, 2003), 73.
46. Ричард Хилл, Свет и тени истории Ямайки (Кингстон, Ямайка: Ford & Gall, 1859), 37: «Еврейские семьи заложили основу торговли и движения Ямайки, как только торговый бизнес был организован с флибустьерами. С еврейскими поселенцами, надлежащим образом открывается связь колонии с пиратами».

Глава девятая: Золотая мечта Карла II

1. Бенджамин Кин, ред. и пер., Жизнь адмирала Христофора Колумба, написанная его сыном Фердинандом (Нью-Брансуик, Нью-Джерси: Rutgers University Press, 1992), li: Как писал Колумб в своей Книге пророчеств: «О, прекраснейшее золото! У кого есть золото, тот получает то, что хочет, навязывает свою волю миру и помогает душам попасть в рай».
2. Айзек С. и Сюзанна А. Эммануэль, История евреев Нидерландских Антильских островов (Цинциннати: Американский еврейский архив, 1970), 40–43.

3. Сэмюэл Оппенгейм, «Ранняя еврейская колония в Западной Гвиане и ее связь с евреями Суринама, Кайенны и Тобаго», Публикации Американского еврейского исторического общества 16 (1907), 108–9.
4. Эммануэль, История евреев Нидерландских Антильских островов, 44: В 1659 году Дэвид Коэн Насси, заключивший контракт с Компанией на основание еврейской колонии в Кайенне, купил «52 негра-раба у Авраама Коэна до Бразила, который заплатил Компании 2995,50 флоринов наличными за них, и он обещал возместить Коэну в течение трех лет». Цви Локер, Евреи на Карибах: свидетельства об истории евреев в Карибском регионе в колониальные времена (Иерусалим: Мисгав Йерушалаим, Институт исследований сефардов и восточного еврейского наследия, 1991), 59–60: В августе 1659 года Авраам Коэн и А. Луис, торговцы из Амстердама, отправляют «товары и пассажиров» в Кайенну с согласия Вест-Индской компании; в ноябре 1659 года Авраам Коэн и А. Луис, действуя по доверенности Новой Кайеннской компании, отправляют судно Абрахамс Офферханде «нагруженный товарами» в Кайенну. 3 марта 1660 г.: «Авраам Коэн зафрахтовал Гамбург для отправки груза и нескольких евреев в Кюрасао и Кайенну» Май 1660 г.: «А. Коэн должен отправить А. Луису \ часть его имущества с острова «Аями» на реке в пустыне Дикого Берега».
5. Локер, Евреи на Карибах, 107.
6. Эммануэль, История евреев Нидерландских Антильских островов, 43.
7. Брайан Мастерс, Любовницы Карла II (Лондон: Блонд и Бриггс, 1979), 45.
8. Джин Плейди, Странствующий принц (Нью-Йорк: Фосетт, 1971), 164–65.
9. Цитируется по Антонии Фрейзер, Королевский Чарльз (Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1979), 139, 173.
10. См. <http://www.contemplator.com/england/phoenix.htm> .
11. Фрейзер, Королевский Чарльз, 139.
12. Мастера, Любовницы Карла II, 45.
13. Там же, 47.

14. Курс АГ, Мореплавателъ семнадцатаго века (Лондон: Frederick Muller Ltd., 1965), 24–26.
15. Сесил Рот, История евреев в Англии (Лондон: Clarendon Press, 1964), 167.
16. Люсьен Вольф, «Еврейство Реставрации», Труды Еврейского исторического общества Англии 5 (1896–98), 13.
17. Люсьен Вольф, «Положение евреев в Англии после переселения», Труды Еврейского исторического общества Англии 4 (1899–1901), 181–82.
18. Там же, 182.
19. Эдгар Р. Сэмюэл, «Письмо Дэвида Габая из Лондона 1660 года», Труды Еврейского исторического общества Англии 25 (1973–75), 38–42.
20. Антония Фрейзер, Королевский Чарльз, 195: Фрейзер цитирует запись в Календарь государственных документов, внутренние серии, Карл II, № 140, 30 ноября 1660 г.
21. Рот, История евреев в Англии, 160–61.
22. Вольф, «Еврейство Реставрации», 15: Мария Фернандес де Карвахаль, урожденная Родригес, была теткой по материнской линии Антонио Родригеса Линдо (брата Лоренсо), который был арестован в Лиссабоне за иудаизм, когда ему было двадцать три года в 1660 году. О Марии, крутой девушке — «когда общине угрожала опасность в 1660 году, она созвала собрание своих единоверцев в своем доме на Лиденхолл-стрит, на котором обратилась к Карлу II с просьбой «о защите его величества, чтобы он мог продолжать жить в своих владениях»».
23. Вольф, «Евреи Реставрации», 15–16: Хотя Карл еще официально не санкционировал их присутствие, у него были на то причины. В то время как большинство евреев встали на сторону протектора, другие в Амстердаме и Лондоне, во главе с семьей да Коста, симпатизировали его делу. Как сообщается, они выдали Карлу один миллион гайдеров (около 600 000 долларов). Таким образом, пока у Кромвеля были его еврейские разведчики, другие евреи поддерживали изгнанного короля.
24. Календарь государственных документов, колониальная серия, Америка и Вест-Индия, 1661–1668 гг. (Национальный архив, Кью, Суррей, Англия), 24 июля 1661 г. № 139: В апреле 1661 г. Карл одобрил их петицию о праве жить и торговать на Барбадосе и в Суринаме, одобренную королем Дании.

25. В течение двух лет после его восстановления число лондонских евреев, имеющих банковские счета, увеличилось с тридцати пяти до девяноста двух.
26. Альберт М. Хайамсон, Сефарды Англии: история испанской и португальской еврейской общины, 1492–1951 гг. (Лондон: Метуэн, 1951), 19.
27. Йосеф Каплан, Евреи и конверсо: исследования общества и инквизиции (Иерусалим: Magnes Press, 1981), 214, 221.
28. Календарь государственных документов, колониальная Америка и Вест-Индия, 1661–1668 гг., № 216, 69.
29. Контракт Карла II с Авраамом Израилем де Пизоном и Авраамом Коэном, Egerton MSS., листы 152b–158b, Британский музей.
30. Книга внутренних записей, Карл II, т. 14, 57, Национальный архив, Кью, Суррей, Англия.
31. Сэмюэл, «Сэр Уильям Дэвидсон, роялист», 46.
32. Найджел Коуторн, Сексуальная жизнь королей и королев Англии (Чикаго: Трафальгурская площадь, 1997), 72.
33. Сэмюэл, «Сэр Уильям Дэвидсон, роялист», 46.
34. Герберт Фриденвальд, «Материалы для истории евреев в Британской Вест-Индии», Публикации Американского еврейского исторического общества 5 (1897), 69, переписывает письмо как «еврей, нашедший золото, оставил... здесь руды и указания, как найти золото». Самуил транскрибирует тот же отрывок как «заботиться и указания...»
35. Нуала Захедие, «Захват Синего голубя, 1664: политика, прибыль и защита на ранней английской Ямайке», в книге Р. Макдональда, ред., Вест-Индские счета: очерки истории британских Карибских островов и экономики Атлантики (Кингстон: Издательство Вест-Индского университета, 1996), 29–47.

Глава десятая: Остров Буканьеров

1. САГ Тейлор, Западный дизайн: рассказ об экспедиции Кромвеля на Карибы (Кингстон: Институт Ямайки и Ямайское историческое общество, 1969), 111–112.
2. СН Харинг, Пираты Вест-Индии в XVII веке (Хэмден, Коннектикут: Archon Books, 1966; перепечатка издания 1910 года), 92; Дадли Поуп, Король пиратов: Биография печально известного сэра Генри Моргана, 1635–1688 гг. (Нью-Йорк: Додд, Мид, 1978), 74.
3. Тейлор, Западный дизайн, 113.
4. Там же, 118.
5. Майкл Поусон и Дэвид Бюссере, Порт-Ройял, Ямайка (Оксфорд, Великобритания: Clarendon Press, 1975), 62.
6. SAG Taylor, ред., «Дневник Эдварда Д'Ойли», часть 2, расшифровка FJ Osbourne, Ямайский исторический обзор, т. XI, 1978, стр. 69: В сентябре 1657 года Д'Ойли написал Комитету офицеров и торговцев: «Я посылаю на Эспаньолу около 250 пиратов, а именно французов и англичан, которые убивают скот, который пришел бы к нам, если бы мог получить ту свободу, которую я намерен им дать».
7. Тейлор, Западный дизайн, 133.
8. Ibid., 141–42: Каперы были уполномочены атаковать испанские корабли. Нападая на испанские поселения, а не на испанские корабли, они не должны были отдавать часть добычи лицензирующим органам.
9. Поусон и Бюссерет, Порт-Ройял, Ямайка, 80.
10. Там же, 131.
11. Папа Римский, Король пиратов, 77.
12. Тейлор, Западный дизайн, 205; Папа Римский, Король пиратов, 80.
13. Поусон и Бюссерет, Порт-Ройял, Ямайка, 220.
14. Харинг, Пираты в Вест-Индии, 109.
15. Там же, 110.

16. Поусон и Бюссерет, Порт-Ройял, Ямайка, 97.
17. Там же, 99.
18. Там же, 83.
19. Календарь государственных документов, колониальная серия, Америка и Вест-Индия, 1901 г., 593: 28 января 1692 года президент Совета Ямайки лордам торговли и плантаций: «Евреи лишают нас и наших детей всякой торговли, не соблюдая причины их натурализации; поскольку не было принято во внимание их расселение и посадка растений, как предписывал закон... они сделали Порт-Ройял своим Гошеном и не будут заниматься ничем, кроме торговли... Это великое и растущее зло».
20. Папа Римский, Король пиратов, 86.
21. Сальвадор де Мадариага, Расцвет Испано-Американской империи (Нью-Йорк: Фри Пресс, 1965), 162.
22. Поусон и Бюссерет, Порт-Ройял, Ямайка, 119.
23. Х.Р. Аллен, Пират: Адмирал сэра Генри Морган (Лондон: Arthur Barker Ltd., 1976), 23.
24. Цитируется в Клинтон Блэк, Порт-Ройял (Кингстон: Bolivar Press, 1970), 21.
25. Александр Уинстон, Пираты и каперы (Лондон: Arrow Books, 1972), 30; переиздание Нет покупки, нет оплаты (Лондон: Eyre & Spottiswoode Ltd., 1970), одна из лучших книг о пиратах.
26. Филип Линдсей, Великий пират (Лондон: Peter Neville Ltd., 1950), 103.
27. Папа Римский, Король пиратов, 163.
28. Поусон и Бюссерет, Порт-Ройял, Ямайка, 119.
29. Джон Эсквемелин, Пираты Америки. Правдивый рассказ о самых замечательных нападениях, совершенных в последние годы на побережье Запада.

Индию пиратами Ямайки и Тортуги. Джон Эсквемелин Один из пиратов, присутствовавших при этих трагедиях. (Нью-Йорк: Dover Publications, 1967), 65–69.

30. Стивен Александр Форчун, Купцы и евреи: борьба за британскую торговлю в Вест-Индии, 1650–1750 гг. (Гейнсвилл: Издательство Флоридского университета, 1984), 35.
31. Цви Локер, Евреи на Карибах: свидетельства об истории евреев в Карибском регионе в колониальные времена (Иерусалим: Мисгав Йерушалаим, Институт исследований сефардского и восточного еврейского наследия, 1991), 164–67; лучший комплексный источник документов того периода.
32. Egerton MSS., листы 152b–185b, Британский музей.
33. Календарь государственных документов, колониальная серия, Америка и Вест-Индия, 1669–1674, 7, № 968, 15–11–1672. Петиция Раббы Коути королю; т. 9, № 306, 22–21–1672: Король сэру Томасу Линчу относительно Раббы Коути.
34. Локер, Евреи на Карибах, 181.
35. Там же, 177–182; Ричард Хилл, Свет и тени истории Ямайки (Кингстон, Ямайка: Ford & Gall, 1859), 120–21.
36. Холм, Свет и Тени, 125, цитируется: Приложение к журналам Ассамблеи, 22 Карл II. А. 1670.
37. Папа Римский, Король пиратов, 23; Уинстон, Пираты и каперы, 37.
38. Аллен, Пират: Адмирал сэр Генри Морган, 131.
39. Там же, 75; Папа Римский, Король пиратов, 106, 155.
40. Аллен, Пират: Адмирал сэр Генри Морган, 75.
41. Карл и Роберта Брайденбо, Никакого мира за чертой: англичане на Карибах, 1624–1690 (Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1972), 170.
42. Линдси, Великий пират, 103–5.
43. Там же, 106.

44. Там же, 106–107.

45. Там же, 151.

46. Там же, 108.

47. Папа Римский, Король пиратов, 215.

48. Линдси, Великий пират, 112.

49. Уинстон, Пираты и каперы, 88.

50. Там же, 87.

51. Линдси, Великий пират, 177.

52. Папа Римский, Король пиратов, 257.

53. Календарь государственных документов, колониальная серия, Америка и Вест-Индия, 1669–1674, 27, № 697, 17-14-1671.

54. Нуала Захедие, «Торговцы Порт-Рояля, Ямайка, и испанская контрабандная торговля, 1655–1692», «William and Mary Quarterly», 3-я серия, 43, № 3 (1986), 580.

55. Израиль, Диаспоры внутри диаспоры, 443: «В середине 1670-х годов разразилась ожесточенная ссора между берберийскими евреями, проживавшими в Танжере, и Авраамом Козном, который, как они жаловались, «постоянно оскорблял, досаждал и беспокоил их, из-за чего они не могли заниматься своим призванием»».

56. Захедие, «Торговцы Порт-Рояля», 575.

57. Там же, 581–582.

58. Календарь государственных документов, 1669–1672, 28, № 63, 11-6-1672, Петиция торговцев Порт-Рояля сэру Томасу Линчу, губернатору Ямайки. Полная расшифровка в Hill, Свет и Тени, 124–25.

59. Календарь государственных документов, колониальная серия, Америка и Вест-Индия, 1669–1672, № 999, 453.

60. Фортуна, Торговцы и евреи, 26–27; Гедалия Йогев, Алмазы и кораллы: англоголландские евреи и торговля XVIII века (Лестер, Великобритания: Leicester University Press, 1978), 28–60: Статистика показывает, что евреи Ямайки представляли большую финансовую ценность для Англии.
61. Уинстон, Пираты и каперы, 89.
62. Папа Римский, Король пиратов, 263.
63. Там же, 262.
64. Там же.
65. Там же, 268.
66. Календарь государственных документов, 1668–1674, № 503, 552: Совет Ямайки подал петицию в Королевскую африканскую компанию, «требуя больше рабов». Компания ответила: «В январе 1674 года... семь кораблей были отправлены на Ямайку с 2320 неграми, а в 1676 году еще четыре корабля с 1660 неграми и 1540 были отправлены в ноябре 1676 года».
67. Коэн Авраам Мозесу Коэну Энрикесу, подписано 5 мая 1675 г., испанское городское бюро записей, Liber 6, 1674, № 232.
68. Офис регистрации города Спэниш, Liber 6, № 275, июль 1675 г., 8 сентября 1675 г. продает землю Мэтью Мэттсону из Порт-Рояля, что засвидетельствовано Хамфри Ноллисом и Томасом Хелиаром.
69. Натурализация Мозеса Коэна, испанское городское бюро записей, Liber 13, 1681, № 220.
70. Генри Барнхэм, Рассказ об острове Ямайка со времени первого открытия испанцами до 1722 года. (Лондон), Британская библиотека, Sloane Ms 3918, 6. Когда Морган был в Англии, тогдашний девятнадцатилетний Кристофер Альбемарль был напарником пирата. Будучи вдвое моложе Моргана, он боготворил своего старшего, будучи сам диким юношей, склонным к выпивке, Он посещал публичные дома и наслаждался грязными выходками, которые, учитывая его аристократический статус, прощались и даже вызвали восхищение.
71. Бистон продал первую землю Даниэлю Нахарру 17 мая 1693 года (Книга 24, лист 46), а впоследствии евреи купили шестнадцать из 270 участков земли, проданных в 1693–1702 годах.

72. Фортунa,Торговцы и евреи,65.

73. Следующие имена взяты из книги Леона Хюнера «Евреи, заинтересованные в каперстве в Америке в XVIII веке»,Издание Американского еврейского исторического общества²³ (1915), 163–177: Айзек Харт: В 1758 году, во время франко-индейской войны, один из видных граждан Ньюпорта и богатейших торговцев, Айзек Харт, владел и снарядил два корабля —Генерал Уэбб иЛорд-Хау— которые увидели действие.Нафтали Харт: Также из Ньюпорта, он владел и оборудовалДельфиниАлмаз,который плавал на стороне британцев во время Американской революции.

Столкнувшись с лучшим в мире флотом, Конгресс 23 марта 1776 года поручил каперам «захватывать все суда и грузы, принадлежащие Великобритании, взятые в открытом море». Среди них были четверо основателей Микве Исраэль в Филадельфии: Бенджамин Сексиас, брат нью-йоркского раввина Гершона М. Сейшаса, совладелец вместе с Исааком МозесомЛиса,бриг с восемью пушками. Моисей также владелМарбуа,бриг из шестнадцати пушек и экипажа из восьмидесяти пяти человек. Абе Саспортас владелДве Рэйчел,бригантина с восемью пушками. Майкл Грац был партнером Картера Брэкстона, подписавшего Декларацию независимости, но названия их судов неизвестны. Мендес-сын Кадет Портсмута, Нью-Гемпшир, капитан Уилкс, шлюп с десятью пушками и командой из шестидесяти человек, принадлежавший совместно с Гидеоном Самсоном из Эксетера. Мозес М. Хейс, видный гражданин Бостона и дядя Джуды Туро, владелИрис, бриг с восемью пушками. Роберт Моррис, финансист Революции, и Мозес Леви, один из трех покупателей земли для синагоги в Ньюпорте, совместно владелиГаванна, шхуна из шести пушек. Моррис также владелЧерный принц, бриг с двенадцатью пушками, с Исааком Мозесом из Филадельфии.

74. Бертрам Уоллес Корн,Первые евреи Нового Орлеана(Уолтем, Массачусетс: Американское еврейское историческое общество, 1969), цитата изДневник Жана Лафита(Нью-Йорк, 1958), 98–99.

Эпилог: В поисках затерянной шахты Колумба

1.Календарь государственных документов, колониальная серия, Америка и Вест-Индия,1661– 1668, вып. 948, 949 (1 марта 1664 г.).

2. Якоб Андраде,Летопись евреев на Ямайке(Кингстон: Jamaica Times, 1941), 139: Тот же день — 25 марта 1670 года — Коэн купил землю в долине, Соломон де Леон купил девятьсот акров в том же районе.

3. Фрэнк Кэндалл и Джозеф Питерс, Ямайка под испанцами, извлечено из Архивов Севильи (Кингстон: Институт Ямайки, 1919), 49.

СНОСКИ

- * 1Третья дочь, Марина, вышла замуж за внука сторонника Колумба, герцога МединаСидония; четвертая, Ана, вышла замуж за преемника своего отца на посту казначея колонии Хуана де Соса Кабрера.

[Вернуться к тексту.](#)

- * 2Около 10 000 испанцев, 6 000 итальянцев, 7 000 немцев, 5 000 генуэзцев и 1 000 мальтийских рыцарей.

[Вернуться к тексту.](#)

- * 3Суд, имеющий юрисдикцию в отношении испанских колоний в Новом Свете. [Вернуться к тексту.](#)

- * 4Формулировка названия, возможно, символизирует покровительственную роль наследников Колумба над португальцами и основанием ими Вилья-де-ла-Вега в 1534 году.

[Вернуться к тексту.](#)

- * 5Чтобы избежать обнаружения, многие тайные евреи не подвергались обрезанию, пока не прибыли в Голландию. По прибытии туда, если кто-то умирал до обрезания, его тело должно было быть обрезано, если его собирались похоронить на еврейском кладбище.

[Вернуться к тексту.](#)

- * 6Вероятным кандидатом на эту должность был Моисей, поскольку он говорил по-испански и пользовался доверием Хейна.

[Вернуться к тексту.](#)

- * 7Эта другая линия семьи Коэнов Энрикесов стала источником путаницы для более поздних историков.

[Вернуться к тексту.](#)